

Лада
Акимова

Загадочная
Шмыга

Annotation

Она ушла, оставив за собой едва уловимый запах любимых духов «Мадам Роша». Ушла, оставив нам на память очаровательную улыбку, прищур чуть раскосых глаз, уникальный полетный голос, звонкий смех, гибкую фигуру, летящую походку, легкий стук каблучков, шарм, едва уловимый акцент, искусство быть Женщиной, неповторимую «Карамболину», потрясающее «хрюканье» Элизы Дулитл, неподражаемого Чарли Чаплина, роскошную Диану, озорную Катрин, трогательную Джейн, великую Джулию Ламберт...

Ушла, оставшись на этой грешной земле уникальной актрисой — единственной королевой в своем королевстве, имя которому — Оперетта!

- [Лада Акимова](#)
    -
    - [Роли Татьяны Шмыги](#)
    - [Награды и звания Татьяны Шмыги](#)
-

Лада Акимова

Загадочная Шмыга

Талант — единственная новость, которая всегда нова.

Борис Пастернак, «Актриса»

2007 год. Квартира в Леонтьевском переулке.

— Чай, кофе? — слышу я из уст хозяйки после приветствий.

— А может, сразу потанцуем? — И обе хохочем в полный голос.

— Опять цветы? — Голос становится строгим, но... кокетливый прищур раскосых глаз, свойственный только этой уникальной актрисе, выдает ее настроение. Многие пробовали повторить. Ничего не получалось.

— Мои любимые! Кто придумал, что желтый цвет к измене?

— К деньгам, Татьяна Ивановна!

— Что-что, а деньги в этом доме надолго не задерживаются. Вы же знаете, что я транжира. Хотя... никогда не покупала вещей только из-за их ценности. В основном мне нравились тряпочки, а не бриллианты и антикварная мебель. У меня и муж точно такой же. Однажды я ему сказала: «Давай хоть что-то соберем на черный день». А он ответил: «Завтра черный, сегодня черный. Не пойдет!» Так и живем. Без накоплений.

И опять хохот. До слез.

В этом доме так принято. И хохотать, и работать, и поить чаем, и кормить обедом — ужином в гостиной за большим овальным столом, накрытым обязательно белой накрахмаленной скатертью, и подкалывать друг друга, и иронизировать над собой...

— Татьяна Ивановна, я же все-таки работать пришла...

— И что? Вы торопитесь?

— Я-то нет, но вот ваше время...

— Оно вам дорого, я понимаю, но с плюшками веселее разговаривать. Последнее раздается уже из кухни.

Хозяйка, народная артистка СССР Татьяна Ивановна Шмыга, бежит из кухни в гостиную и обратно. Справедливости ради нужно сказать, что

ходить Татьяна Ивановна не умела. Потому что всегда бежала. Я удивлялась этой фантастической особенности актрисы. И пальму первенства отдавала ей — и даже не пыталась угнаться за ней ни в свои 25, ни в 30, ни в 40...

Так и в тот день. На мои робкие попытки предложить помощь в сервировке стола Татьяна Ивановна ТАК на меня посмотрела, что я сразу уткнулась в свою сумку, методично вытаскивая из нее диктофон, блокнот, ручку...

— А сигареты забыли... Или вы больше не курите? — Звонкий колокольчик пережегся со стуком каблучков.

— Потерплю. — И обе опять хохочем в полный голос.

Татьяна Ивановна не переносила табачный дым, и вовсе не потому, что ханжа. У нее была аллергия, и все, кто приходил в этот уютный дом, знали об этом. И старались не курить. Уж если совсем было не вмоготу — отправлялись на лестничную площадку, реже уходили в кабинет «ее любимого Кремера» — мужа актрисы, композитора и дирижера Анатолия Львовича Кремера.

— И о чем будем разговаривать? — Звонкий голос вывел меня из раздумий.

— О любви, Татьяна Ивановна!

— О любви? — И веселые чертенята уже запрыгали в глазах актрисы.

Прошел час, другой, третий...

Заготовленные вопросы так и остались незаданными. Я не могла оторвать глаз от этой солнечной женщины и думала только об одном: ох, врут все справочники и энциклопедии, где указан возраст актрисы.

И каждый ее выход на сцену — вызов театральным энциклопедиям, вызов всем постаревшим современникам, которые, не веря глазам своим, рассматривают в бинокли ее стройные ноги на высоких каблуках, ее женственную фигуру, легко и задорно танцующую на сцене, стремительную походку, прямую спину и слышат ее молодой, звонкий голос.

Актриса возвращает им молодость — ведь на сцене та же молодая и привлекательная Шмыга, от красоты которой мужчины теряли головы. И сегодня уже их дети влюбляются в загадочную актрису. Никто не знает, сколько ей лет, да и надо ли это? Ведь женщине столько лет, на сколько она себя ощущает.

— Почему вы так на меня смотрите? — Татьяна Ивановна возвращает меня с небес на грешную землю. — Бабушка впала в детство?

Интервью пришлось прервать. От смеха я не могла вымолвить ни

слова, слезы катились из глаз.

— Я действительно чувствую себя молодой. И мне иногда кажется странным, когда подходят женщины и говорят, что в юности пересмотрели все мои спектакли. Правда, выглядят они при этом так, словно в их юность меня еще на свете не было.

— Татьяна Ивановна! — В гостинной появился «ее любимый Кремер». — Вы зачем девушку до слез довели? — А в глазах такие же веселые чертенята, что и у жены...

Занавес, господа! — как сказали бы в театре. Я «уползла» курить на лестничную площадку.

Здесь память разворачивает одну из страничек моей жизни. Вот я листаю семейные альбомы Татьяны Шмыги, рассматриваю фотографии: маленькая девочка на руках у родителей. Тане три годика. Таня — школьница, студентка, актриса Театра оперетты. Умницы фотографы запечатлели актрису дома, на отдыхе, на репетициях, в театре, на сцене...

Передо мной — вся жизнь обыкновенной московской девчонки, волею судьбы и благодаря собственному таланту ставшей первой леди оперетты.

Пройдут годы, и некоторые из этих фотографий исчезнут бесследно: квартиру, где жила актриса, зальют соседи.

Останется память...

Она же услужливо переносит меня на много лет назад. Было мне тогда лет пятнадцать, и у меня был блат в Театре оперетты. Стоит ли говорить о том, что я практически не вылезала оттуда и больше всего любила смотреть спектакли с участием Татьяны Шмыги.

Для меня само имя актрисы было окутано тайной. Мне не могло и в голову прийти, что я когда-нибудь встречу ее за кулисами театра, на улице, в магазине.

И вдруг однажды...

Я слышу «тук-тук-тук...» (Позже узнаю, что коллеги узнавали ее даже по походке.) Она не идет, а бежит мне навстречу. Еще секунда — и я увижу ее милое лицо, оно почти без грима, ее глаза, ее загадочную улыбку. От неожиданности медленно вжимаюсь в стену... И слышу неповторимое:

— Здравствуйте!

Тогда я и представить себе не могла, что пройдут годы и судьба преподнесет мне поистине царский подарок. Татьяна Ивановна Шмыга прочно войдет в мою жизнь. Ну никак не могла я себе представить, что после одного — моего самого первого с ней интервью, работая над которым мы чуть было не рассорились, — последует второе, третье...

Будут ее новые премьеры и мои приходы к ней в уютную квартиру в самом центре Москвы. Когда по какому-нибудь поводу, а когда и просто так. И будут обеды в ее уютной гостиной, и поздние ужины.

Однажды, когда ее муж Анатолий Львович Кремер придет домой после спектакля в Театре сатиры — в то время он был главным дирижером и музыкальным руководителем этого театра, — Татьяна Ивановна накроет на стол. И, перехватив мой недоуменный взгляд (часы показывали половину двенадцатого), она рассмеется:

— Привыкайте! Мы ужинаем всегда ночью. А спать ложимся под утро, потому что Анатолий Львович очень любит начать разговор о творчестве лишь в половине второго ночи.

— Хорошо, что хоть не о политике.

— К сожалению, мы сейчас все крайне политизированы. Толя — человек творческий, но он совершенно погряз в этой политике. А я, естественно, как чеховская Душечка, которая и газет-то раньше не читала, потому что там нечего было читать, теперь знаю все и всех. Правда, иногда при виде некоторых лиц мне очень хочется запульнуть чем-нибудь в телевизор.

У меня никогда не было чувства ненависти к людям, но сегодня появляются лица, которые я ненавижу. И это чувство для меня ново.

Грешна. Пользовалась гостеприимством этого уникального дома, насквозь пропитанного Любовью. Именно так. С большой буквы. Дома, где всегда выслушают, поймут и... не осудят.

Потому что в этом доме так принято: не обсуждать и не осуждать. Никого. И никогда. Правило номер один, и оно неукоснительно соблюдалось.

Было плохо. И не раз. Тяжело. Муторно на душе. И меня словно магнитом тянуло сюда. На улицу Станиславского, чуть позже вновь переименованную в Леонтьевский переулок. И приходила. И прибегала. И все выплескивала. По-женски и по-житейски мудрая Татьяна Ивановна как — то умудрялась все очень быстро разложить по полочкам и расставить по своим местам. Хотя своих проблем было предостаточно. Вот о них она предпочитала молчать.

Над самым первым интервью мы с ней работали полгода! Актриса «мучила» меня, я «изводила» ее. «Девочки! Не ссорьтесь!» — не раз слышали мы голос «ее любимого Кремера», доносившийся из кабинета, где он работал. «Девочки», подувшись друг на друга, сталкивались лбами над набранными на печатной машинке (компьютеров в 1992 году у нас и в

помине не было) листами с текстом интервью.

— Лада, опять я у вас в тексте выгляжу какой-то инфантильной идиоткой.

— Татьяна Ивановна! Вы не правы!

— Ах я не права!

— Та-а-а-ня! — В гостиной Анатолий Львович собственной персоной. — По-моему пора обедать!

И уже мне:

— Пока Татьяна Ивановна накроет на стол, мы сейчас с вами все обсудим.

И чуть позже:

— Татьяна Ивановна! Посмотрите, что мы тут наработали...

И опять все начиналось по новой...

Я ходила смотреть Татьяну Ивановну в театр (спасибо ей за это огромное, ведь именно тогда спектакль «Катрин» я пересмотрела бесчисленное количество раз), мы опять что-то наговаривали, я расшифровывала, дописывала, переписывала, и опять мы спорили в ее квартире. Порой до изнеможения.

Мне казалось, что этой сладостной муке не будет конца. Но... Как всегда это бывает в газете (даже если она не ежедневная), интервью было поставлено в номер. А это значит, что на следующий день текст должен быть подписан актрисой. Звоню домой Татьяне Ивановне.

Трубку снимает Анатолий Львович, и от него я узнаю, что Татьяна Ивановна будет дома очень поздно, потому что у нее концерт в одном из подмосковных городов.

— Что же мне делать? — чуть не плачу я.

— Как только Татьяна Ивановна приедет, она вам обязательно перезвонит.

Актриса позвонила в первом часу ночи. Она устала, это было слышно по голосу. Я, чувствуя себя чуть ли не преступницей, объяснила ситуацию.

С текстом мы закончили работать часа в три ночи.

— Я вас не могу отпустить домой. Как вы будете добираться?

Я пыталась объяснить, что живу недалеко, что ничего страшного со мной не случится.

Татьяна Ивановна проявила настойчивость, объяснив, что одной в столь поздний час ходить по улицам страшно.

— Вы останетесь ночевать у нас! Позвоните домой и предупредите!

Спорить с народной артисткой в данном вопросе было абсолютно бессмысленно.

...Я вернулась в квартиру. Интервью, превратившееся в исповедь уникальной актрисы, продолжалось.

На следующее утро прихожу в редакцию, где тогда работала. Референт главного редактора мне говорит: «Тебе звонила Татьяна Шмыга. Просила перезвонить». На часах, замечу, было около одиннадцати. Звоню.

— Что случилось, Татьяна Ивановна?

— Лада, это ужас! Вчера вечером ко мне зашла приятельница, и я ей рассказала, о чем мы с вами разговаривали. Она сказала, что я... Ну, в общем, вы понимаете...

— Да ничего я не понимаю. Я еще даже не начала расшифровывать наш с вами разговор. Почему ваша приятельница сделала такой вывод?

— Она сказала, что в моем возрасте уже стыдно рассказывать о любви... И что я буду выглядеть смешно...

Через час я входила в квартиру Татьяны Ивановны. Молча выслушав все ее аргументы, задала единственный вопрос:

— А где Анатолий Львович?

— Ушел в магазин за сметаной, — ответила актриса.

— Ну раз мы одни, тогда я вам вот что скажу: не знаю, о каком возрасте вы говорили. Но как женщина женщине могу сказать только одно: я вчера видела ваши глаза и слышала ваш голос, когда вы рассказывали о том, о чем, как сказала ваша приятельница, говорить стыдно. А уж когда зашел разговор о «вашем любимом Кремере», по всей квартире раздавался звонкий колокольчик — это был ваш голос. И я не знаю больше ни одной женщины, включая себя, которая вот так рассказывала бы о своем муже, прожив с ним не год, не два, а целых тридцать... А что касается возраста... Не вы ли, Татьяна Ивановна, говорили о том, что ходите с ним по разным тротуарам?..

Интервью так и не вышло. Татьяна Ивановна не захотела. Я убеждала актрису, она соглашалась, но в последний момент отказывалась. Наверное, я могла бы надавить на нее, убедив в том, что интервью замечательное. Оно и правда было таким. Но я чувствовала, что актрису что-то смущает. И это «что-то» очень личное, куда посторонним вход воспрещен. Не помогли даже слова: «Давайте покажем Анатолию Львовичу. Пусть он нас рассудит!» И отступила. И не уговорила.

Жалею? И да и нет...

Да — потому что многие поклонники изумительной актрисы и уникальной женщины лишились счастья прочитать то, о чем мы

разговаривали.

Нет — потому что отказ от публикации был отнюдь не капризом звезды. За ним стояло нечто большее. И я потом никогда бы себе не простила, что в какой-то мере пошла против воли актрисы. Хотя и с ее согласия...

...Это случилось несколько лет назад. В один из дней золотой осени для меня рухнул мир. Оказывается, предательство имеет свой запах, цвет, его даже можно потрогать, посмотреть в его глаза. Прожив сорок с лишним лет, я этого не знала. Сорок лет — бабий век, крутилось в голове. Правда, в сорок пять — баба ягодка опять, но до этого надо было еще как-то дожить. Выйдя из дома на улицу, побрела куда глаза глядят. Хотя прекрасно понимала, что от себя никуда не уйдешь. Яркое и не по-осеннему теплое солнышко не радовало. В душе была промозглая, серая и унылая осень. Казалось, что теперь так будет всегда. Ноги сами привели меня на Тверскую улицу. Остановилась около Театра имени Ермоловой, взгляд сфокусировался на афише. «Перекресток».

Почему-то в тот день был дневной спектакль. Почему-то в кассе нашелся билет. И почему-то совсем недалеко от сцены.

Почему-то именно в этот день мне очень хотелось, чтобы герой Владимира Андреева все-таки узнал героиню Татьяны Шмыги, чтобы оба они обрели наконец-то то, что потеряли так много лет тому назад. Ведь не зря же Леонид Зорин столкнул их вновь на том самом перекрестке. Пусть и в зале ожидания одного из аэропортов. Не узнал. Не обрели...

...Финальные слова актрисы потонули в аплодисментах. Зал встал. Женщины вытирали заплаканные глаза. Мужчины выглядели потерянными.

Я поймала на себе взгляд актрисы, стоящей на сцене. Он был удивленным. Вряд ли она меня узнала, подумала я и... улыбнулась сквозь слезы.

В фойе, перекинув плащ через руку, вдруг услышала:

— Простите, вы — Лада? — Билетерша осторожно тронула меня за руку.

— Да, — меньше всего я была в тот момент расположена к разговору.

— Вас Татьяна Ивановна просила зайти...

— Что? — от неожиданности я чуть не подпрыгнула.

— Пойдемте. Она вас ждет.

— Татьяна Ивановна, извините, но я сегодня без цветов, — начала лепетать я после традиционных приветствий.

— У вас что-то случилось, — констатировала актриса.

— Нет-нет, все в порядке.

— Лада, — голос Татьяны Ивановны стал строгим. — Зачем вы меня обманываете? Я весь спектакль наблюдала за вами, я видела ваши глаза, полные слез. И не надо мне говорить, что вы плакали по ходу действия спектакля. Простите, — она осеклась на полуслове, — я не имею права так настойчиво вторгаться в вашу жизнь...

Она шагнула мне навстречу и прижала к себе.

— Это вы меня простите! — Ее участие настолько меня тронуло, что я не выдержала. Силы закончились.

Монолог о собственном перекрестке длился долго. Татьяна Ивановна слушала не перебивая, в какие-то моменты лишь крепче прижимала к себе. Белый батник, в котором она выходила на сцену, намок от моих слез. Несколько раз открывалась дверь ее гримерной.

Господи, я же ничего про вас не знала. Знаешь что, — тогда впервые она назвала меня на «ты» и вновь осеклась, — пойдемте погуляем. Проводите меня до дома.

Я подняла на актрису заплаканные глаза.

— Все будет хорошо! Будем жить! — Она улыбнулась.

Гуляли мы долго. И разговаривали, разговаривали, разговаривали. Она не произносила дежурных фраз, не успокаивала, не давала никаких советов. Потому что, как мудрая женщина, прекрасно понимала — в таком состоянии я ее просто НЕ УСЛЫШУ Не касаясь напрямую определенной темы, Татьяна Ивановна словно заговаривала мою боль. На какой-то миг мне показалось, что она совсем прошла. Остановившись возле ворот ее дома, услышала:

— Пойдемте чаю попьем!

— Мне неудобно, Татьяна Ивановна. Я и так отняла у вас много времени.

— А я у вас отниму еще немного. — И она увлекла меня во двор.

Сидя за столом в ее уютной гостиной и слушая историю о ее перекрестках, в какой-то момент я вдруг почувствовала, что стало легче дышать, пружина, сжимавшая мое сердце, разжалась. Из него словно выскочила маленькая льдинка.

— Родители меня научили тому, что главное в этой жизни — сохранить достоинство. Это порой бывает сложно, но очень важно — не потерять себя. Вам себя упрекнуть не в чем. А в остальном — Бог нам всем судья.

И после некоторой паузы, словно стряхнув с себя воспоминания:
— Вот теперь и вы обо мне много что узнали... Будем жить? —
полувопросительно-полуутвердительно поинтересовалась она.

Я кивнула в ответ.

Она могла бы «не заметить» меня со сцены, могла бы после спектакля уйти домой, потому что устала, потому что надо отдохнуть, многое могла бы сделать, но не сделала. Наверное, у нее были какие-то другие дела, но она их отложила. Потому что увидела мое состояние и не смогла пройти мимо. И протянула руку помощи. И вытащила меня из тьмы неверия и разочарования. Просто вытащила, и все.

«Все будет хорошо!» и «Будем жить!» — Актриса не любила жаловаться. Ни на проблемы, ни на здоровье. Однажды как-то пошутила: «У меня температура всегда 35 и 3. Вот такая я холоднокровная». Все остальное она тщательно скрывала, и лишь самые близкие люди знали, чего стоило ей порой выходить не только на сцену, но иногда и просто на улицу, как тяжело иногда было садиться за руль автомобиля, как невыносимо было расстаться с любимой дачей, с которой связано столько воспоминаний.

Я навсегда испорчена Татьяной Ивановной. Ее талантом, ее голосом, ее походкой, ее шармом. Театр опустел без нее. Да простят меня другие актрисы. Каждая из них по-своему прекрасна, но...

«Не кончается жизнь никогда», — пела ее Джулия Ламберт.

О том, что она тяжело больна, актриса не хотела говорить никому. Не могла позволить себе, чтобы ее видели немощную — друзья, коллеги, журналисты.

Не о себе думала Татьяна Ивановна в последние дни, а о нас — ее зрителях.

Такой она и осталась в нашей памяти: великой актрисой и уникальной женщиной. Единственной королевой в своем королевстве.

Меняются репертуары,
Стареет жизни ералаш.
Нельзя привыкнуть только к дару,
Когда он так велик, как ваш.
Он опрокинул все расчеты
И молодеет с каждым днем,

Есть сверхъестественное что-то
И что-то колдовское в нем...

Словно о ней написал эти замечательные строки Борис Пастернак.

«Я хочу поблагодарить всех, кто принял сегодня участие в моем спектакле, — говорила Татьяна Ивановна от лица своей героини Джулии Ламберт. — Тебя, Майкл! Тебя, Джимми! Вас — Эвис! Я благодарю всех!»

...Я же хочу поблагодарить всех, кто помог мне в работе над этой книгой:

- композитора и дирижера **Анатолия Кремера**;
- директора Государственного академического театра «Московская оперетта», заслуженного деятеля искусств России **Владимира Тартаковского**;
- заместителя директора Государственного академического театра «Московская оперетта», заслуженного работника культуры России **Валерия Сазонова**;
- народного артиста РСФСР **Юрия Веденеева**;
- преподавателя вокала в ВТУ имени Щепкина, заслуженного работника культуры России, профессора **Марину Никольскую**;
- солиста Государственного академического театра «Московская оперетта» **Дмитрия Шумейко**;
- концертмейстера Государственного академического театра «Московская оперетта» **Людмилу Семешко**;
- заведующую литературной частью Государственного академического театра «Московская оперетта» **Аллу Туеву**;
- редактора литературной части Государственного академического театра «Московская оперетта» **Екатерину Амирханову**;
- заведующую музеем Государственного академического театра «Московская оперетта» **Нину Горюнову**.

Я благодарю всех!

Она ушла 3 февраля 2011 года.

Ушла, оставив за собой едва уловимый запах любимых духов «Мадам Роша». Ушла, оставив нам на память очаровательную улыбку, прищур чуть раскосых глаз, уникальный полетный голос, звонкий смех, гибкую фигуру,

летающую походку, легкий стук каблучков, шарм, едва уловимый акцент, искусство быть Женщиной, неповторимую «Карамболину», потрясающее «хрюканье» Элизы Дулитл, неподражаемого Чарли Чаплина, роскошную Диану, озорную Катрин, трогательную Джейн, великую Джулию Ламберт...

Ушла, оставшись на этой грешной земле уникальной актрисой — единственной королевой в своем королевстве, имя которому — Оперетта!

...Тот день был самым обыкновенным, которых уж сколько за последний год. Год больниц, операций, консилиумов, реанимаций. Год обследований, процедур, сеансов химиотерапии, год боли и отчаяния, год борьбы с болезнью. Год без театра. Ее любимого театра, в котором проработала пятьдесят пять лет. Театру, которому осталась верна до конца дней. Последний раз она вышла именно на его сцену в январе 2009 года.

«Оперетта без меня, возможно, могла бы и обойтись, а вот я без нее — никак», — скажет она однажды в одном из своих интервью.

Судьба, как известно, большая шутница. И подчас распоряжается своими «подданными» по собственному усмотрению. Так случилось и с ней. Она собиралась стать юристом и вдруг однажды, неожиданно для себя самой, открыла дверь в класс, где занимались будущие актеры оперетты. Открыла, даже не подозревая о том, что сделала шаг навстречу будущему. Но так или иначе — карта судьбы легла так, как ей было угодно.

— Ваша карта, сударыня, бита...

И застенчивая девчушка затеяла игру с капризной музой искусства. Опереттой.

Тогда она еще не подозревала о том, что прожить жизнь в театре без обид и предательства практически невозможно. Сегодня, когда столько лет отдано театру, когда ее называют первой леди оперетты, она иногда спрашивает себя: а если бы и знала, что подстерегает ее на тернистом пути, где шипов гораздо больше, чем роз, где сплетни, козни, зависть и интриги, где бьют ниже пояса, подставляют подножку, улыбаются ненавидя, — стала бы она актрисой, полностью подчинив свою жизнь только театру, который стал ее вторым домом, или все-таки предпочла бы иную жизнь — пусть не такую яркую, но более спокойную? Стала бы юристом или врачом. И как знать, может быть, сейчас жила бы спокойно, например, в Германии в собственном доме, окруженная детьми, внуками, а быть может, уже и правнуками.

Нет и еще раз нет. Она все равно стала бы актрисой. Ведь по большому счету она прожила счастливую жизнь. Да, были обиды и

предательства, но у нее к этим людям не было не только чувства ненависти, но даже злости на них. Просто человек переставал для нее существовать. И хотя она понимает, что это ужасно и жестоко, но что поделать, если она такая максималистка. Не может простить откровенную подлость и предательство. Есть люди, — к счастью, их немного, — с которыми она даже не здоровается. Хотя понимает, что это дурной тон, но ничего с собой поделать не может. Потому что знает, что они принесли столько зла, причем даже не ей, а вообще людям. Вот этого она не может простить.

Сама она не способна на предательство, как и на месть. Она выросла в такой семье. Ее родители были очень добрые и порядочные люди. И она знает с детства, что ни мама, ни отец никогда не смогли бы не только мстить человеку, но даже обидеть его.

— Татьяна! — Маленькая девочка с пухленькими щечками и двумя торчащими в разные стороны косичками, обернулась на голос. Она уже знала, что папа сердится, — в таких случаях он всегда называл ее именно Татьяна. Как взрослому. Не Татка, не Танечка и даже не Таня, а именно Татьяна. И девчушка сразу понимала, что сделала что-то не так. В их семье не принято было кричать, ругаться, мама с папой даже ни разу голоса не повышали ни на нее, ни, упаси господь, друг на друга. Она это усвоила с раннего детства. Как и то, что если папа или мама называют ее Татьяной, — значит, виновата... Но что случилось сегодня? В комнате все чисто и прибрано, она играет с другими детьми в коридоре. Шумят? Так за этот шум им еще никогда не попадало. Может быть, опять соседка пожаловалась — дети не любили ее и всегда собирались играть под ее дверью. И даже придумали для нее кличку. И так называли между собой... Это сегодня, спустя годы, она понимает, что они создавали ад в ее жизни, а тогда...

Не чувствуя за собой никакой вины, девчушка с гордо поднятой головой пошла навстречу папе. Ее взгляд говорил: «Я ни в чем не виновата!»

— Татьяна! — голос отца по-прежнему был строг. — Сейчас ты пойдешь к тете Шуре и повторишь то, что ты про нее только что сказала.

Папа взял ее за руку и повел к двери той самой соседки, кличку которой маленькая Таня только что произнесла вслух. И папа это услышал.

Слезы полились из глаз ребенка, щечки как-то сразу ввалились, глаза устремились в пол, косички упали на плечи.

— Папочка! Я не пойду, как я ей скажу, это же стыдно! Прости меня, пожалуйста!

Девочка зажмурилась от ужаса — вот сейчас ей предстоит сказать тете Шуре то, что она произнесла за ее дверью. Какой позор! Над ней все будут смеяться. И больше никто не будет с ней дружить...

— Татьяна! — Она открыла глаза и увидела себя сидящей на стуле в большой комнате, в той самой, где жила с родителями. Напротив сидел папа.

— Таня, — голос отца стал менее строгим, — запомни, пожалуйста: ты можешь говорить о человеке только то, что можешь сказать ему в глаза. Ты еще маленькая, позже поймешь, насколько это важно. Только в таком случае тебе никогда не будет стыдно. И окружающие люди будут к тебе относиться точно так же, как к ним относишься ты.

Через какое-то время постучала в соседнюю комнату. Приоткрыла дверь и замерла на пороге, опустив глаза в пол.

— Что, Танечка? — услышала она голос соседки.

— Тетя Шурочка! Простите меня, пожалуйста, — сказала — и как в омут с головой... Слезы опять полились из глаз, краска залила пухлые щечки.

Мягкая рука коснулась ее головы.

— Я больше никогда не буду.

— Знаю. Ты хорошая девочка. Не плачь.

Маленькая Таня подняла голову и вдруг поняла, что она может смело смотреть в глаза тете Шуре.

— Татка, — вдруг услышала она голос соседки, — а ведь ты будешь счастливым человеком!

— Откуда вы знаете? — девчушка завороченно посмотрела на тетю Шуру. За что они ее не любили?

— У тебя же две макушки. Ты дважды поцелована.

— Кем? — удивлению Тани не было предела: разве могут от поцелуев быть две макушки?

— Всевышним, Танечка! Всевышним! Поверь мне, уж я-то знаю.

Ей было четыре года, когда она тонула. Сколько лет прошло с тех пор, а тот солнечный летний день она будет помнить до конца своих дней. Дом, где она жила летом с бабушкой Наташей — маминой мамой, стоял на пригорке, а внизу текла река Серая. В том месте, где всегда купалась девчушка, речка была мелкой, дно ровным, и бабушка не опасалась за малышку. Тем более что девочка хоть и росла сорванцом, но прекрасно знала, что, не умея плавать, можно плескаться только у этого берега. Возле

другого — глубина приличная, ведь недаром же там рыбаки ловят рыбу.

Как уж так получилось, но девочка вдруг перестала ощущать дно, даже встав на пальчики. Она пыталась нащупать его, знала, что бабушка расстроится, девочка меньше всего хотела, чтобы у бабули болело сердечко. Она попыталась встать на цыпочки и крикнуть бабушке или махнуть ручкой, но ее словно в воронку начала закручивать вода... Она даже не успела испугаться. Просто увидела вместо прозрачной воды, сквозь которую она привыкла рассматривать камушки у берега, мутную серозеленую. Мелькнула только одна мысль — ее собственная, подслушать она ее ни у кого не могла — надо глубоко нырнуть и резко оттолкнуться вбок, в сторону от этой воронки, иначе она погибнет. И откуда только силенки взялись... Она так и не поняла, каким образом ей удалось это сделать. Чьи-то сильные руки схватили ее за бант и вытащили на поверхность.

Другая бы испугалась и на всю жизнь зареклась даже на пушечный выстрел подходить к воде, но только не она.

Пройдет несколько лет, и девочка научится не только плавать, но и нырять. На любую глубину. И делать это настолько изящно и легко, что даже заядлые спортсмены с восхищением будут делать ей комплименты. Хотя вот последние-то она как раз так и не научилась любить. И всегда смущалась. А что касается длительных заплывов — тут ей равных не было. Когда она, довольная и счастливая, в капельках воды выбегала на берег, друзья и родные подшучивали, мол, сколько можно испытывать их терпение и нервы. Они уже не один раз пытались «броситься спасать» ее.

Она любила заплыть на лодке на середину большой реки или озера и нырнуть — какой бы глубина ни была. Вода — живой организм, который тебя чувствует, общается с тобой, учит.

Со спортом она всегда была на «ты». Зимой лыжи, летом — бадминтон. Удар резкий, почти мужской, а реакции позавидуют и некоторые чемпионы.

Да и отдых она любила активный. Может, это и помогло ей на протяжении стольких лет работать в оперетте, где порой одновременно приходится и петь, и танцевать.

В самые тяжелые периоды своей жизни она нет-нет да и вспоминала ту воронку. И знала, что нужно глубоко вдохнуть, нырнуть и — резко в сторону. В переносном, естественно, смысле. Помогало...

«Ненавижу цинизм. Театру надо отдавать или все свое сердце, или вообще к нему не прикасаться» — это не пустые слова, сказанные однажды в интервью. И не пафос, как многим может показаться. Она именно так считает на протяжении всей своей жизни. Поэтому, однажды

прикоснувшись к театру, она и отдала ему свое сердце. Один раз и на всю жизнь. Пафос? Пусть... Ведь к ней это слово не имеет никакого отношения. И это могут подтвердить все: и кто ее знает на протяжении долгих лет жизни, и те, кто не так давно впервые переступил порог Театра оперетты.

«Театр — мой дом!» — пела одна из ее любимых героинь — английская актриса Джулия Ламберт. Она полностью подписывается под этими словами. Театр — ее дом. И не какой-то абстрактный, а именно Театр оперетты. Шутка ли: больше полувека на одной сцене...

А ведь были соблазны поменять эту самую сцену. Звали в Вахтанговский театр, в Александринку, Анатолий Эфрос хотел, чтобы она стала актрисой его театра...

И если про желание Эфроса она узнала не так давно (знаменитого режиссера уже не было в живых), то дирекции Вахтанговского театра и Александринки вели переговоры лично с ней.

...Когда-то очень давно ее муж Владимир Аркадьевич Канделаки, которого, без преувеличения, знала вся театральная Москва, познакомил ее с Рубеном Николаевичем Симоновым. Два главных режиссера (Канделаки возглавлял тогда Театр оперетты) дружили давно, и она знала об этом. Встречаясь после спектакля в Вахтанговском ли театре, куда Рубен Николаевич приглашал их, в гостях ли, у них ли дома, она чувствовала явный интерес со стороны Симонова и всегда зажималась при этом. Кто он и кто она? Великий Симонов и она — пусть уже известная, но все равно молодая актриса Театра оперетты. А Рубен Николаевич словно и не замечал ее стеснения.

— Здравствуйте, Танечка! Как поживаете? Что нового у вас в театре?

Первое время она вздрагивала при этих вопросах и, если честно, что уж теперь-то греха таить, ждала подвоха — ведь вахтанговцы всегда славились своим потрясающим чувством юмора, шутками и всевозможными розыгрышами. Симонов же прекрасно знал от Канделаки и о ее жизни, и уж тем более о том, что происходит в Театре оперетты. Но почему-то всегда задавал ей самой эти вопросы... И, преодолевая смущение, она отвечала на них. Владимир Аркадьевич при этом мог стоять рядом, и она иногда замечала, как смеются его глаза.

В начале 1962 года в их квартире раздался телефонный звонок. Снял трубку Канделаки.

— Это тебя! — после приветствия сказал он и протянул ей телефонную трубку. Глаза его на этот раз были серьезными.

— Меня приглашает на разговор Рубен Николаевич! — опешив от того, что услышала на том конце провода, сообщила она мужу.

— Танечка! Так ведь на разговор же, а вовсе не на эшафот, — рассмеялся Канделаки.

— Владимир Аркадьевич, — когда она волновалась, даже дома называла мужа по имени-отчеству, а иногда и на «вы», — ведь вы же знаете, что это будет за разговор.

— Догадываюсь, — уклончиво ответил Канделаки. — Собирайся побыстрее, не нарушай своих правил — ты никогда и никуда не опаздываешь.

— А ты? Разве ты не поедешь со мной?

— Нет, девочка моя! Мое присутствие только помешает тебе...

Путь от Котельнической набережной, где они жили, до Вахтанговского театра на Арбате показался ей вечностью.

— Не бойся, девочка! — Она все-таки уговорила мужа хотя бы подвезти ее до театра. — Ты у меня умница. — Муж поцеловал ее, и она вновь увидела, насколько серьезны его глаза.

Выйдя из машины, она подождала, пока Канделаки уедет, соединила руки ладонями друг к другу, коснулась лицом пальцев — она всегда так делала в трудную минуту, собралась с мыслями, и через некоторое время служащие театра уже слышали стук ее каблучков, раздававшийся по коридорам театра.

— Здравствуйте! — Она легко открыла дверь приемной Рубена Николаевича. — Я — Шмыга!

— Здравствуйте, Татьяна Ивановна! — услышала в ответ. — Проходите, пожалуйста, Рубен Николаевич вас ждет!

Она впорхнула в кабинет и увидела, как навстречу идет Симонов. Усадив ее за столик, сам сел напротив.

После обычных вопросов, на которые уже привыкла отвечать не смущаясь, она услышала то, от чего у нее начала кружиться голова.

«Не хватало еще прямо сейчас в обморок грохнуться» — эта простая мысль заставила ее хоть немного улыбнуться... Все происходящее казалось сном.

Рубен Николаевич говорил о том, что у него возникла мысль пригласить ее сыграть Машу в спектакле «Живой труп». Он уверен, что она справится и ее Маша будет самой лучшей.

Она испугалась. Что он говорит? Цыганка Маша, любовь всей жизни Феди Протасова, — ее роль, и она просто создана для нее? Она, Татьяна Шмыга, артистка Театра оперетты, создана для глубокой драматической роли?

Как выяснилось, последнее она произнесла вслух.

— Да, Танечка, а что вас смущает?

— Но ведь у меня нет данных! — И это не было с ее стороны кокетством, ведь она действительно так считала. Даже у себя в театре она не поет ни Сильву, ни Марицу, ни Принцессу цирка, справедливо считая, что для этих вокальных партий у нее нет голоса.

— Таня, Татьяна Ивановна. — Симонов был абсолютно серьезен. — Я не очень разбираюсь в Сильве и Марице, но то, что вы сыграете Машу, я не сомневаюсь. Уж поверьте мне, в исполнении романсов на сегодняшний день вам равных нет, я слышал вас — и имею право так говорить.

Она улыбнулась. Насчет равных, это, пожалуй, Рубен Николаевич преувеличивает, а вот то, что она хорошо знает романсовую литературу, — это правда. И очень любит романсы. Ведь еще будучи студенткой училища, перепела, пожалуй, все романсы: и Рахманинова, и Чайковского, и Шуберта... Кюи, Дворжак, Франк — она купалась в материале. Наверное, все-таки не случайно, когда передумала становиться адвокатом и решила учиться музыке, захотела стать камерной певицей. Как ее любимая Нина Дорлиак.

— А как же Нина Львовна? — задала она наивный вопрос.

— Танечка, я же имею в виду исполнителей вашей возрастной категории. Уж поверьте мне, старику.

— Таня, Таня... — это уже дома Владимир Аркадьевич. — Откуда такие сомнения? Неужели после Чайковского и Рахманинова ты опасаясь, что не хватит голоса на «В час роковой»...

— А «Шалмаверсты»?

— Тебя смущает «цыганщина»? Сомневаюсь, что Рубен допустит ее на сцене.

— Вахтанговской сцене, понимаешь, Володя, — в-а-х-т-а-н-г-о-в-с-к-о-й! Я буду зажиматься, чувствовать себя скованно. Ведь кто, как не ты, должен знать, что моя стихия — музыка и комфортно я себя чувствую только лишь на сцене родного театра... Ведь музыка так много может рассказать.

Через несколько дней в кабинете Симонова она честно скажет, что любит «играть музыку». Он все правильно понял — мудрый Рубен Николаевич.

И уже позже, дома, услышит от мужа тихое «спасибо». И многое поймет. В тот период они еще понимали друг друга без всяких слов.

А через какое-то время в их квартире вновь раздастся телефонный звонок.

Звонили из Ленинграда от Леонида Сергеевича Вивьена — главного режиссера знаменитой Александринки, впрочем, в то время театр назывался Академический театр драмы имени А. С. Пушкина.

— Здравствуйте, Татьяна Ивановна! — услышала она на том конце провода. — Как вы посмотрите на то, чтобы приехать в Ленинград и переговорить с руководством нашего театра?

Она поблагодарила за приглашение и... отказалась, прекрасно понимая, о чем именно может пойти разговор, хотя по телефону никто ей никаких конкретных предложений не делал. Любимый Театр оперетты перевесил все заманчивые перспективы выходить на сцену столь престижного в те времена театра.

«Бог дал голос, — скажет она спустя много лет в одном из своих интервью, — и, наверное, было бы неправильным не использовать этот дар свыше в полной мере. Во всяком случае, я считаю именно так».

В 1964 году она начала репетировать роль Элизы Дулитл в мюзикле «Моя прекрасная леди». Режиссером был Сергей Львович Штейн — она его обожала и работала с удовольствием. Каждая репетиция превращалась в праздник с шутками, юмором неповторимого Сергея Львовича. Он боготворил актеров, они платили ему взаимностью.

Увлеченная работой над новой ролью, она не сразу заметила, что муж изменился, замкнулся в себе. Однажды она спросила его, но в ответ ничего вразумительного не услышала. В то время Владимир Аркадьевич работал над новой постановкой — опереттой «Великолепная тройка». И она списывала изменение в поведении мужа на то, что у него что-то не клеится с постановкой. Театр — специфический организм, а оперетта — вдвойне. То, что «Великолепная тройка» не станет шедевром, было понятно с первых репетиций — обычная советская оперетта, уж сколько таких было в этом театре. И до Канделаки, и при нем. Что поделать, если не каждый спектакль становится шедевром. Помимо творчества в каждом театре есть план постановок, а уж сколько указаний сверху порой спускалось, особенно в советскую пору, и говорить не стоит. Ставились оперетты и на злобу дня. Остряки шутили: утром в газете, вечером — в оперетте. Что поделать, если тогда были такие времена. Канделаки пытался бороться с подобным, но он не был столь уж всесильным, и ему приходилось подчиняться руководству — в данном случае министру культуры СССР.

...Тот день она помнит до мельчайших подробностей. Она пришла домой после репетиции, вечером у нее был спектакль. Открыв дверь, вдруг обнаружила дома Владимира Аркадьевича. На нем в самом прямом смысле слова не было лица.

— Что случилось? — бросилась она к мужу.

— Фурцева только что подписала приказ о моем освобождении от занимаемой должности.

Она подумала, что ослышалась. Екатерина Алексеевна Фурцева — министр культуры СССР того времени — десять лет назад сама же чуть ли не умоляла Канделаки возглавить Театр оперетты. Тогда она была первым секретарем Московского городского комитета партии, а по сути самым главным человеком в городе. И тогда даже пошла на его условия: несмотря на то что он главный режиссер театра, он будет продолжать выступать на сцене Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. В противном случае он откажется.

Фурцева тогда была готова, пожалуй, на что угодно, лишь бы Канделаки согласился. Театр напоминал тонущий корабль, и Екатерина Алексеевна прекрасно понимала, что кроме Канделаки эту пробоину никто не заткнет. Когда он не соглашался, она грозила партбилетом. Знала, на что давить. Но и Канделаки внакладе не остался — либо действующий актер своего театра, либо... Сейчас даже трудно поверить в то, что со всесильной Фурцевой можно было вести себя подобным образом. Но Канделаки именно так себя и повел. Сразу расставив все точки над *i*. Я соглашаюсь на ваши условия, а вы выполняете мои...

Он заткнул пробоину. Практически в одиночку. Оперетты «Белая акация» и «Поцелуй Чаниты» имели столь оглушительный успех, что поначалу мало кто что понял. Еще вчера корабль буквально шел ко дну, а сегодня бороздит просторы океана. Пришлось Канделаки признать командиром корабля. И даже те, кто его недолюбливал, вынуждены были вежливо улыбаться. Конфликтовать с ним в открытую опасались. Но за спиной шипели, мол, почему это главный режиссер «перебегает дорогу» другим актерам и сам играет роль Чезаре в собственной же постановке. И совсем при этом забывали о том, что спектакль «Поцелуй Чаниты» ставили Сергей Штейн и Галина Шаховская.

Но, несмотря ни на что, на протяжении десяти лет Канделаки стоял во главе театра.

— Как — подписала указ? — Услышанное все еще не укладывалось у нее в голове. — Да что случилось?

А случилось вот что. Об этом она узнала чуть позже.

Рано утром Фурцева, придя на работу, обнаружила возле дверей своей приемной группу актеров Театра оперетты.

— Екатерина Алексеевна, — начал один из них с самой высокой ноты, — мы пришли к вам по поводу Канделаки.

— А что случилось с Владимиром Аркадьевичем? — удивленно приподняла бровь министр культуры.

От услышанного даже много повидавшая на своем веку Фурцева на секунду онемела.

Канделаки обвиняли в том, что он слишком неразборчив в выборе произведений для репертуара театра, что с ним невозможно работать, потому что он требует от актеров... «мхатовских пауз». Припомнили ему и еще один грех — мол, он «переходит дорогу» некоторым актерам театра, сам выходя на сцену. А ведь у него есть сцена в Музыкальном театре, вот пусть на ней и выступает. И вообще с ним невозможно работать, он часто грубит актерам на репетициях.

«Выступление» группы актеров легло на благодатную почву — как раз в это время Фурцева мучительно думала, куда же ей пристроить Георгия Ансимова, — по ее понятиям, он способный режиссер, но вот только у него начались трения в Большом театре, где он на тот момент работал. И она, даже не поговорив с Канделаки, просто подписала приказ о его освобождении от занимаемой должности. А на его место назначила Георгия Павловича. В конце концов, какая разница — опера, оперетта. Большой театр, Театр оперетты. Музыка и там, и тут, балет и там, и тут. И везде актеры поют. А что именно — не так уж и важно.

Но об этом она узнает чуть позже. А в тот день она пришла в ужас. Обида захлестнула ее. Не за себя. За мужа. Как же так можно, не поговорить с человеком, не выслушать его... Хотя чему удивляться? В отличие от Владимира Аркадьевича, который хорошо относился к Екатерине Алексеевне, у нее было иное мнение об этой женщине.

Почему-то вспомнилось, как однажды Фурцева подошла на приеме к Канделаки и вкрадчиво так поинтересовалась: «Где же ваша жена?» — «Дома, — честно ответил Владимир Аркадьевич, — у нее сегодня был спектакль». — «А почему она вообще никогда не бывает на наших приемах? Вы ей передайте, что мы больше не будем ее приглашать».

Когда муж передал ей указание Фурцевой, она лишь звонко рассмеялась в ответ. Не будет приглашать — и слава богу. Она терпеть не могла все эти правительственные концерты. Что касается любви сильных мира сего, так у нее никогда и не было никаких великих покровителей. Она не была близка к «верхам», скорее, наоборот: после первого же правительственного концерта, который проходил в Георгиевском зале Кремля, где все сидели за столами и пили-ели, сказала, чтобы ее туда больше не приглашали.

Чем вызвала по меньшей мере удивление у организаторов. Ну не могли

они понять, что это ее оскорбляет: она поет, а сидящие за столом жуют, гремят вилками, чокаются бокалами.

Не понимали ее и коллеги: это же большая честь, более того, ведь именно там, во время правительственных концертов и банкетов, и заводятся самые нужные связи, только там можно выбить себе звание, квартиру, машину... А уж если удастся попасть в список тех, кто сопровождает сильных мира сего в зарубежных поездках, то можно считать, что жизнь удалась.

Она не осуждала тех, кто пытался попасть в списки «почетных скоморохов», развлекающих публику на правительственных банкетах и концертах. В конце концов, «дьяволу служить или пророку — каждый выбирает для себя».

Родители ее с детства научили, что главное в этой жизни — сохранить достоинство, это очень трудно, но возможно. Хотя бы для себя самой.

Что теперь делать ей? Уйти из театра? А как, если она тянет на себе практически весь репертуар? Адель в «Летучей мыши», Анжель в «Графе Люксембурге», Глория Розетти в оперетте «Цирк зажигает огни», Любаша в «Севастопольском вальсе». До сих пор идут «Белая акация» и «Поцелуй Чаниты».

Или продолжать работать с теми, кто пришел к Фурцевой с жалобами на Владимира Аркадьевича, выходить с ними на одну сцену, встречаться на репетициях, в коридорах? Что делать? Вот оно вечное: что делать и если бы знать? А если она останется, значит, предаст мужа, которого просто вышвырнули, как нашкодившего котенка, за дверь...

Вот тогда она и вспомнила о той самой воронке, которая в детстве чуть не лишила ее жизни. Чего ей стоили те бессонные ночи, знает только она одна. Решение принимать только ей. В одну из таких ночей она глубоко вдохнула, нырнула и... резко оттолкнувшись в сторону, вынырнула.

— Володя! — сказала она утром мужу за завтраком. — Я остаюсь! Если ты сочтешь мой поступок — прости за громкую фразу — предательством, значит, так тому и быть. Значит, за все вместе прожитые годы ты так меня и не понял. Только сегодня сразу скажи мне, пожалуйста, не копи в себе злобу и агрессию в отношении меня. Мне это очень важно: я не смогу каждый день чувствовать твое недовольство мной и считать себя предательницей по отношению к человеку, с которым прожила вместе не один год. Если ты считаешь меня предательницей, я сегодня же уйду от тебя, и больше мы никогда не встретимся. Владимир Аркадьевич! — Ее голос зазвенел от напряжения. — Ну скажите же хоть что-нибудь!

Слезы уже готовы были брызнуть из глаз. Она попыталась еще что-то

сказать, но спазм перехватил горло. И вдруг в звенящей тишине небольшой квартиры она услышала непонятный звук: то ли хруст, то ли звон. Тонкая фарфоровая кофейная чашка, которую держал в руке ее муж, превратилась в мелкие осколки. На белоснежной скатерти начало расплываться пятно.

— Девочка моя! — Она не узнала голос мужа. — Знаю, насколько тяжело тебе. Ты все сделала правильно. Ты не сможешь без своей чертовой оперетты. Ты создана для нее, на сцене любого другого театра ты задохнешься от того, что не сможешь до конца реализовать все свои возможности. Я это знаю по себе. Не мучай себя. Единственное, что могу тебе сказать, хотя должен был сделать это гораздо раньше, — равных тебе нет, уж поверь мне. На тебя ходит вся театральная Москва. А это вызывает злобу и зависть. Ведь ты все эти годы молчала и мне ничего не говорила, и я мог только догадываться о том, насколько тебе тяжело быть женой главного режиссера. Я — деспот, не всегда мог сдерживаться, и тебе доставалось порой за других. Сейчас тебе тоже будет непросто. На тебе будут срываться за то, что ты жена бывшего главного режиссера. За то, что ты талантлива, красива, неподражаема, любима. За то, что мне не изменяешь...

— А вы? — Вместо голоса из горла вырвался сип. Она напоминала себе натянутую струну: еще секунда — и струна может порваться от напряжения. Голова закружилась, к горлу подступил противный ком. «Только бы не упасть, — мелькнуло в голове, — а то получится, как в самой пошлой оперетте».

— А я... А я, Танечка, просто люблю тебя. Вот и все. Ты по-прежнему еще маленькая и глупенькая девочка. Вот вырастешь, и жизнь тебе покажет, — Канделаки попытался разрядить обстановку...

...Лето 1949 года. Сдав летнюю сессию, она — студентка Московского театрально-музыкального училища имени Глазунова — с подругой поехала в дом отдыха работников искусств, что находился недалеко от Туапсе. Она всегда любила танцевать и, что вполне естественно, вечерами с удовольствием ходила на танцы.

Это был ее последний вечер в доме отдыха. Завтра она уезжает в Москву. Кружась по залу в паре с молодым человеком, она вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд.

Когда танцы закончились, она переделась в простенький халатик, подвязала волосы ленточкой, надела очки и отправилась гладить платье, в котором завтра собиралась ехать. Сосредоточенно разглаживая оборочки, она тихонько напевала и не сразу заметила стоящего перед ней молодого

человека.

— Вам утюг нужен?

— Д-да... То есть нет... Не то чтобы... — начал мямлить молодой человек. Он совсем смутился и выпалил: — Я совсем не умею гладить. А рубашка у меня.

— Несите, я поглажу, — предложила она и улыбнулась.

Увидев принесенную рубашку, она засмеялась:

— Ого, где же вы ее так?.. Будто корова жевала...

Пройдут годы, и, став женой Рудольфа Борецкого, она узнает, что первым ее приметил на танцах известный в то время оператор Владимир Раппопорт, именно он и обратил внимание Борецкого на кружащуюся в танце девушку. «Глянь, какая королева танцует!» Уж кто-кто, а операторы в женской красоте толк знают. О чем, как выяснилось, Раппопорт и не преминул тут же сообщить своему другу. Но это все будет потом. А тогда...

Рубашка была выглажена, и Рудольф предложил погулять. Они бродили по берегу моря, рассказывали друг другу о себе, о родителях. И вдруг она поймала себя на мысли, что ее неудержимо влечет к этому обаятельному и эрудированному парню. Его, судя по всему, тоже. Смущаясь, он признался ей, что рубашку специально измял по дороге. А в ответ услышал: «Я догадалась».

Они и не заметили, как прошла ночь. Рассвет они встретили, сидя на парапете. И вдруг она произнесла: «Знаешь, мне без тебя будет грустно». Утром он проводил ее на вокзал, около поезда стояли молча. Он хотел было что-то сказать, но она прикрыла его рот ладонью: «Молчи, а то я расплачусь».

Во время стоянки поезда в Ростове она нашла на вокзале почтовое отделение и послала ему телеграмму: «Я поезде вск думаю о тебе вск не забывай Таня тчк». Вернувшись в Киев, он написал ей письмо. Она ответила. Роман в письмах продолжался полгода. Зимой он приехал в Москву знакомиться с ее родителями. В один из дней они пошли в Большой театр на спектакль «Бахчисарайский фонтан». Зарему танцевала пленительная Майя Плисецкая — восходящая звезда Большого театра.

Когда пришло время уезжать, они договорились, что на зимние студенческие каникулы теперь уже она приедет к нему в Киев.

А потом Борецкий пропал. Перестал отвечать на письма. «Ну что ж, видимо, не судьба», — решила она и с головой окунулась в учебу. А потом ей и вовсе стало не до любовных переживаний. На четвертом курсе института у нее пропал голос. Это случилось на экзамене по вокалу. Она пела «Вальс» Дмитрия Кабалевского. Раз сорвалась, другой, а потом

вообще замолчала.

На помощь ей пришел Иосиф Михайлович Туманов. Он внимательно относился к своим студентам, а ее вообще считал одной из лучших — она была способной и трудолюбивой. Именно в тот год было принято решение закрыть училище, а на его базе создать отдельный факультет ГИТИСа — артистов театра музыкальной комедии, и он не мог допустить, чтобы ее отчислили. Туманов видел, что у этой застенчивой девчушки большое будущее. Ей от природы дано очень много великолепных сочетаний: талант, фактура, актерское мастерство, трудолюбие. Уж кто, как не он, знает о том, что есть много актеров, которые прекрасно поют, есть много актеров, которые хорошо играют, есть актеры, которые прекрасно танцуют. Но вот тех, кто все это в себе сочетает, — единицы. Девочка из их числа. А еще он знал то, что ей в данный момент знать было не нужно: она навсегда могла потерять голос, а ведь он у нее уникальный. Полетный — это такая редкость. Кто, как не Иосиф Михайлович, знал, что, если сейчас ничего не предпринять, для нее это станет трагедией на всю жизнь. «Девочку надо спасать», — слышали все, сидящие в зале. И, обратившись к педагогу по вокалу, профессору Доре Борисовне Белявской, Туманов произнес: «Дора Борисовна, вы должны ее забрать».

— Танечка! — Он нашел ее в самом укромном уголке. Судя по ее плечам, девочка плакала. Развернул лицом к себе — так и есть: раскосые глаза были полны слез.

— Танечка! — повторил Иосиф Михайлович ласково. — Я вас отдаю в очень надежные руки. Дора Борисовна — волшебница. А вы, уж поверьте мне, старику, просто созданы для сцены. Этого нельзя говорить студентам, но вам говорю и именно потому, чтобы вы не наделали глупостей.

Она удивленно на него посмотрела.

— Под глупостью я подразумеваю ваше желание тотчас уйти из института. Ведь я прав? Вы испугались и теперь боитесь выйти на сцену. Вы и раньше ее боялись, я это знаю. А голос у вас уникальный. Пусть он не такой сильный, как у других студентов. Но запомните: если вы сейчас переборете свой страх, то вашим голосом в скором времени будут восхищаться все — от мала до велика. Его будет слышно в любом месте зрительного зала — он у вас полетный.

— Танечка! — К ним подошел Павел Михайлович Понтрягин, директор Глазуновки (чуть позже — заведующий кафедрой вокала в ГИТИСе). В то время он возглавлял ЦК РАБИС.

— У вас хорошая головка, вы можете пойти ко мне и будете у меня работать. Ну так как?

Она улыбнулась и вдруг произнесла:

— Работа в РАБИС подождет, будем заниматься!

И через некоторое время они уже слышали легкий стук каблучков любимой ученицы. Они переглянулись между собой — тактика, выбранная ими, правильная. Девочка спасена. А что касается голоса — профессор Белявская ведь и правда волшебница. Она вернет его студентке обязательно.

Первый раз придя на урок к Доре Борисовне, она не могла взять ни одной ноты. Дора Борисовна сделала вид, что ничего не случилось. Постепенно, шаг за шагом, благодаря своей уникальной методике она «настраивала» волшебный голос застенчивой девчушки, «вытягивала ее». Ученица была трудолюбивой и, самое главное, умной. Занималась аккуратно, слушалась ее во всем и... верила.

И уже через какое-то время она в свое удовольствие пела так ею любимые романсы, оперные арии, реже — опереточные.

С первого же урока у Доры Борисовны будущая актриса Театра оперетты усвоила три основных правила, которых придерживалась всю свою жизнь: не трепать голос, не петь ненужных партий и... до последнего дня заниматься с педагогом вокалом.

И еще одно правило — ее личное. Не менять педагога. С 1951 года она на протяжении многих лет занималась с Дорой Борисовной. Чуть позже, когда дочь Доры Борисовны — Марина Петровна Никольская, ныне профессор Театрального училища имени Щепкина, начала работать педагогом по вокалу, она занималась у них поочередно. День — с Дорой Борисовной, день — с Мариной Петровной.

Когда ушла из жизни Дора Борисовна, ее педагогом стала Марина. И она ни в какую не соглашалась заниматься у кого-то другого. «Ты знаешь с тобой всегда чудеса», — смеялась ученица.

А вот дома, с тех самых пор как начала серьезно заниматься пением, она петь перестала. Сколько раз папа удивлялся: «Танька! Раньше ты пела с утра до ночи, а как начала учиться — словно онемела!» Лишь изредка, только если собирается большая компания... А так, чтобы она солировала, такого уже, к сожалению, нет. Ей почему-то сразу становится неудобно, и она начинает стесняться. Вот парадокс ее натуры.

Пройдут годы, и про нее будут говорить и писать, что поет она легко, тонко, музыкально, с передачей чувств и с ощущением обстановки на сцене. А еще — что подпитывает своим голосом партнеров, режиссеров, дирижеров, композиторов...

Но это все будет потом. А тогда...

Она получила красный диплом об окончании ГИТИСа 30 июня 1953 года, а в октябре того же года — впервые вышла на сцену Московского театра оперетты. В театр ее пригласил Иосиф Михайлович Туманов. Вот так и решилась ее судьба.

«О! Ученый мир пожаловал в оперетту!» — прокомментировал ее первое появление в театре патриарх советской оперетты Григорий Маркович Ярон. На первый взгляд — ну какая она актриса Театра оперетты: строгие платья, очки, которые она иногда поправляла одним только ей присущим жестом, и огромное желание получить ответы сразу на все свои «почему».

— Девочка! — подтрунивал над ней Ярон. — Ты же в оперетту пришла работать!

А уж когда Туманов вводил ее на небольшую роль служанки Берты из кабачка «Седьмое небо» в спектакль «Вольный вечер», на репетицию набивался чуть ли не весь театр.

— Господи! — причитала она. — Ну почему же обязательно надо танцевать на столе?

Это звучало настолько трогательно и по-детски наивно, что не могло не вызывать восхищения и уважения у корифеев театра. Для нее просто забраться на стол уже было чем-то невероятным. Ее полюбили практически все сразу — настолько она была открыта и доброжелательна. Лишь однажды Туманов услышит вопрос: «Зачем вы взяли в театр такую некрасивую девочку?» И тут же даст ответ: «У этой девочки большое будущее». Стоящий рядом при этом разговоре Ярон добавит: «Она еще нас всех переиграет!»

Отныне вся ее жизнь протекала в стенах театра. Занятия вокалом, балетный класс, спевки, репетиции, сценические, оркестровые... Вечером спектакли. Она не очень хорошо знала оперетту — в детстве и юности ходила в Большой театр, и поэтому сейчас наверстывала упущенное. Смотрела из зрительного зала на тех, с кем в ближайшее время ей предстояло выходить на одну сцену. Она на лету впитывала все увиденное и услышанное — и училась, училась, училась. Из дня в день она видела повседневную, настойчивую, кропотливую работу. С самого утра огромное здание театра заполнялось звуками. Перестук каблуков, приветственные возгласы, пробуждается чья-то неуверенная гамма, волнами накатываются аккорды рояля. Из хаоса звуков рождается трудовая симфония театрального дня.

Именно тогда она поняла одну простую истину: себе актер не принадлежит. С утра и до вечера он отдает себя сцене. А если ты вечером

не занят в спектакле, это вовсе не означает, что ты свободен, — в театре всегда должны знать, где ты находишься в свободное время, вдруг срочно понадобится заменить в вечернем спектакле заболевшего коллегу.

Постепенно ее вводили на роли в старых спектаклях. И уже тогда были ее собственные репетиции, к обязательному занятию по вокалу добавлялись уроки с концертмейстером.

В то время она еще не избавилась от своей стеснительности и зажатости. Сидя в зале на репетиции, думала только об одном: лишь бы на сцену не вызвали.

А московская публика уже обратила внимание на новую молодую актрису. И у нее появились свои поклонники. Они ждали ее возле служебного входа, провожали на почтительном расстоянии до метро. Молодые люди дарили цветы. Она же по-прежнему стеснялась. И старалась как можно быстрее распрощаться с ними.

Однажды это увидел Ярон и на следующий день прочел ей «целую лекцию», объяснив, что поклонники должны быть у любого артиста, а уж у артиста оперетты — тем более. И самые преданные из них впоследствии могут стать настоящими друзьями. Они близки артисту, потому что вошли в его жизнь не просто через его искусство, а именно через музыку. И зачастую артист находит в них больше понимания и сочувствия своему творчеству, нежели даже в собственной семье. Как правило, это одинокие люди, и их жизнь приобретает смысл, когда они приходят посмотреть на своего кумира. Ведь лишь во время спектакля с любимым артистом можно окунуться в совершенно другой мир — хоть на несколько часов забыть о настоящей жизни. Вот они и есть самые преданные зрители. И самые искренние — потому что удачи, равно как и провалы, воспринимают как личную радость или личную боль. Это они начинают аплодировать кумиру, увлекая за собой сидящих рядом зрителей, создают нужную атмосферу в зрительном зале. И по большому счету артист-то и выходит на сцену ради нескольких человек. И играет для своих родственников, знакомых, поклонников и... коллег-соперников. Это «коллеги» могут позлорадствовать, поклонники — никогда. Рассказал о том, как поклонники Лемешева не раз спасали его во время спектаклей. Но... с ними необходимо выработать определенную тактику, ведь они могут как помочь, так и навредить. Потому что «сыры» и «сырицы» — не просто поклонники, как у драматического актера. Они другие. Более экзальтированные, более эмоциональные, в них все более... На то они и «сыры». Именно так называют фанатичных поклонников с легкой руки все того же Сергея Яковлевича. Напротив подъезда, в котором он жил, на углу улицы Горького

и Камергерского переулка, находился магазин «Сыр». Круглосуточно дежурящие в любую погоду поклонницы то и дело забегали туда погреться. Выйдя как-то из дома, Лемешев сердито обронил: «Ну что вы, право, раскатились, как сыры...» С тех пор, выходя из театра ли, из дома ли, он частенько произносил эту фразу. На некоторое время это остужало пыл экзальтированных особ, и они какое-то время молча следовали за своим кумиром на почтительном расстоянии, благоговейно глядя в затылок. А потом начиналось все по новой.

— Но я же не Лемешев! — заливаясь от смеха, только и сумела она тогда произнести.

— Вот начнешь играть главные роли, тогда и поймешь! — то ли шутя, то ли серьезно сказал Ярон.

Пройдет немного времени, и она в саду «Эрмитаж» забудет о всех наставлениях Ярона и выработает свою тактику поведения с поклонниками. В тот вечер они устроили бойню, выясняя, кто из них главнее и ближе к ней. Узнав об этом, она построила их всех в одну линейку и, поправив очки своим неповторимым жестом, строго произнесла: «Значит так, девочки и мальчики! Еще один раз вы позволите себе подобное — и больше никто из вас в театр уже не войдет!»

Что ж, как говорила одна из ее героинь: «Талант — отягчающее обстоятельство».

Видимо, именно в тот момент у нее и появилось это новое для нее качество — возводить стену между собой и поклонниками, мужчинами, чьи назойливые ухаживания ее раздражают, людьми, с которыми ей не очень приятно общаться. Она делала это достаточно жестко, но обижаться на нее было невозможно. Просто люди понимали, что с ней невозможно панибратство.

Но это все будет позже, а тогда...

Вечное чеховское «если бы знать»... Увлеченная своей работой в театре, она и подумать не могла, что ее работоспособность и желание постоянно учиться могут вызвать злобу и зависть. А еще вызывало злобу, что ей симпатизируют Туманов и Ярон. С Яроном шутки были плохи — об этом знали в театре все: от главного режиссера и до уборщицы. Да и главный-то режиссер все-таки Туманов. Вот его забота о бывшей студентке и вызывала ненависть у завистников. А что надо сделать, чтобы он перестал ее опекать? Правильно — рассорить. Будь иная ситуация в театре, может быть, Туманов и не послушал бы навета, но именно в тот момент обострился его конфликт со «стариками». Некоторые из них уже давно точили на него зуб. За то, что ломает старые традиции оперетты,

«утяжеляет» ее. За то, что запретил «бисы» (а что же это за оперетта без «бисов»?!), за то, что запретил поклонникам выходить на сцену и дарить цветы своему кумиру, — и цветы передавались через билетеров.

Все это постепенно накапливалось у актеров «старой гвардии», и они все чаще и чаще выражали свое недовольство работой главного режиссера. В один из таких не самых радостных для Туманова дней к нему в кабинет буквально ввинтился некий человек и, выведя главного режиссера на разговор о непростых отношениях с частью коллектива, как бы между прочим заметил:

— Иосиф Михайлович, ну я понимаю, «старая гвардия» на вас ополчилась — они привыкли к поклонению и обожанию, а вот Танечке-то Шмыге что надо? Вы ее выучили, в театр привели, в спектакли вводите, и что вместо благодарности?

— Что? — спросил Туманов.

— Вот уж не знаю. Только сейчас я сам слышал, как она, остановившись возле стенгазеты, произнесла: «Ну Туманову и врезали». И расхохоталась. Вы же знаете, как она смеяться умеет, уж коль начала, так и не остановишь.

Если бы она знала об этом, если бы не ее робость, она обязательно подошла бы к нему и выяснила причину его отчуждения. Она же ведь понимала, что что-то произошло, но вот что? В чем провинилась перед своим любимым педагогом, который был для нее почти Богом? Перед человеком, который спас ей голос, заставил поверить в собственные силы. Через какое-то время он перестал с ней даже здороваться. Она мучилась в догадках и плакала.

Через какое-то время на худсовете обсуждались очередные планы театра. В предполагаемых постановках значилась «Мадемуазель Нитуш». И когда один из членов худсовета сказал, что Денизу, без сомнений, будет играть Шмыга, Туманов резко ответил: «Нет! Эта девочка пусть еще поучится».

Так она и не стала Денизой де Флавињи — юной воспитанницей монастырского пансиона, мечтающей стать актрисой.

И она поняла, что ей надо уходить из театра. И не только из этого, а вообще.

Той ночью она так и не уснула. Думала, что ей делать дальше. Попробовать себя в камерном пении? Совсем сменить профессию, пока еще не поздно? Посоветоваться ей было не с кем. Теоретически она могла бы все рассказать родителям, но у мамы больное сердце, и она не хотела ее

волновать.

Под утро ей вспомнилась та самая воронка. И точно так же, как тогда в детстве, она крепко зажмурилась, глубоко вдохнула, нырнула и... оттолкнулась резко в сторону. Решение пришло само собой — никуда она из этого театра не уйдет, не доставит радости завистникам и пакостникам. А что касается Иосифа Михайловича, все-таки она наберется храбрости и попытается с ним поговорить.

Поговорить с Тумановым ей так и не довелось. В декабре 1953 года он ушел из театра. После его ухода один из дирижеров сказал ей: «Твое счастье, что он ушел. Иначе бы ты ничего не играла».

И вот только тогда она и узнала, что, собственно говоря, произошло. От услышанного пришла в ужас. Что ей делать? Оправдываться — глупо, если оправдываешься — значит, виновата, да и вряд ли он захочет ее выслушать.

Человечек, рассоривший ее с Тумановым, просто перестал для нее существовать, она не выясняла с ним отношений — не в ее характере это делать, просто вычеркнула его из жизни, и все. Ведь месть и зависть — это одинаковые по бездарности эмоции.

С того момента она так поставила себя в театре, что «доброжелатели» мгновенно поняли: плести против нее интриги, сталкивать лбом с коллегами — занятие абсолютно бессмысленное. Хотя пытались, и не один раз. У некоторых получалось. Но радости это им не приносило. Она не реагировала на выпады. А вот что она переживала в душе — посторонним об этом знать было не надо. Пик выпадов в ее адрес пришелся на то время, когда она стала женой Владимира Канделаки. Но это будет потом. А тогда...

Однажды после спектакля, выходя из театра, она вдруг услышала:

— Танечка! Здравствуй!

— Здравствуйте! — ответила она, а присмотревшись, вдруг увидела, как от группы ее поклонников отделился молодой человек и сделал шаг ей навстречу.

— Рудька!? — полуутвердительно-полувопросительно произнесла она.

Перед ней стоял Борецкий собственной персоной.

— Я провожу тебя? — спросил он, протягивая цветы.

Она как-то неопределенно пожала плечами. По дороге до дома Рудольф рассказал о том, почему перестал писать и вообще пропал из ее жизни. Сказал, что переехал в Москву, работает на телевидении. С того момента вечерами он ждал ее возле театра и провожал до дома, если же у

нее вечер был свободен, они ходили в другие театры, а чаще всего просто гуляли по Москве. Она любила свой город, хорошо его знала и могла часами ходить по улочкам и переулкам Москвы, тем более что страсть к прогулкам по Москве у нее с юности.

В один из таких вечеров он предложил ей стать его женой. Свадьбу сыграли летом 1954 года. Роскошное платье из белого шифона ей сшила будущая свекровь.

Она приехала знакомиться с ней незадолго до свадьбы, после закрытия сезона в театре. И была удивлена тем, насколько радушно ее приняли родители будущего мужа. За несколько дней пребывания в Киеве она стала обладательницей потрясающих нарядов, в том числе и свадебного платья. Мама Рудольфа — одна из лучших портних города — с удовольствием наряжала избранницу своего единственного сына, тем более что шить платья на девушку с такой точеной фигуркой было одно удовольствие. Во время примерок Мария Александровна обратила внимание на потрясающую гибкость и пластичность будущей невестки. А когда сказала ей об этом, то в ответ услышала смущенное: «Что вы! Я не очень гибкая».

Будущая свекровь настолько покорила ее, что она называла ее «киевская мама» и, даже расставшись с мужем, поддерживала с ней отношения. В квартире свекрови все стены были обклеены фотографиями первой невестки. Уже после развода, приезжая к ней в гости и видя свои фотографии, говорила: «Мама, ну что ж такое, Рудька уже женился, у него замечательная жена и сын!» — «Ну, ты моя старая привязанность», — отвечала Мария Александровна. Когда в 1978 году свекровь ушла из жизни, она приехала на похороны, положила на могилу букет роз, склонилась и долго плакала. «Теперь у меня нет и «киевской мамы», — услышал Рудольф ее шепот.

...Второго марта 1954 года она вышла на сцену в роли Виолетты в оперетте «Фиалка Монмартра». Это ее первая главная роль. Режиссером-постановщиком спектакля был Григорий Ярон. Нежная, доверчивая, трогательная в своей первой — увы, безответной — любви простая цветочница в исполнении молодой актрисы буквально взорвала театральную Москву. Заядлые театралы только и говорили о ней, кого-то покорили ее глаза, кто-то обращал внимание на уникальный голос, и все сходились на том, что на небосклоне оперетты зажглась новая звездочка с такой непривычной фамилией (а может, и театральным псевдонимом) — Шмыга.

Свалившаяся на нее популярность отнюдь не вскружила голову. Она

по-прежнему зажималась, стеснялась и... боялась петь. По-прежнему тряслась перед выходом. Повторяла только одно: «Господи, пронеси!» и... словно в омут с головой. На сцене же забывала о своих страхах и стеснениях.

Прошло несколько месяцев, и вдруг после спектакля за кулисами одна из актрис шепнула ей: «В зале опять Канделаки был, тебя смотрел». Она лишь плечами пожала — он главный режиссер, и вполне естественно, что смотрит спектакли из зала. Промелькнувшая мысль «А вдруг что-то ему не нравится?» тут же исчезла — о разносах, которые устраивал Владимир Аркадьевич актерам, уже ходили легенды. Если бы ему что-то не понравилось, уже давно бы «вызвал на ковер» и устроил такую взбучку, что мало не покажется. Поскольку Канделаки сам был действующим актером, он, как никто, знал природу артиста и, заняв пост главного режиссера, с «братьями по цеху» стоял на одной ступеньке — был доступным в общении. Но иногда его южный темперамент зашкаливал, и он перегибал палку, мог сорваться и накричать на актера. Из-за этой резкости многие считали Канделаки грубым.

Поначалу она категорически его отвергала: ну все ей в нем не нравилось. И в первую очередь то, что при всей своей любви и преданности театру и актерам он бывал порой невыносим. Его резкость она, как и многие, считала грубостью. И это ее отвращало от него. Спустя какое-то время она поняла, что резкость главного режиссера — вовсе не грубость, а особенность его взрывного характера. Все началось на репетициях оперетты «Белая акация». Канделаки увлекал ее своей личностью все больше и больше, она же чувствовала его восхищение ею как актрисой. Хотя ей частенько доставалось от режиссера на репетициях. Позже она поймет, что таким образом он как раз и обращал ее внимание на себя. Поначалу она вздрагивала, когда из темноты зрительного зала раздавалось: «Шмыга! Со сцены!», а потом перестала. В конце концов, сама виновата. Нечего заливаться смехом, репетиции — дело серьезное, и хотя на них всякое бывает, все-таки надо уметь вовремя остановиться. Она же порой не могла. И, даже уходя со сцены, потом еще долго хохотала за кулисами. Пока не раздавалось: «Шмыгу верните на сцену». Сделав серьезное лицо, она возвращалась.

А вот на репетициях с дирижером, а им был Григорий Арнольдович Столяров, ей было не до смеха. Он заставлял ее повторять арию по нескольку раз. Она уже чувствует, что голос устал, но тем не менее вновь слышала от Столярова: «Еще раз!»

Столяров был очень требовательным. Побаивались его все:

музыканты, актеры, концертмейстеры. Фальшь чувствовал мгновенно — услышит диез вместо бемоля, тут же поднимет указательный палец и строго произнесет: «Здесь бумоль». За это и получил ласковое прозвище «наш Бумоль». И уже вызов на урок с ним, потом работа с концертмейстером и вновь сдача партии ему. Сказать Столярову о том, что у тебя устал голос, не могло быть и речи. И хоть пил он кровушку, любили его все поголовно. Он же прекрасно знал певческие возможности всех артистов и выше их возможностей не требовал.

«Я знаю, что у вас я Бумоль, — сказал он однажды на художественном совете, — но ничего, я это переживу, но звучать все будет предельно чисто, как должно звучать в лучшем театре оперетты нашей страны».

Уже позже, став женой Владимира Аркадьевича, она узнает, что Григорий Арнольдович строг и беспощаден в работе, а вне ее — он человек с большим чувством юмора. Столяров любил подтрунивать над своими ассистентами — молодыми дирижерами. Порой, увидев, как молодежь подпрыгивает за дирижерским пультом в оркестровой яме, он в шутку произносил: «В молодости я был точно таким же. И так же, выпрыгивая из собственных штанов, наивно полагал, что это не актеры сами поют, а я ими дирижирую».

В новом сезоне, 15 ноября 1955 года, она сыграла свою Тоську в оперетте «Белая акация».

А уже через какое-то время песня ее героини стала шлягером:

Я вижу везде твои ясные зори, Одесса.
Со мною везде твое небо и море, Одесса.
И в сердце моем ты всюду со мной,
Одесса, мой город родной! —

слышалось со всех сторон. Как, впрочем, и знаменитое:

Ты помнишь, как хотели 4 апреля
В Театр оперетты мы пойти?
В театр мы не попали, билетов не достали,
Билетов не достали, в театр мы не попали.

И ее неповторимое:

Ах, Лёша, ах, Саша!
Я боюсь, что третий лишний — это я!

Пройдет много лет, и на сцену Театра оперетты выйдут Юрий Васильев и Алексей Колган, чтобы поздравить ее с юбилеем:

— Ты помнишь, как мечтали
На сцене, а не в зале,
На сцене, а не в зале
Ты помнишь, как мечтали
С Татьяной Шмыгой рядом постоять.
Но Ширвиндт нам ответил,
Что мы не в оперетте,
Он нам не так ответил, но выраженья эти
Не можем мы публично повторять.
Тогда решили, братцы, мы случая дожждаться,
На юбилей пробраться, на сцене оказаться
Спросить Татьяну, кто милей из нас.
Тут главная интрига, что нам ответит Шмыга,
Что нам ответит Шмыга — вот главная интрига,
Она споет, как пела много раз.

Она не удержалась от соблазна вклиниться в их дуэт:

— Ах, Лёша, ах, Юра, я признаюсь вам,
Что тоже изнываю от любви.
— Ах, Таня, ах, Тата,
Кто милее из нас, ты имя поскорее назови.

Встав с кресла, она пошла им навстречу:

— Ах, Юра, ах, Лёша, я признаюсь, вам:
Обоих вас люблю.

— Татьяна Ивановна!
Нельзя любить двух сразу. Так не было ни разу,

А если и бывало, то только в сериалах,
Но это даже в кризис не для нас!
Неужто же достоин лишь Кремер Анатолий,
Лишь Кремер Анатолий
Неужто же достоин
С тобой по жизни день за днем шагать?
Он, вероятно, к лету напишет оперетту,
Напишет оперетту, он, вероятно, к лету.
Кого из нас возьмешь с собой играть?
Хочу я быть, не скрою, лирическим героем,
Лирическим героем готов я быть, не скрою.
Устраивай нам кастинг хоть сейчас.

— Ах, Лёша, ах, Юра!
Я признаюсь вам,
Что тоже изнываю от любви, —

она с трудом сдерживала смех.

— Ах, Таня, ах, Тата!
Ну конечно, третий лишний,
Кто же лишний тут из нас?
— Ах, Лёша, ах, Юра!
Я боюсь, что третий лишний — это я.

Ох как заманчиво ей было сыграть Сильву Вареску. «Совратитель» Ярон предложил. Именно не назначил, а предложил. Она испугалась, что «не хватит голоса», и отказалась. Хотя, возможно, что хватило бы и на Сильву, и Марицу и других героинь классической оперетты, но... неизвестно, как бы ее голос выдерживал столь большую нагрузку. Страх вновь сорвать голос не покидал ее. Чуть позже, уже будучи женой Канделаки, она объяснит ему свой отказ играть самые выигрышные и эффектные роли. «Деспот» Канделаки в этом вопросе к ней прислушивался. Пройдут годы, и, когда голос окрепнет, она с удовольствием будет исполнять на концертах партии из классического репертуара.

На протяжении многих лет дуэт ее Сильвы и Эдвина, знаменитое «Помнишь ли ты?» будет вызывать слезы в зрительных залах.

Вспомнился ее юбилей в театре 23 января 2004 года. Шутка ли — 50 лет на сцене.

Артисты Театра сатиры во главе с Александром Ширвиндтом пришли ее поздравлять. «Поиздевались» они над классическим «Помнишь ли ты?» от души. Зал стонал от хохота. У нее самой по щекам текли слезы от смеха. Они же с самым непроницаемым видом друг за другом исполняли на разные лады. Кто «художественно свистел», кто выразительно «мычал».

Помнишь ли ты, —

выйдя на сцену, затянул Державин, -

Как мы с экрана пропели?
Я ж и плясал, весь телецентр хохотал.
Ты же была — словно ребенок в купели.
Я был не стар, в смысле — не плох,
Ты ж и сейчас, как прекрасный цветок.

Юра Васильев пошел дальше:

Помнишь ли ты,
Как мы в Берлине кутили?
Лишь для тебя пробки взлетали шутя.
Помнишь ли ты,
Как мы с тобой танцевали?
Словно капкан, вот наш канкан,
Помню его, как сейчас, —
Это был звездный час.

— Танечка! — А это уже Шура Ширвиндт. — Нас переполняет чувство влюбленности в тебя, но все порушил этот человек. Мы завели у себя в яме убийцу, который практически наступил на горло нашей любовной песне. Мы могли бы замуровать свою яму, она нам, в общем-то, не нужна. Но наш музыкальный руководитель и дирижер и твой

композитор сделал все возможное, чтобы вырвать тебя из наших сердец.

И как апофеоз:

— Но Кремер нас разлучил, жить нету сил!

Она поймала на себе полный любви взгляд своего мужа. Они вместе почти тридцать лет. Живут и работают, два эдаких медведя в одной берлоге. Просто удивительно, что подобрались два таких человека. Он иногда шутит: «Слушай, нам надо с тобой расходиться, потому что у нас совершенно одинаковые мысли и желания». Это действительно так: иногда начинают говорить, причем об одном и том же. Хотя конечно же что-то ее в нем не устраивает, а его — что-то во ней. И это естественно. Это нормальная жизнь. Анатолий Львович — самый первый и самый строгий критик. Каждый спектакль подвергается тщательному профессиональному разбору. Ей это очень нужно.

Он очень много знает, и ей с ним интересно. Правда, довольно часто бывает стыдно, что рядом с ним выглядит «малограмотной». Ну что ж, у каждого свои изъяны.

Они по-прежнему не устают признаваться друг другу в любви. И во время спектакля, если он стоит за дирижерским пультом, — тоже. Это понятно только им двоим. А разве нужен кто-то третий?

Но это все будет потом. А тогда...

— Рудька, ты представляешь! — У нее сегодня не было вечернего спектакля, и она сама кормила мужа ужином. К тому времени родители уже смогли поменять огромную комнату на Ульяновской улице на двухкомнатную квартиру на Хорошевском шоссе. — Выхожу я сегодня из театра с репетиции, сажусь в троллейбус, встаю, как обычно, на задней площадке спиной к салону. И вдруг вижу, что за троллейбусом едет «победа», за рулем которой сидит Канделаки. Троллейбус сворачивает на Хорошевку, и «победа» сворачивает. Интересно, думаю, что Канделаки нужно в нашем районе? А он, обогнав троллейбус, останавливался около остановки.

— А ты что?

— Ничего. Еще раз поздоровалась, хотя виделись в театре, и пошла домой.

Над ее рассказом хохотали оба.

— Ох, маленькая, смотри, влюбишь в себя главного режиссера.

— Ты что? Он же меня лет на двадцать старше.

— А Ярон насколько старше... — и муж назвал фамилию молоденькой актрисы, которой явно симпатизировал Григорий Маркович.

— Не знаю, не задумывалась...

С того дня она все чаще и чаще замечала следующую за троллейбусом машину Канделаки. Однажды она, как всегда, вышла из троллейбуса и пошла по тротуару. Его машина медленно ехала рядом. Первой мыслью было: «Не дай бог, мама из окна случайно увидит, что меня провожает другой мужчина! Что тогда будет?!» С таким «почетным эскортом» она ездила довольно долго.

Сначала со смехом обо всем рассказывала Рудольфу, потом перестала. Это случилось после того, как Канделаки все-таки уговорил ее покататься на его машине и они поехали гулять в Серебряный Бор.

В октябре 1956 года ей удалось выкроить немного времени для отдыха. Прошлый сезон в театре был удачным: она сыграла премьеру «Белой акации», по-прежнему пела Виолетту и готовила новую роль. Ее Чанита отличалась от тех скромных, застенчивых девчушек, которых играла до этого: она не была похожа ни на Виолетту, ни на Тосю, ни уж тем более на Саню-трактористку — самую первую ее, пусть и маленькую, роль. Чанита — непосредственная и романтическая — была уже молодой женщиной, готовой к настоящей любви. Премьера будет в новом сезоне. Она уже во время репетиций поняла, что переходит в новый класс школы воспитания характера и упорства, не менее трудную, чем школа вокального и актерского мастерства, которую ей — болезненно застенчивой с юности — приходится проходить.

Что-то начало происходить и в ее личной жизни. Она пока еще не могла сформулировать, что именно. И дело даже не в том, что Канделаки все настойчивее и настойчивее пытается за ней ухаживать и его абсолютно не волнует тот факт, что она замужем. С ней самой что-то стало происходить. В семейной жизни тоже что-то непонятное. У нее не было к мужу никаких претензий — он умный, образованный, обаятельный, талантливый. Ее первая «взрослая» любовь, ее первый мужчина. Но... у него своя жизнь, у нее — своя. В последнее время они отдалились друг от друга: она практически целыми днями в театре, он — на телевидении.

Словно предчувствуя надвигающуюся беду, однажды она произнесла:

— Рудька, поехали в Сочи, отдохнем какое-то время. Сейчас самый бархатный сезон.

— Маленькая! Ну как я сейчас уеду? Кто мне даст отпуск? Поезжай одна, отдохни.

Ох, не зря, видимо, говорят, что где-то наверху расписана вся наша жизнь. И как бы мы ни хотели, но от судьбы не уйдешь.

Муж проводил ее на вокзал, посадил на поезд, попросил передать

привет подруге, к которой она ехала. На том и расстались.

А может быть, все и к лучшему, подумала она, когда выходила с переговорного пункта, — позвонила домой, сказала, что она доехала и у нее все нормально. Здесь, в Сочи, где нет ни Рудика, ни Канделаки, у нее будет время подумать над сложившейся ситуацией и принять решение — что же ей теперь делать. А может быть, все разрешится само собой. Ну надоест же когда-нибудь главному режиссеру гулять с ней в Серебряном Бору...

— Танечка! — услышала она знакомый голос. — Вот так встреча! А я и не знал, что вы в Сочи.

Она чуть не уронила корзинку, в которую только что положила купленные фрукты. Нет, этого не может быть. На сочинском центральном рынке перед ней собственной персоной стоял главный режиссер и ее партнер по новой постановке Владимир Аркадьевич Канделаки. В оперетте «Поцелуй Чаниты» он репетировал роль влюбленного в ее героиню Цезаре.

— Здравствуйте, Владимир Аркадьевич! А вы здесь какими судьбами?

— Танечка, Танечка! Весь город обклеен афишами театра. У нас гастрологи. Неужели не видели?

— Я только вчера приехала. — Она пожала плечами и поправила очки своим фирменным жестом.

— Знаете что, приходите сегодня на спектакль. Посмотрите меня на сцене, вы же как актера меня, поди, совсем не знаете, только как партнера... А во-вторых, дирижирует сегодня Самосуд. Сам бог велел прийти! А вечером приглашаю на ужин.

— Спасибо, на спектакль приду, а насчет ужина — вряд ли. Я же приехала к подруге.

— Значит, приходите с подругой. Я вас жду, Танечка! А потом все вместе пойдем ужинать.

О том, как умеет «гулять» Канделаки, она уже была наслышана. Что поделаешь — грузинский темперамент и размах!

А вот как умеет ухаживать Владимир Аркадьевич, она испытала на себе.

И вдруг она нашла ответ на вопрос, который мучил ее еще в Москве: что же с ней происходит? Ответ оказался проще, чем она предполагала: она увлеклась Канделаки, в нем было то, что в народе называют «мужницкое». Плюс ко всему — умный, обаятельный, остроумный, талантливый... Личность, одним словом.

Он ничего и ни от кого не собирался скрывать. И это тоже не могло не

привлечь молодую женщину. Он не собирался держать ее в роли «фаворитки», не собирался встречаться с ней втайне от своей жены. Он хотел жениться на ней.

Премьера оперетты «Поцелуй Чаниты» состоялась 29 декабря 1956 года.

Любить глубоко я могу только раз,
Но когда придет этот час?
Но когда придет этот час?
Любить глубоко я могу одного,
Но как узнать, кого? —

пела она от лица своей героини.

Как выяснилось, в театре уже все и все давно знали. А то, чего не было, допридумывали. Она слышала за своей спиной шушуканье, но старалась не обращать внимания. «Опомнись, Танечка! Зачем тебе этот старик?», «Красавица и Чудовище!», «Странная пара!» — что только ей не доводилось слышать, какими эпитетами не награждали ее и Канделаки, хотя между ними еще вообще ничего не было. Единственное, что осталось неизменным, — это поездки Канделаки за троллейбусом да их совместные прогулки в Серебряном Бору.

Но не столько поразили ее коллеги, как поклонники. Вот уж кто воспринял ее «связь» с Канделаки в штыки.

Некоторые из самых любопытных пытались даже проследить за ней — куда, когда и, главное, с кем она поехала.

Испугавшись, что сплетни достигнут ушей мужа и родителей, она приняла решение обо всем рассказать.

Первым ее признание услышал муж. На следующий день, сообщив родителям, что они с Танечкой уедут на несколько дней в дом отдыха, он отвез ее в студию на Шаболовке и запер в своем кабинете.

Разговор был трудным и мучительным для обоих. Прав Грибоедов, ох как прав: «Муж-мальчик, муж-слуга». Вот так и с актрисой: надо быть либо ее слугой, либо соратником. А у них слишком разные темпы жизни: она полностью поглощена своей работой в театре, он — на телевидении. В свободное время вытащить ее куда-нибудь в гости весьма проблематично: «Рудька, сходи один. Я лучше дома посижу, почитаю, над ролью поработаю». «Пленница» была выпущена на свободу только тогда, когда

Рудольф Борецкий понял — жену надо отпустить. Это не блажь, не легкое увлечение, а нечто большее. Он знал: если уж жена решила, значит, все серьезно.

А еще — он был благодарен своей «Маленькой» за чистоту и честность. За то, что она не была предательницей.

С Борецким они разошлись достойно, без громких выяснений отношений. Единственное, что ее «убило», — сама процедура развода. Пришли они в суд, а там сидят какие — то бабушки и начинают копаться в их личной жизни. «Ты красивая, он красивый, что вам еще надо?» — говорили они. Выйдя из суда, она разрыдалась, настолько все это выглядело омерзительно. И даже Рудьке сказала: «Ты никогда не женись больше». Конечно же она имела в виду регистрацию брака.

С родителями все было намного сложнее. Когда они узнали о том, что дочь уходит к Канделаки, человеку, который годится ей в отцы, — они пришли в ужас.

Со временем страсти улеглись. С первым мужем ей удалось сохранить хорошие отношения, Канделаки обаял ее маму и расположил к себе папу. Казалось бы, живи да радуйся! Поначалу так и было. Она любила и была любима. Они вдвоем стойко переносили то, что происходило в театре. И если про нее просто сплетничали и пытались обвинить в корысти, то Канделаки грозили партбилетом. Лишь однажды не выдержала. «Господи, — плакала она после спектакля в своей гримерной, — ну что же мне теперь — разлюбить его за то, что он главный режиссер?»

Разлюбила она его лет через пять. Поначалу все списывала на притирку характеров. А потом поняла, что это обыкновенный мужской эгоизм. Частенько их разговоры заканчивались одним и тем же: «Мое мнение единственное, и потому оно верное». Интересно, а есть ли вообще мужчины, которые считают иначе?

— Ты куда? — Канделаки стоял около входной двери.

— Володя, у меня сегодня репетиция и сегодня же нам представляют нового художественного руководителя. Вечером, как всегда, спектакль.

— Я приеду за тобой.

— Не надо.

— У тебя кто-то есть? Поэтому ты не хочешь уходить из театра?

— Владимир Аркадьевич! Опять вы за свое. Пустите меня, мне нужно на репетицию!

— Я тебя отвезу!

— Делайте что хотите. — Голос опять сел. Она устало прислонилась к дверному косяку. Что поделывать, если иногда ее отношения с Канделаки напоминали сценку из самой пошлой оперетты.

— Боже, что я делаю? — услышала она. — Знаю ведь, что все равно уйдешь от меня. Боюсь этого.

— И именно поэтому, — прошептала она осевшим голосом, — ты меня оскорбляешь своей ревностью? Или ты хочешь сказать, что все эти годы я жила с тобой только потому, что ты главный режиссер? А теперь ты мне стал не нужен? Мало мне тычков от так называемых коллег, от которых я на протяжении десяти лет выслушивала подобное? Да, вы сделали из меня актрису, — от волнения она вновь перешла с мужем на «вы», — и за это я вам благодарна, но если бы я не была вашей женой, вы не стали бы занимать меня в своих постановках? Договаривайте, Владимир Аркадьевич. Но только смею вам заметить, что я играла еще до вашего прихода в НАШ театр и буду играть после вашего ухода.

Все... Пошлейшая оперетта. Комедия положений. Театр абсурда. Все, что угодно, но только не семейная жизнь.

Она уже знала, что ждет ее вечером: бесконечные разговоры, придирки, подозрения, выяснения отношений. Уйти? Сколько раз эта мысль приходила ей в голову. Но как мама переживет ее уход от Канделаки? У нее больное сердце.

Вот она — опять та же самая воронка. Вдохнула, нырнула и... резко в сторону. Будь что будет. Ей надо беречь голос. Сегодня репетиция. И сегодня же приходит в театр новый руководитель. Оставит он ее в театре или предложит поискать другое место работы? Что ей делать с Элизой Дулитл? Как играть вечерний спектакль? Бог мой: Чана! Нет, все-таки прав Канделаки — она еще маленькая девочка, верит в талисманчик.

Каблучки застучали по коридору. Она скрылась в спальне. Вот она — ее Чанита, маленькая резиновая куколка, ее талисман. Как-то после спектакля «Поцелуй Чаниты» она обнаружила куколку в букете цветов. Подарил кто-то из поклонников. А через некоторое время та Чана пропала. Она расстроилась, а потом вновь в одном из букетов обнаружила почти такую же куколку. И вновь назвала ее Чаной. С тех пор она не расстается с ней, всегда берет на спектакль, репетицию, гастролы...

— Ну что, Таня, поехали? — Голос мужа звучал спокойно.

— Да, Володя, я готова!

Скорее бы вечерний спектакль. Она выйдет на сцену и забудет обо всем, что произошло. Сцена лечит.

Глубокий вдох, прижатые друг к другу ладони подняты к лицу. «Все

будет хорошо!» С этой мыслью она открыла дверь служебного входа Театра оперетты. Что ждет ее за ней?

«Изменить» своему театру, в котором проработала пятьдесят пять лет, она смогла лишь не так давно. И нисколько не пожалела об этом. Поддалась на долгие уговоры главного режиссера Театра имени М. Н. Ермоловой Владимира Алексеевича Андреева.

Володя Андреев. Сколько же лет они знакомы? Страшно сказать, еще со времен ГИТИСа, в котором учились в одно время. Пусть на разных курсах и факультетах, но ведь в одном здании. Их дружба, пронесенная сквозь годы, зародилась именно тогда.

Когда в самом конце 90-х годов теперь уже прошлого века прекрасный драматург Леонид Зорин написал пьесу «Перекресток», продолжение знаменитой «Варшавской мелодии», Володя тут же позвонил ей и предложил участие в постановке на сцене театра, который он возглавлял. Несмотря на всю заманчивость перспективы, она тогда отказалась. Андреев был настойчив. Уговаривал на разные лады. Убеждал, иногда сердился, но она твердо отвечала: «Нет». Однажды, чтобы хоть как-то разрядить напряженную атмосферу, она произнесла: «Да не выучу я столько текста!» — и звонко рассмеялась. Андрееву ничего не оставалось делать, как капитулировать. Ну кто еще из актрис так откровенно признается в том, что не сможет выучить текст? Только Татьяна Ивановна Шмыга. Все знал мудрый Андреев: и что Шмыга не может без своей оперетты, что, слава богу, играет на сцене театра и именно те роли, которые хочет играть: Джулию Ламберт, Катрин, Джейн...

И... отступил. Она подумала, что навсегда, но, как выяснилось, на время. В спектакле «Перекресток» вместе с Владимиром Андреевым сыграла Элина Быстрицкая.

Пройдет несколько лет, и Андреев позвонит вновь. И снова предложит выйти на сцену Ермоловского театра.

— Танечка! — вкрадчиво начал он. — Я, конечно, понимаю, что ты не выучишь столько текста, но попробовать — то можно?

В ответ услышал серебристый колокольчик, так знакомый ему еще со времен студенчества.

«А почему бы и нет, в конце концов, — подумала она. — Прекрасный текст Леонида Генриховича, что ни слово, то золото, произносить одно удовольствие». Продолжение некогда знаменитой «Варшавской мелодии», в постановках которой блистали ее любимые актрисы Юлия Борисова и Алиса Фрейндлих.

— Татьяна Ивановна! — Из задумчивости ее вывел голос искусителя Андреева. — Хватит заниматься самоедством.

Ох уж этот Владимир Алексеевич! Как всегда, попал в точку. Она всегда была ужасной самоедкой. Впрочем, такой и осталась. Вот показалось ей однажды, что для классических оперетт у нее не хватает голоса, и все костюмные роли прошли мимо нее. А сейчас она думает, что это было глупо с ее стороны и она многое пропустила. Но все равно были же у нее интересные роли. Пусть советские девочки в маечках, в тельняшечках, в юбочках, в носочках — этакие золушки. Она ничуть не то что не сожалеет и не критикует тот период актерской жизни, наоборот, считает, что те золушки очень много дали ей как актрисе.

Либретто порой были такими, что иногда можно было голову сломать, пока придумаешь, как все это сыграть. Да еще так, чтобы не было стыдно ни на сцену выходить, ни после спектакля на поклонь. В общем, «скрипеть мозгами» — эта фраза с ее легкой руки пошла в народ — приходилось иногда очень долго.

А не так давно сцену родного театра заполонили мюзиклы. Сама она играет от силы дай бог два раза в месяц. И то, если очень повезет. По-прежнему играет Катрин, Джейн, выходит на сцену в спектакле «Большой канкан» — исполняет романс Жермон из кинофильма «Гусарская баллада» и дуэт Сильвы и Эдвина, знаменитое «Помнишь ли ты?».

Сколько ей еще осталось? Годы уходят, вместе с ними силы, а ведь еще очень многое хотелось бы сыграть.

Годы, годы, годы... Да, она не скрывает своих лет, более того — не чувствует возраста. Даже придумала свой собственный афоризм: «С возрастом я хожу по разным тротуарам». Если бы она была дряхлой старухой и лезла на сцену, тогда, наверное, и стоило бы скрывать. Она же играет с полной нагрузкой и те роли, которые, как ей кажется, уже должна играть. Она же не играет девочек. Так что стыдиться и скрывать ей нечего. Другое дело, когда выходишь на сцену и на тебя смотрят зрители, этому надо соответствовать. Или уходить со сцены. Но пока она считает, что надо выходить.

Ну не представляет она себя вне стен театра, без сцены. Это ее жизнь. Отними у нее все это — она умрет. А если снимут с репертуара ее спектакли, что она будет делать? Играть комических старух и мамаш? Сидеть дома и вязать носки? Вышивать крестиком? Тихо сходить с ума от невозможности вновь выйти на сцену и ощутить то ни с чем не сравнимое чувство полета, которое бывает у нее после спектакля. Ведь сцена действует на нее магически, дает ей силы и уверенность в себе. Да-да,

именно так. И пусть об этом мало кто догадывается, ей достаточно того, что знает об этом она сама.

В один из таких не самых лучших дней ее раздумий по поводу театра, да и вообще дальнейшей жизни, вновь и уже в который раз зашел разговор о переезде в Германию. Тема давно витала в воздухе, и возникла она не на пустом месте. Друзья, коллеги, знакомые, поклонники — они, конечно же, есть. Грех было бы жаловаться на недостаток внимания и общения. Но никто из них не может заменить самых близких тебе людей. С годами, как известно, больше теряешь, нежели приобретаешь. Уже давно нет на этой грешной земле мамы и папы. Ушел из жизни ее родной брат — она так и не смогла смириться с его потерей. Ему только-только исполнилось шестьдесят лет.

А в Германии живут брат и сестра Анатолия Львовича — единственные из близких родственников.

Не сразу согласилась она на переезд в Германию. Потом, пока готовились документы, думала, думала, думала. И практически в самый последний момент отказалась. Жить в Германии — значит остаться без театра. Он-то, безусловно, проживет без нее, а вот она без него — вряд ли... Муж все понял и не стал настаивать. Она была благодарна ему за это.

Многие ее отказ не поняли, а доводы, что она не сможет без театра, посчитали актерским выпендрежем. А кое-кто даже отпускал едкие комментарии по этому поводу. «Ну конечно, здесь она — Татьяна Шмыга, народная артистка СССР, примадонна оперетты, а там кто? Мадам Кремер».

Господь не дал ей детей, так уж сложилось. Что теперь жалеть об этом? Если бы у нее появился ребенок, она бросила бы театр. Она бы не допустила, чтобы малыш сидел до десяти — одиннадцати вечера в примерной. Мама тяжело болела, и «повесить» на нее ребенка она не могла. Как не смогла бы доверить его посторонним людям, а это значит бросить театр. Раньше ее часто спрашивали журналисты: «Неужели искусство взяло верх над материнством?» И она неизменно отвечала: «Так получилось, что теперь об этом жалеть... И потом, когда я вижу, что происходит вокруг, мне было бы жалко уже моих внуков». Такова уж судьба актрис. Кто-то отрекается от личной жизни, кто-то — от семьи, кто-то — от детей. Она ни от чего не отрекалась. Так получилось. Всевышний дал ей голос и талант, но не дал ребенка. Ее спектакли стали ее детьми. Каждую свою роль она

вынашивала и рожала в муках. Но ни за одну из сыгранных ей не стыдно. Может быть, кто-то из женщин и не поймет ее, быть может, кто— то и осудит... Что поделаешь — у каждого свой путь.

Пусть попробуют в нее бросить камень — не получится. На каждом спектакле она выкладывается по полной программе, потому что с детства не привыкла делать что-то вполноги и вполсилы. И по сцене пешком она не ходит.

Почему-то вспомнился один забавный эпизод. Как-то после спектакля, кажется, в тот вечер она играла Катрин, садясь в машину, сказала мужу: «Что-то я стала немножко уставать». Кремер, услышав подобное, рассмеялся:

— Ну ты и нахалка! Три часа на сцене вытворяешь бог знает что, а потом такое говоришь.

Пусть она будет уставать еще больше, но она не может без сцены. И ведь вот что странно: до сих пор перед каждым выходом она волнуется до такой степени, что даже начинает дрожать. И непременно слышит от коллег: «Татьяна Ивановна! Ну нельзя же так!..» А иначе она не умеет.

...Закончился спектакль. Поклоны, цветы, овации. Около служебного входа толпа поклонников. И снова букеты. Она улыбается, разговаривает, принимает поздравления, раздает автографы. Наконец садится в машину.

— Ну что, я тебя поздравляю, — слышит голос мужа.

— Ты меня поздравляешь?! — Она не скрывает сарказма. — Да ничего хуже, чем сегодня, я никогда не делала!

И всю непродолжительную дорогу до дома она перечисляет ошибки, которые сегодня допустила на сцене. Дома самоедство продолжается — и то не так, и это не эдак...

— Татьяна Ивановна! — На том конце провода вновь был Владимир Андреев. — Так что мне Леониду Генриховичу— то сказать, а? А то он попенял мне, мол, имя Татьяны Ивановны Шмыги уже звучало, когда в первый раз зашла речь об исполнительнице главной роли. Да ведь только она не согласилась... Так что, Танечка, мне ответить Зорину?

Нет, она не согласится. Боязно все-таки. Хотя и заманчиво.

— Ты уже текст за всех проговорила? — Она увидела смеющиеся глаза Кремера.

Что ж... Они с мужем уже научились и мысли друг друга читать. А ведь прав ее Толюня, ой как прав! Сто раз она уже проговорила про себя

текст «доброжелателей» и критиков, который она услышит и прочитает чуть ли не на следующий же день после премьеры. И заголовки в газетах уже увидела. Что-то вроде «Драма вошла в жизнь примадонны оперетты». Ведь разделают же под орех. «Опереточные жесты», «опереточные слезы», «опереточные интонации» и все в том же духе. Ведь сегодня же пишут так называемые рецензии все кому не лень. А кому лень, те тоже пишут. О самой постановке — от силы два слова. А все остальное — умозаключения так называемых критиков.

Вспомнилась история с «Катрин». Сыграли несколько спектаклей — и в одном уважаемом в то время издании выходит рецензия. И фамилия критика известная. Только в кинематографических кругах. А он, оказывается, еще и в оперетте разбирается. Так ему, во всяком случае, показалось. Нет, ее в той рецензии он не тронул, а вот по остальным исполнителям «проехался» основательно. Больше всего досталось композитору. «Кремер не Кальман» — приговор обжалованию не подлежал.

Пройдет несколько лет, и этот музыкально-кинематографический критик позвонит ей. И спросит, не хочет ли она дать ему интервью к своему юбилею. «Нет», — ответит она очень просто. «Почему?» — изумится критик. «Спросите у своей совести. И забудьте навсегда мой номер телефона», — будет ему ответ.

Была не была. Согласится. Уж больно благодатный материал. Шаг смелый и рискованный. Ведь сколько желающих выступить «на чужой территории» выглядели порой весьма бледно. Но ведь риск — благородное дело. И есть ради чего рисковать: чудная пьеса Зорина — тот самый материал, которым хотелось бы «полакомиться». Продолжение «Варшавской мелодии». На излете XX века драматург подарил своим героям Гелене и Виктору уникальную возможность встретиться вновь. Только теперь у них нет имен. Просто Он и Она. Судьба сталкивает их в аэропорту одной из экзотических стран. Он — вдовец, затюканный жизнью уже давно немолодой человек. В прошлом — винодел, сейчас он занимается тем, что консультирует нынешних виноделов. Она представляется автором детективных романов.

Текст... Потрясающий текст Зорина. Сейчас уже так никто не пишет. Произнося каждое слово, она словно пробовала его на вкус.

— Был некогда такой перс — Хайям, — частенько звучало в квартире на разные лады: она пыталась найти верную интонацию. — Он дал совет на все времена: «Уж лучше будь один, чем вместе с кем попало».

Ей повезло. Рядом с ней вот уже тридцать с лишним лет «ее любимый

Кремер». Он появился в ее жизни в тот момент, когда она мучительно думала, что же ей теперь дальше делать. В театре, в первую очередь. В личной жизни все давным-давно было ясно. Она не раз была готова уйти от Канделаки. Уйти просто так, в никуда. Двадцать лет совместной жизни были для нее одновременно и раем, и адом. Раем — потому что благодаря Канделаки она стала той Татьяной Шмыгой, которую знают и, как утверждают зрители, любят. Да-да, именно той примадонной оперетты. Сама она не любила, да и по сей день не любит громких эпитетов в свой адрес.

Однажды актер Театра Российской армии Федор Чеханков зашел в гримерную со словами: «Боже, кого я вижу — примадонна, королева сцены!» На что она строго заметила: «Ты что, не можешь поздороваться по-человечески?»

Именно при Канделаки она раскрылась как актриса. И это был рай. А вот ад... В силу своего южного темперамента Владимир Аркадьевич был очень ревнив. На пустом месте, абсолютно беспочвенно. Ее это обижало. Сколько раз она в такие моменты пыталась даже не уйти, а убежать из квартиры, хотя бы на время, чтобы в очередной раз не выслушивать глупости в свой адрес. Собирала свои нехитрые пожитки и как вкопанная останавливалась посередине прихожей. Поперек нее у входной двери лежал Владимир Аркадьевич. Переступить через него она не могла. Да он бы ее и не выпустил.

После затяжных ссор, бесконечных выяснений отношений, которые выматывали ее до предела, уже не хотелось ничего, кроме одного — лечь, уснуть, а проснувшись, понять, что это всего лишь сон. Грозы и бури стоили ей больших душевных и физических сил. Как она могла еще и на сцену выходить, до сих пор не может понять. Видимо, есть в организме какие-то скрытые ресурсы. Стоя за кулисами, чувствовала, как в такие моменты открывались тайные шлюзы терпения и сил, неведомые ей самой. Он же, остыв, говорил только одно: «Боже, что же я делаю!»

Проходило время, и все повторялось. Ревность к ее молодости, ревность к успеху, ревность к новым ролям, ревность к поклонникам, ревность к мужчинам...

Человека, который за долгие годы совместной жизни и при огромных возможностях не запятнал чести человека рядом, трудно довести до отчаяния. Но, если постараться, то возможно.

Пусть хоть кто-нибудь попробует бросить в нее камень — не получится. Да, поклонников было много, объяснений в любви — еще больше, сама не желая того, она влюбляла в себя мужчин, ломались копыя

за кулисами Театра оперетты, один из актеров, поняв, что его чувство так и останется без ответа, даже написал заявление об уходе.

— Ну что же ты делаешь? — Она узнала обо всем, как всегда, последняя. И это тоже особая черта ее характера — не участвовать в склоках и сплетнях, никого и никогда не обсуждать. Она всегда была выше сплетен, зависти и интриг. Хотя частенько, особенно на первых порах своей совместной жизни с Канделаки, как раз и становилась объектом зависти, сплетен и интриг. Но никогда не опускалась до выяснений отношений.

Она, как никто другой, умела ставить барьер между собой и мужчинами. Впрочем, как и между поклонниками. Для «шансонетки» это совсем не свойственно. Хотя лично она в душе никогда не считала себя «шансонеткой». Впрочем, как и оперетту «легким жанром». Кто это придумал? Легким, да и то не жанром, а видом искусства оперетта может быть только в том контексте, что публика во все времена искала праздник и находила его именно в оперетте. В воздушных опереттах Имре Кальмана и Жака Оффенбаха. Изящная музыка, красивые наряды, лучезарные улыбки, перья, боа, красивые стройные ножки актрис и обязательный канкан... А что стояло и стоит за этой легкостью, знают только те, кто хоть раз выходил на сцену.

Почему-то вспомнился забавный эпизод. Молодой журналист пришел к ней брать интервью. Как раз к очередному юбилею. То, что он ни разу не видел ее на сцене, стало ясно с первых же минут разговора. Что ж, журналистика за эти годы тоже стала другой. Деликатность не позволила ей сразу выставить его за дверь, и она начала отвечать на вопросы. А потом как-то случайно у нее в разговоре вырвалось, что она до сих пор занимается сценической речью, посещает балетный класс и педагога по вокалу.

— Что-о-о вы делаете? — У журналиста от неожиданности глаза на лоб полезли.

— Вокалом занимаюсь. — Она с трудом сдерживалась, чтобы не засмеяться.

— А зачем вам, звезде, это надо? — услышала в ответ.

— Чтобы, молодой человек, в моем возрасте играть спектакли.

— И сколько же вам лет?

Ох не зря ее многолетний концертмейстер шутила над ней: «Такой легкомысленной, как ты, я еще никогда не видела. Чтобы так легко отдавать свои роли и так открыто говорить, сколько тебе лет».

Может быть, и надо было отшутиться, как великая Фаина Раневская: «В субботу стукнет сто пятнадцать», но молодой человек явно был лишен

чувства юмора, поэтому она честно сказала:

— Семьдесят.

— Шутите? — обиделся будущий «акула пера».

— Нисколько. Нужно соответствовать тем ролям, которые играешь, или уходить со сцены. Но пока я считаю, что могу выходить на сцену. А для этого нужно постоянно заниматься...

На протяжении последних тридцати с лишним лет она и выходила на сцену только благодаря мужу.

Это он избавил ее от ухода на пенсию в самом расцвете лет и сил. Она бы это непременно сделала, потому что выхода у нее не было — либо роли мамаш и комических старух, либо... Он же продлил ей творческую жизнь, написав специально для нее четыре музыкальных спектакля: «Эспаньола», «Катрин», «Джулия Ламберт» и «Джейн». Благодаря ему и в пятьдесят, и в шестьдесят, и в семьдесят пять она выходила на сцену героиней.

До своей судьбоносной встречи, которая перевернула обе жизни разом, они были знакомы много лет.

Он пришел в Театр оперетты еще при Канделаки. Уже тогдашнюю приму он ласково называл «Танечка», впрочем, не он один — так ее звали практически все. За исключением некоторых, любили ее все. За легкость, воздушность, почти прозрачную невесомость, за искрометность и талант, за дотошность и трудолюбие, за желание получить ответы сразу на все свои «почему». За характер, за то, что никогда не принимала участия в склоках, за многое любили ее... За то, что не выпячивалась, не взбрыкивала, будучи женой главного режиссера, не кичилась своим положением, за то, что не просиживала часами в его кабинете, не строила козни...

Она не могла сама это придумать — так ей говорили. Она лишь смущенно улыбалась в ответ. И работала, работала, работала. Ведь те десять лет, когда ее муж был главным режиссером, были для нее самыми трудными. Ей все было нельзя. Нельзя было болеть, нельзя было отказываться от роли, нельзя было выбирать — и именно потому, что она жена главного режиссера. Она играла все подряд независимо от того, нравилось ей это или нет. В то время, когда актрисы играли кто Принцессу цирка, кто Веселую вдову, кто Марицу и Сильву, она переиграла все роли в «советских» опереттах. И даже если предложенный материал ей не нравился, все равно начинала репетировать, потому что Канделаки говорил: «Нет, ты будешь это играть». И она играла.

Но кто знает, может, именно те роли девочек в бесконечных «советских» опереттах и закалили ее характер, и именно благодаря им —

тем ролям, многие из которых уже канули в Лету, она и стала той Татьяной Шмыгой, которой сегодня восхищаются все — от мала до велика...

С годами научилась не обижаться: сколько раз на ней срывали свои обиды на Канделаки: его-то боялись, вот и вымещали на ней — его жене. А она молча уйдет в какой—нибудь уголок театра, поплачет, и все. Мужу она об этом и не говорила. А уж что касается хождения по директорским кабинетам... Она по ним никогда не ходила, а уж тем более если это — кабинет мужа. Ей это казалось просто неприличным. Одна из актрис однажды скажет ей: «Я поражаюсь твоему терпению». А что ей еще оставалось делать? Жаловаться мужу, прилюдно выяснять отношения с обидчиками? Вот и делала вид, что все это ее нисколько не задевает. А старые актрисы старались уколоть побольнее: «Зачем он тебе? Ты и без него будешь все играть». А она и так уже играла, еще до назначения Канделаки главным режиссером. Она прощала им эти уколы. Понимала, что их время уходит, ну какие в сорок с лишним лет могут быть девушки с козьего болота. Да и советские оперетты пишутся в расчете на молодых актеров и актрис. Лишь немногие актрисы старого поколения, блиставшие в сороковые, могли смириться с тем, что из лирических героинь, субреток, каскадных актрис им предстоит переходить на амплу комических старух. Приходилось в расцвете лет и сил кому-то переходить на другие роли, а кто-то и вообще уходил на пенсию. Но разве ее вина в том, что на пятидесятилетних актрис никто специально оперетты не пишет. А получалось, что виновата она. Что же, она должна разлюбить своего мужа только потому, что он — главный режиссер театра?

А потом в ее жизни настал тот самый момент, когда ушла любовь и с мужем она жила только потому, что боялась расстроить маму. Спустя годы она узнает от одной из своих подруг, что мама не раз говорила: «Господи! Зачем она губит свою молодость? Почему не уходит от него? Я хорошо к нему отношусь, но вижу, какой он эгоист». А ведь она, как могла, оберегала маму, многое не рассказывала...

Пройдет много лет, и в одном из своих интервью она, словно расстегнув одну из пуговиц на глухом вороте блузки, скажет то, что никогда не говорила, настолько это интимное: «У меня несколько лет пропали по-женски».

...Весна 1976 года. Париж. Стук в номер отеля.

— Войдите, — чуть запыхавшись, произнесла она. В тот момент она пристраивала вешалку с плащом в шкаф, расположенный в малюсеньком коридорчике номера. И, не дождаввшись вошедшего, сама распахнула дверь.

На пороге стоял дирижер Театра сатиры Анатолий Кремер с длиннющим багетом. Он держал его в руке с таким видом, словно это была как минимум орхидея. Увидев его, неожиданно прыснула от смеха.

— Ну вы и пижон, Анатолий Львович, — только и смогла вымолвить. Через секунду хохотали уже все — и она, и Кремер, и концертмейстер Наталья Столярова, с которой ее поселили в один номер.

«Надо же, какой внимательный, — подумала она про себя. — Запомнил, что в автобусе по дороге из аэропорта в гостиницу она рассказывала о том, что первым делом купит багет». Все дело в том, что в Париже она уже не в первый раз и в прошлую свою поездку ей запомнился вкус этого чудесного хрустящего и воздушного батона белого хлеба.

И когда успел-то? Ведь только-только их заселили в отель, она едва успела вещи разобрать, а тут он — с багетом.

С тех пор она нет-нет да и произнесет: «Всю мою жизнь испортил Париж!» Ведь их роман с Кремером и зародился в этом городе любви. Как ни банально это прозвучит.

Сейчас, вспоминая всю свою жизнь, она с ужасом думала, что если бы не та поездка, перевернувшая разом обе жизни, были бы они вместе? Ведь уже сколько раз судьба сталкивала их нос к носу в самом прямом смысле этого слова, но...

И дело даже не в том, что оба они были несвободны. Просто Кремер абсолютно не воспринимал ее как женщину, с которой можно связать свою судьбу. А один раз вообще назвал «своим парнем». Сказать, что она тогда обиделась на него, — значит не сказать ничего. Но виду не показала.

В 1970 году они вместе работали над фильмом «Эксперимент». Более того, именно Кремер и порекомендовал режиссеру Евгению Радомысленскому взять ее на главную роль. Он в то время пробовал Татьяну Доронину, но что-то у них не клеилось, и Радомысленский мучительно раздумывал над тем, кто же будет играть героиню. Как потом она узнала, Кремер сказал: «Возьми Танечку Шмыгу. Она — стопроцентное попадание в эту роль. Поверь, я с ней работал и знаю, насколько она талантлива. Ей очень многое подвластно».

И вот однажды они столкнулись в коридоре Останкино: «Танечка, как вы смотрите на то, чтобы пойти сегодня в ресторан?» — «С удовольствием», — почему-то именно так ответила она тогда, хотя рестораны как таковые не любила, да и дома ситуация вовсе не располагала к тому, чтобы идти в ресторан. С возрастом характер Владимира Аркадьевича не улучшался и его неоправданная ревность иногда просто зашкаливала. А с другой стороны, чем выслушивать очередные подозрения

и до утра выяснять отношения, уж лучше она проведет время в приятной компании — тем более с этими людьми ее связывает довольно длительная работа над фильмом.

Если бы она знала, чем закончатся посиделки в ресторане, может, она и не стала бы предупреждать своего мужа, но... Вечное чеховское «если бы знать...».

— Я только предупрежу Владимира Аркадьевича, чтобы он не волновался.

Кремер лишь плечами пожал.

Канделаки она застала практически в дверях, в тот день шел «Цыганский барон» в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, где он пел Стефана.

То ли у него было хорошее настроение, то ли он уже настраивался на роль, но ее рассказ о том, что она задержится, потому что решили отметить окончание съемок фильма, он принял спокойно и даже предложил заехать за ней в ресторан после спектакля.

— Бог с вами, Владимир Аркадьевич! — У нее тоже было прекрасное настроение. — До того как у тебя закончится спектакль, я уже буду дома. Я же ненадолго, ты же знаешь, как я «люблю» рестораны.

Греческий грузин или грузинский грек, именно так называли в Москве Канделаки, сам обожавший застолья и знающий в них толк, прекрасно понимал, о чем идет речь: его жена весьма прохладно относилась к посиделкам в ресторане и уже через пять минут после начала чувствовала себя неуютно, вот дома — пожалуйста.

— С кем идешь-то? — Вопрос прозвучал скорее для приличия.

— Радомысленский, Кремер, — словно школьница, перечисляла она фамилии мужчин, с которыми ей предстояло провести вечер в ресторане.

— Кремер? Ну-ну... — почему-то сделал акцент на этой фамилии муж. — Приятного вечера.

— Тебе — удачного спектакля!

— Спасибо.

Она не знала, как было принято в других актерских семьях, но в ее было именно так: они с Канделаки всегда желали друг другу удачного спектакля. И даже если были в ссоре и не разговаривали, все равно произносили: «Удачного спектакля». А ссорились они в последнее время все чаще и чаще. За собой она вины не чувствовала — как правило, заводиться начинал Канделаки, он терял над собой контроль и частенько в своих обвинениях перегибал палку. Будучи по-женски мудрой, она все прекрасно понимала. Что-то знала, о многом догадывалась. Канделаки был

видным мужчиной и, несмотря на свой возраст, имел у женщин невероятный успех. А лучшее средство защиты, как известно, — нападение. Вот он и напал, обвиняя во всех смертных грехах ее. А остыв, начинал просить прощения.

В ресторане «Золотой колос» она оказалась в компании пятерых мужчин. Они так лихо заказали аперитив и закуски, даже не заглянув в меню, что вызвали ее невольную улыбку. Она сразу поняла: все стараются ради нее — единственная женщина в мужской компании. Шутки, анекдоты сыпались с разных сторон, они наперебой ухаживали за ней — и ей это было приятно. Что уж тут скрывать — она хотя и была уже много лет замужем, но Владимир Аркадьевич не всегда был к ней внимателен. Уж сколько лет прошло, а она до сих пор помнит то свое ощущение от одного эпизода.

Восемнадцатое апреля 1959 года. В Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко — премьера оперы Пуччини «Тоска» в постановке Канделаки. Они вместе приехали в театр, вместе смотрели спектакль из директорской ложи (в тот день роль Скарпия исполнял другой актер), вместе отправились на банкет. Как всегда бывает в день премьеры, актеры были взбудоражены, глаза блестели не столько от выпитого, сколько от того состояния, которое любой актер испытывает в такой день: все страхи позади, спектакль сыгран, шлифовать роль можно начать и завтра с утра, а здесь, на импровизированном банкете за кулисами родного театра, можно наконец отдохнуть. Все замечания будут завтра. А сегодня — лишь поздравления. Тосты лились рекой: один заканчивался, говорился другой. Слова благодарности перемешивались с воспоминаниями о совместной работе. Она сидела рядом с мужем — Канделаки радовался успеху спектакля. И вдруг как гром среди ясного неба:

— Танечка! Я сейчас тебя отправлю домой, а сам приеду чуть позже.

Она лишь вопросительно посмотрела на него.

— Я еду на Котельническую — приехали мои родители. Ты же умная девочка, все понимаешь...

Словно удар наотмашь. Муж отправляется в прежнюю квартиру, где живет его бывшая семья, там же остановились и его родители, с которыми он ее пока не торопится знакомить. Обида захлестнула ее, слезы готовы были хлынуть из глаз, но она загнала их обратно. Нельзя показывать вида, что расстроена.

В то время они жили в маленькой квартирке с дощатыми полами на улице Красина, которую ей помог получить театр. Все правильно: не звать

же гостей туда.

— Танечка, — услышала она, садясь в машину, — а вы разве не хотите разделить праздник вашего мужа?

В глазах актрисы, произнесшей это, явно виделось злорадство.

— Почему же, — она собрала все свои силы, чтобы достойно ответить, — я только что его разделила. Просто у меня завтра с утра репетиция, и Владимир Аркадьевич, прекрасно зная об этом, дает мне возможность отдохнуть. Надеюсь, он на меня не обидится. Да, Володя?

Волю слезам она дала только дома. Подрезая подаренные Канделаки цветы и расставляя их по вазам, она сама себя уговаривала, что у нее действительно завтра репетиция и она должна отдохнуть. Ей нужно выспаться. Иначе голос завтра звучать не будет.

— Девочка моя, — услышала она, — ты спишь?

На часах было шесть утра. Она попыталась сделать вид, что спит.

Через какое-то время обнаружила мужа сидящим на кухне.

— А что случилось с моими любимыми глазками? Почему они такие мутные? Танечка, что случилось? Ты плакала? Ты обиделась?

— Владимир Аркадьевич! Ты же прекрасно знаешь, что у меня аллергия. Вчера за столом многие курили, а актрисы вашего театра понятия не имеют о том, как надо душиться. Выливают на себя по полфлакона духов. Странно, что я еще голос не потеряла.

— Та-нь-ка! — протянул он нараспев. — Ну что ты злишься? Я же ведь дома. С тобой. И что, позволь тебя спросить, ты сегодня репетируешь?

Что поделать, ну такой у нее муж. Когда ему надоело ютиться в малюсенькой квартирке, он не нашел ничего лучшего, как разменять свою четырехкомнатную в доме на Котельнической набережной на две мало того что в этом же доме, так еще и в одном подъезде. И просто поставил ее перед фактом. Мол, мы переезжаем в высотку. И все. Она попыталась сопротивляться: «Я туда не поеду!» — «А что мы будем делать, где мы будем жить? Я на этом дощатом полу жить уже не могу».

Пришлось подчиниться. Она так и не смогла полюбить ни тот дом, ни ту квартиру. Более того, все то время, что она прожила там с Канделаки, подходя к лифту, очень боялась встретиться с его бывшей женой. Прекрасно знала, что ей это будет неприятно, да и Галина Кузнецова вряд ли будет счастлива увидеть ее.

Наверное, можно было бы и купить кооперативную квартиру, и попросить в Моссовете — все-таки Канделаки любили сильные мира сего и вряд ли бы отказали, но... Случилось так, как случилось.

Из грустных воспоминаний ее вывело оживление: за столом явно что-

то происходило, а вот что именно, она поначалу не поняла. Перешептывания и перемигивания ей ни о чем не говорили. И вдруг, поняв, в чем дело, она звонко расхохоталась. За столом с ней сидели достаточно известные творческие личности, мужчины в солидном возрасте, и надо же было такому случиться, что все они оказались без денег, за исключением какой-то мелочи.

— Я могу заплатить! — отсмеявшись, произнесла она.

— Танечка! О чем вы говорите! Нам неудобно, что такая очаровательная женщина угощает пятерых не самых бедных, но бестолковых мужиков.

Кто-то из сидящих за столом уже собрался было ехать домой за деньгами, как вдруг она услышала голос Кремера:

— Да ладно вам, Танечка же — свой парень!

И тут же позвал всех к себе домой. Она начала было сопротивляться, мол, ей неудобно, да и Владимиру Аркадьевичу она обещала, что скоро будет дома. Он придет со спектакля, а ее нет, начнет волноваться, или еще того хуже — ревновать, или искать ее по всей Москве.

— Мы ненадолго. — Галантные мужчины не отставали от нее.

— И потом, Танечка, — опять услышала она голос Кремера, — должен же я вам вернуть деньги.

Кремер, как мог, пытался загладить вину за «своего парня».

— В противном случае, — не унимался он, — мне придется вам назначить свидание.

— «Своему парню»? — Она сделала вид, что подобные слова нисколько не задели ее.

Пройдут годы, и она припомнит «любимому Кремеру» «своего парня». А тогда... Тогда она отправилась в гости к Анатолию Львовичу в компании создателей фильма «Эксперимент». Войдя в квартиру, извинившись, попросила разрешения позвонить домой. В ответ раздавались длинные гудки — Владимир Аркадьевич еще был в театре. Когда в следующий раз она посмотрела на часы, с ужасом обнаружила, что стрелки циферблата замерли большая на 12, а маленькая на 5.

Пять утра. Теплилась надежда, что Канделаки после спектакля, поняв, что она задерживается, лег спать, хотя... Она по себе знает, что после спектакля, наоборот, долго не можешь уснуть, иногда прокручиваешь все мизансцены в голове по нескольку раз.

Домой ее подвез Евгений Радомысленский.

«Хорошо, что не Кремер», — почему-то промелькнуло в ее голове, как только она увидела идущего от подъезда ей навстречу Канделаки.

...Она до сих пор не знает, что же именно произошло тогда в Париже. Весьма вероятно, просто не может объяснить. Ей — 48, ему — 43. За плечами у обоих достаточно стабильные семейные отношения.

А может, она просто-напросто иначе взглянула на мужчину, который несколько лет назад назвал ее «своим парнем». Хотя... Первым все-таки начал он. Еще в Москве. Это уже сегодня, спустя столько лет совместной жизни, она именно так и может сказать.

В 1976 году перед любой зарубежной поездкой — будь то творческая командировка, гастроли, а уж тем более туристическая — выезжающие проходили обязательный инструктаж: что можно делать, а что категорически запрещается за рубежами нашей необъятной Родины. А уж тем более если выезд был в капиталистическую страну.

На собрании он оказался рядом с ней, посидев немного, дотронулся до ее плеча и тихо шепнул на ухо: «Танечка! Я незаметно исчезну, а вечером вам позвоню, узнаю, что и как». Она кивнула.

А вечером в ее квартире раздался звонок.

— Танечка! — на том конце она услышала голос Кремера. — Что интересного я пропустил?

— Ничего особенного, — еле сдерживая улыбку, ответила она. — Вылетаем из Шереметьева, в аэропорт поедem на автобусе. Сбор на площади Революции.

— Тогда до завтра, Танечка!

— До завтра, Анатолий Львович!

Так уж «исторически» сложилось, что Кремер называл ее Танечкой, она его исключительно — Анатолий Львович. И оба на «вы».

Он пришел к ним в театр в 1962 году ассистентом дирижера. Пожалуй, это был самый расцвет Московского театра оперетты. Главным режиссером был Владимир Канделаки — феноменально музыкальный, его стихией была именно музыка, поэтому он, как никто другой, любил и умел «ставить музыку». Главный балетмейстер — Галина Шаховская. Если кто-то из балетных поднимал ногу на пять сантиметров ниже положенного, она устраивала такую выволочку, что желание схалтурить отбивалось всерьез и очень надолго. Художником по костюмам была знаменитая Риза Вейсенберг — она могла окинуть хористов одним только взглядом и при этом устроить разнос. «Что за халы на голове?!» Следила за всем будь здоров, не дай бог было что-нибудь свое прицепить на костюм. Моментально замечала и ругала.

А правил бал Григорий Арнольдович Столяров. Он принял приглашение Канделаки стать главным дирижером в 1954 году. С

Владимиром Аркадьевичем они вместе работали в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, где Столяров дирижировал операми. Выступал Столяров и с симфоническими оркестрами. И при этом всегда любил оперетту, хотя вплотную никогда не занимался ею. Оперетта не была для него «легким жанром», он относился к ней как к самостоятельному виду искусства. Он говорил, что в оперетте «нужно петь не хуже, чем в опере, играть не хуже, чем в драме, танцевать не хуже, чем в балете, а оркестр должен звучать столь же богато и ярко, как симфонический».

И при нем оркестр Московского театра оперетты зазвучал. Строгим был Столяров не только по отношению к своим оркестрантам, но и к хору и к актерам. О том, чтобы прийти к нему на урок, на репетицию, не распевшись или не выучив свою партию, — о таком и подумать было нельзя.

Ведь то, что тебя видит в данной роли режиссер, это конечно же хорошо, но далеко еще не все. Важно, чтобы тебя увидел дирижер. Мало того, что увидел, надо еще, чтобы он захотел с тобой работать. Таких дирижеров в те времена было немного — в Большом над всем царил Александр Шамильевич Мелик-Пашаев, в Музыкальном имени Станиславского и Немировича-Данченко — Самуил Абрамович Самосуд, в оперетте — Столяров.

В последние годы он уже очень тяжело болел, перенес операцию на ногах. Но все равно стоял за пультом, а ведь долго стоять ему было категорически нельзя.

Так уж принято «на театре», что дирижера называют исключительно по имени-отчеству — и неважно, сколько ему на тот момент лет. И непременно на «вы».

С Кремером она репетировала Адель в новой редакции постановки «Летучая мышь». Так что до той поездки в Париж они были знакомы друг с другом много лет.

Что случилось в то утро, когда все они встретились на площади Революции в ожидании автобуса? То ли день смешался с ночью, то ли рухнул построенный замок из песка.

Он сел в автобусе позади нее и Натальи Столяровой. И понеслось — шутки и остроты сыпались из него словно из рога изобилия. Анекдоты перемежались с забавными случаями из жизни. Хохот не смолкал до самого аэропорта. А в самолете все по новой... От смеха сводило скулы.

И вдруг она поймала себя на мысли, что уже давно ей не было

настолько легко и свободно. Да, она привыкла совершенно к иному обращению. Для знакомых мужчин (кроме конечно же друзей дома) она в первую очередь известная актриса. И обращаются к ней не иначе как Татьяна Ивановна. Профессия накладывает определенный отпечаток, что уж тут скрывать, букеты и комплименты после спектакля — непременный атрибут ее творческой жизни. У поклонников своя иерархия, но все мужчины без исключения, хоть и ходили за ней толпами, прекрасно знали, что она никогда не позволит перейти грань дозволенного даже в комплименте. Тем более слишком бурные восторги по поводу собственной персоны она пресекала тут же, на корню. Она — истинная женщина, а таким не свойственно строить глазки и флиртовать направо и налево. И когда ей признавались в любви, она все сводила к шутке, а если поклонник не понимал, тут же возводила между собой и ним непреодолимый барьер.

Ей 48 лет, двадцать из них она жена Владимира Канделаки. У нее безупречная репутация. Да, она актриса Театра оперетты, но это ее профессия, флирт, кокетство — это на сцене, а в повседневной жизни — взгляды на отношения мужчины и женщины сродни пуританским. Так уж ее воспитали в детстве, и за это она благодарна своим родителям.

Никто не посмеет бросить камень. И в первую очередь она сама. А это гораздо важнее всех сплетен и слухов... Хотя слухи ползали не только по Москве, но и далеко за ее пределами.

Кто-то из ее поклонниц начал распространять сплетню про нее и космонавта Германа Титова. Без всяких на то оснований. А все началось с фотографии. После спектакля она, даже не подозревая, во что это может вылиться, сфотографировалась с Титовым. Фотография была скорее любительской, хотя и сделал ее профессиональный фотограф — муж одной из актрис театра. Но ее не предполагали публиковать ни в газете, ни в журнале. С этого все и началось. А поскольку в те времена еще, слава богу, не было такого понятия, как «желтая пресса», так называемыми папарацци с удовольствием работали некоторые поклонники. Они же все и всегда знали. А что не знали, очень любили придумывать. И сообщать друг другу. Кто больше знает про своего кумира? Сплетня о ее романе с космонавтом номер два мгновенно облетела сначала Москву, а потом вышла за пределы не только города, но и страны. Она, никогда не собиравшая сплетни, поначалу и понятия не имела о том, что про нее говорят. И вдруг стала замечать, что, куда бы она ни зашла — будь то магазин или сберкасса, — мгновенно начиналось шушуканье «Шмыга — Титов. Шмыга — Титов». Договорились до того, что правительство не разрешило Титову развестись и жениться на Шмыге. Это был какой-то ужас. На пустом месте выдумали

что-то невероятное. Все это продолжалось на протяжении двух лет и в конце концов настолько им надоело, что однажды, буквально столкнувшись на лестнице — она поднималась, а он спускался, — они даже не поздоровались!

...В какой-то момент она вдруг обнаружила, что Кремер путается в местоимениях «вы» и «ты», но она стойко держала оборону и делала вид, что не замечает этого. Из ее же уст по-прежнему звучало: «Анатолий Львович» и на «вы». Дирижер! И никуда от этого не денешься. А он что только не делал, чтобы обратить на себя ее внимание. На одну из его «выходок» она прореагировала болезненно, но вида постаралась не подать. Он заметил это и больше подобного не позволял себе.

А произошло следующее. В той двухнедельной поездке они были в Ницце, Канне, добрались до Монако. Обедали в небольшом ресторанчике на побережье. Было холодно, дул ветер. И Кремер, демонстративно подозвав официанта, заявил, что суп остыл, и велел подогреть. Официант удивился, но виду не показал, тем более что заказ был сделан на идеальном французском языке. А когда принес обжигающий суп, получил новый — сто граммов водки. Дирижер Театра сатиры явно не вписывался в остальную компанию театральных деятелей — тратить суточные на водку в ресторане Монако! Непонятная роскошь по тем временам, граничащая с чистым выпендрежем.

— Таня! — услышала она шепот на ухо. — Явно ради тебя старается.

— Пижон! — вырвалось у нее. Чтобы не показать, насколько это ее задело, она попыталась улыбнуться. Он и сам уже понял, что переборщил.

По возвращении в Париж ее ожидал новый сюрприз.

— Таня! — ахнула Наталья Столярова, открыв дверь. — Иди сюда.

Она выбежала на зов и остановилась как вкопанная. На пороге их номера стоял Кремер собственной персоной. В руках у него была корзинка с клубникой.

— Ну вы и... — только начала она, как тут же услышала:

— ...Пижон. Я знаю, Танечка! Но что же мне делать, если я действительно люблю очень горячий суп, и где же мне, как не во Франции, практиковаться во французском?

Ох, видимо, не зря придумано про «частицу черта», которая сидит в любой из нас. Она четко поняла, что следующий шаг за ней, и... пригласила Кремера на ночную прогулку по Елисейским Полям.

А на следующий день она... исчезла. О том, что ее пригласили в гости, она сообщила лишь руководителю группы (что поделать — такие были

порядки), а Кремеру — «забыла». Муж ее подруги детства работал в посольстве Франции, так что никакого криминала в ее походе в гости не было. Хуже было другое — она не пришла в отель ни вечером, ни на следующее утро. А когда появилась, возбужденная и от воспоминаний, и от репетиции в «Казино де Пари», куда ее пригласила подруга, — вдруг отчетливо увидела, насколько испуган и... рассержен Анатолий Львович.

И так же отчетливо поняла, что в ее жизни что-то происходит. Ее неудержимо влечет к этому человеку, а его — к ней. Она, взрослая женщина, прекрасно понимала, что это не мимолетное увлечение, а нечто большее. Сколько раз она проживала подобное на сцене — ее героини, девочки, девушки, молодые женщины, любили и были любимыми. И она с головой от лица своих героинь окуналась в столь волшебное чувство. А вот что касается жизни... Не думала не гадала, что ей и в жизни придется испытать то, о чем написаны монбланы литературы. Когда-то очень давно молоденькая девчонка влюбилась в мужчину старше себя, приняла влюбленность за любовь. Но она ни о чем не жалеет. Сердечное помешательство — самое лучшее, что может быть на свете. Но ей уже не 28, и она отдает себе отчет в том, что это больше, чем просто влюбленность. И это серьезно. Только вот что теперь делать дальше? Оставить все как есть — уже невозможно. А иначе как? Оба они не свободны.

Почему-то вспомнилось, как Канделаки однажды чисто интуитивно приревновал ее к Кремеру. Во время съемок фильма «Эксперимент» Кремер пару раз заходил к ним домой. В один из таких визитов ее помощница по хозяйству — добрый ангел Манечка приготовила любимый суп Владимира Аркадьевича — грибной кулеш. И подала к столу. Как раз в это время домой из театра вернулся муж.

— Владимир Аркадьевич! Вы как раз к обеду. Садитесь.

— Не хочу! — Муж был явно не в духе. Едва кивнув Кремеру, он скрылся в своей комнате.

За столом она пыталась разрядить обстановку. А сама никак не могла понять, что послужило причиной недовольства мужа. Что-то в театре? Или же присутствие за столом Кремера? Второе — глупо — они же знакомы еще со времен работы Анатолия Львовича в Театре оперетты.

Ответ на так и не заданный вопрос она получит в тот момент, когда вернется домой после того как в ресторане будет отмечать окончание работы над фильмом.

— Ты помнишь, когда у нас Кремер был в гостях?

— Да.

— Так вот, как только я увидел, что он сидит за столом и ест МОЙ грибной кулеш, сразу все про вас понял...

— По-твоему, я должна была оставить человека без обеда? — Она попыталась все свести к шутке. Но муж шутить не был расположен. — Володя, что ты понял? Зачем ты меня оскорбляешь своими подозрениями?

Пройдет какое-то время, и она узнает, что перед той поездкой супруга Кремера Роза Давыдовна почему-то сказала ему: «Ты домой не вернешься».

Но это будет потом, а тогда, увидев ее в аэропорту, она обратила внимание на то, что женщина не очень хорошо выглядит. И даже сказала Кремеру: «У Розы что-то случилось».

Они разъехались по своим домам. А на следующий день в ее квартире раздался телефонный звонок. Она почему-то сразу поняла, что это Анатолий Львович. С тех пор они встречались почти каждый день. Однажды она, садясь в машину, не выдержала и, звонко рассмеявшись, произнесла: «Смешно! Ведь не девочка уже, а бегаю на свиданку!»

Она решила раньше Кремера. Владимир Аркадьевич улетел в Хабаровск ставить спектакль в местном музыкальном театре. «Это судьба!» — почему-то промелькнуло в ее голове. Уйти именно сейчас, когда муж в длительной командировке. Так она сможет избежать выяснения отношений, ненужных объяснений. Ведь и так все давным-давно ясно. Любовь прошла, и живут они вместе скорее по привычке. В один из дней, оставив мужу записку, она собрала кое-какие свои «тряпочки» и ушла из дома на Котельнической набережной. Единственное, что она взяла, — рояль, и то только потому, что подруга буквально заставила ее это сделать. Какое-то время она жила у актрисы Театра оперетты Татьяны Саниной, а потом, сняв крохотную квартирку на первом этаже в районе Бескудниково, переехала туда.

Юридически разводиться с Канделаки ей было не надо — когда Владимир Аркадьевич предложил официально оформить отношения, она отказалась. Зачем? И так все знают, что они муж и жена. Наверное, если бы были дети, тогда имело бы смысл оформлять отношения, но детей у них с Канделаки не было.

У Кремера все было иначе. Расходился он долго и мучительно. Ему приходилось резать по живому. Уходил из дома к ней, потом через какое-то время возвращался вновь в ту семью. «Я не знаю, что мне делать, — сказал он ей однажды. — Я люблю тебя и люблю Розу». Одно дело уходить от женщины, которую хоть в чем-то можно упрекнуть, и совсем другое дело — от жены, к которой нет ни одной претензии. Она все знала. Ни в чем не упрекала, ничего не требовала. Лишь однажды не выдержала и

разрыдалась в машине. Они возвращались из дома отдыха, где вместе провели несколько дней. Чтобы уехать с ней, Кремеру пришлось придумать историю, что он уезжает в Ленинград на переговоры с режиссером Театра имени Ленсовета Игорем Владимировым. Роза поехала провожать его на вокзал. Ему пришлось сесть в поезд Москва — Ленинград. Сойдя на первой же станции, где останавливался скорый, он вернулся в Москву, приехал в Бескудниково, где оставил свою машину (дома сказал, что она в ремонте), и на ней они уехали в дом отдыха.

На обратном пути, уже подъезжая к дому в Бескудниково, он произнес:
— Сейчас завезу твои вещи и поеду домой.

И вот тут она не выдержала. В тот момент ей показалось, что о спектакле под названием «Кремер уходит к Шмыге» знает если не вся театральная Москва, то половина уж точно. И виновата во всем только она. Ведь женщину, которая уводит мужа из семьи, иначе как разлучницей не называют. Как объяснить всем «доброжелателям», что она никого и никуда не уводила?

И вновь ей вспомнилась та самая воронка, которая однажды чуть не лишила ее жизни. В ту ночь она должна была принять решение. А чтобы его принять, ей пришлось опять глубоко вдохнуть, нырнуть и... резко в сторону.

«Если ты любишь что-то — отпусти. Если оно твое — оно вернется» — эти слова Маркеса стали для нее своего рода молитвой.

Утром она собралась и поехала на репетицию. Решение было принято. В служебный вход Театра оперетты вошла уже совсем иная Татьяна Шмыга, нежели та, что сидела вечером в машине. Прямая спина, звонкий голос и привычный стук каблучков по лестнице. И лишь немногие смогли увидеть, как изменился взгляд чуть раскосых глаз.

«Доброжелатели» попытались рассказать, что вернувшийся из командировки Канделаки воспринял ее побег в штыки. Она тут же пресекла все разговоры на эту тему. На чужой роток не накинешь платок, понятно, что ее уход от Владимира Аркадьевича еще долго будет обсуждаться и в театре, и за его пределами. Но без ее участия.

...Она собиралась на спектакль, когда в дверь позвонили. Почему-то, даже не спросив «кто», открыла ее. На пороге стоял Кремер — похудевший и осунувшийся.

— У тебя спектакль? — только и спросил он.

Она кивнула.

— Я отвезу тебя и, если позволишь, останусь посмотреть. Вечером

привезу тебя домой и, если позволишь... останусь с тобой.

Вечером за ужином она узнала, что Роза заболела и Кремер ухаживал за ней. И только когда она выздоровела, сказал ей о том, что уходит из семьи. В свадебное путешествие, хотя свадьбы как таковой и не было, они уехали в Германию. За месяц Кремер написал партитуру спектакля «Эспаньола», и это стало не только началом их совместной работы, но и самым лучшим подарком, который только может получить актриса. А сам спектакль был ее самым любимым. Когда его сняли с репертуара, она сказала: «Больше такого не будет ни в театре, ни у меня в жизни».

Спектакль «Эспаньола, или Лопе де Вега подкасал» взорвал театральную Москву и совершил, как это ни высокопарно прозвучит, своеобразную революцию в Московском театре оперетты, где были свои правила и устои. Это не было ни опереттой, ни мюзиклом, хотя она так и не могла понять, в чем же отличие между этими двумя названиями. Ведь суть-то остается прежней. «Эспаньола» стала музыкальным спектаклем. И такого еще не видели.

Сейчас даже смешно вспоминать: именно то, что «Эспаньола» не имеет никакого отношения ни к оперетте со сложившимися вековыми традициями, ни к самому театру, у которого тоже есть свои традиции, стало главным обвинением в адрес создателей спектакля.

Обвинителями выступали члены художественного совета, которым сдавали спектакль. Словно кто-то дал команду «фас», и... коллеги вдруг отчетливо напомнили ей свору собак, которым нужно было просто облаять. Сколько лет она работает в театре, сколько раз сдавала спектакли художественному совету, сколько раз сама принимала участие в различных худсоветах, но такого не могла припомнить. Аргументов, кроме как «это не оперетта», не выдвигалось. «Это позор для театра! Жаль хороших артистов, ввязавшихся в столь сомнительную авантюру!» Досталось всем. Но больше всего Кремеру — суть перемывания ему косточек сводилась к следующему: как он, «мальчишка», посмел замахнуться на святое! Как смел поломать традиции! Его — а ведь он был не только соавтором, но и музыкальным руководителем постановки — готовы были разорвать на части.

Секретарь партбюро театра, балерина, произнесла: «Я прослушала весь спектакль и не запомнила ни одной мелодии». Аргумент в ее понимании просто убийственный. И вот тут уже Кремер не выдержал. «Может быть, все дело в вашей музыкальной памяти, — вкрадчиво произнес он, — а вовсе не в музыке».

Если бы не присутствие нового главного режиссера, кто знает, до чего

могли бы договориться. Не исключено, что получилось бы, как в ссоре Фаины Раневской и Юрия Завадского.

Фаина Георгиевна никак не могла принять режиссерскую трактовку образа, в котором ей предстояло выходить на сцену. Когда споры становились жаркими, она начинала «огрызаться» — кто-кто, а уж Завадский прекрасно знал о ее остром язычке. И однажды, когда в очередной раз перепалка дошла до точки кипения, он, не выдержав, указал пальцем на кулису и рыкнул на актрису: «Вон из театра!» Раневская не была бы Раневской, если бы молча выполнила его указание.

Спустившись со сцены в зрительный зал, она подошла к двери, ведущей в фойе театра, распахнула ее и, показав указательным пальцем в открытое пространство, грозно произнесла: «Вон из искусства!»

Но то Раневская с Завадским — два кита, они имели право. А здесь-то судьи кто?

— Мне многое понравилось, — начал только что назначенный главный режиссер Юрий Петров. — Понравилась музыка. Как можно вот так сразу бросить такую работу? Я готов помочь довести ее до конца.

Члены худсовета притихли, спорить с главным режиссером — себе дороже.

Публике решено было показать новую работу 30 апреля 1977 года. Днем. Вместо объявленного ранее спектакля. Кто же знал, что «Эспаньола» произведет эффект разорвавшейся бомбы. Они с трудом смогли открыть дверь служебного входа — на улице их ждала толпа. Она, казалось бы, за долгие годы работы в театре уже привыкла к стоявшим возле входа поклонникам, но в тот день у нее создалось впечатление, что улицу перед театром заполнили все зрители, сидящие в зале. «Браво, Шмыга!» — слышала она со всех сторон. К ней отовсюду тянулись руки с букетами, люди говорили слова благодарности, она расписывалась на билетах, программках... совсем другого спектакля.

В тот момент она отчетливо поняла — они победили! Юрий Ершов, Алексей Николаев, Анатолий Кремер, Юрий Веденеев, Герард Васильев, Инара Гулиева... Все, кто работал над этим спектаклем.

К машине они с Кремером пробирались долго и с большим трудом. Шедшая рядом Татьяна Санина говорила: «Тяпа! Я никогда не плакала в нашем театре. А тут не смогла сдержаться. Такого у нас еще не было!» Праздновать свою победу они поехали к ней на дачу.

Официальная премьера состоялась 7 июня. Видимо, у этого спектакля была такая судьба — пробиваться через тернии. Поначалу она ничего не могла понять. На сцену вышел Юрий Веденеев, проговорил положенные по

роли слова, а вот что произошло дальше, могло присниться только в самом страшном сне. Ариозо он не поет, а проговаривает... Кремер за пультом — в шоке, она с партнершей Инарой Гулиевой — близки к обмороку. Ведь дальше по ходу спектакля у них большой номер — терцет двух сопрано и баритона. И только Веденеев не потерял самообладания. Так и проговорил свою роль до самого конца. А ведь другой мог бы и отказаться в такой ситуации от выхода на сцену. Может быть, от волнения, а может, от чего-то другого у него пропал голос. Не зря ведь говорят, что самый капризный инструмент — собственный голос. Скрипку, рояль и другие музыкальные инструменты можно настроить. А как настроить голос? Вот и получается, что вся жизнь актера, который связан с музыкой, зависит от двух тоненьких связочек. И как они поведут себя в определенной ситуации, не известно.

Она это знает по себе и всегда опасается за связки. И бережет горло.

Пройдет много лет, и в одном из интервью она вновь приоткроет завесу своей женской жизни. «Владимир Аркадьевич сделал из меня актрису, а с Анатолием Львовичем я почувствовала себя женщиной, — произнесет она и смущенно улыбнется. И, так же смущаясь, добавит: — Я знаю, что без этого человека не могу жить, и он не может. Думаю, это и есть моя вторая половинка, которую я искала до сорока с лишним лет. Мне кажется, что этот брак сделал меня настоящей женщиной... И только с Кремером я почувствовала себя защищенной».

Она окунулась в этот сладкий, доселе неизвестный ей омут с головой. Раньше она только слышала о том, что любовь окрыляет. А теперь испытала подобное на себе. Иногда сама себя спрашивала, а что же она испытывала к Канделаки, к Борецкому. И сама же отвечала — тоже любовь. Ведь иначе она не связала бы с предыдущими мужьями свою жизнь.

Но любовь в юности и в зрелости — не одно и то же. Не зря же мудрые люди говорят, что любовь в зрелом возрасте — самое прекрасное, но и самое опасное, что может быть. И самое сильное чувство, которое только способен пережить человек. Потому что последнее — оно всегда сильное.

Она любит и любима. И это самое главное. А все остальное... Порой она ловила на себе косые взгляды, наверное, кто-то и осуждал ее, а кто-то и завидовал.

Однажды она услышит в театре: «За ней такие мужики готовы ухаживать, а она... Стоило уходить от Канделаки к этому...» Она слегка притормозит возле компании, поздоровается и побежит дальше. Но только

с того дня с человеком, который произнес эту фразу, она перестанет здороваться. Понимает, что это юношеский максимализм, но ничего с собой поделаться не может. Так уж ее воспитали родители.

В свою личную жизнь она практически никого не пускала, ревностно охраняя то, что принадлежит только ей. И мало кто знал, как порой ей становилось невыносимо больно и одиноко. Она не роптала. «Делай что должно, и будь что будет» — это тоже стало девизом ее жизни.

— Танька! — Одна из подруг буквально рвала и метала на ее крохотной кухоньке. — Ну что ты за дуреха такая! За свою любовь надо бороться. За мужика тоже надо бороться. Да поставь же ты ему ультиматум, наконец. Так и скажи — выбирай: либо она, либо я. Ну сколько же можно себя изводить? Ты же скоро в тень превратишься!

Она сидела напротив подруги и практически ничего не слышала из того, что ей говорят. Она разом ослепла и оглохла.

Откуда у нее появилась такая уверенность, что Кремер пришел к ней навсегда, она не могла объяснить. Но уверовала. Совершенно искренне. И ведь ничего не екнуло, когда он уехал на гастроли в Югославию.

Звонок телефона застал ее практически в дверях — вечером спектакль, а она привыкла приезжать в театр за несколько часов. Не торопясь распеться, «проверить» голос, не торопясь загримироваться. Пока доберешься из Бескудникова... В день спектакля она к телефону не подходила, а тут звонок был настолько настойчив, что все-таки решила снять трубку. «Может быть, Толя, — промелькнуло в голове, — он же сегодня прилетает».

Интуиция не обманула. На том конце провода был ее муж. Голос показался глухим и чем-то то ли расстроенным, то ли озабоченным. Она «отчиталась» на тот случай, если он захочет перекусить без нее. Она будет вечером, у нее спектакль. То, что услышала в ответ, не умещалось в ее голове. Кремер сказал, что едет к Розе. «Я должен поехать». Единственное, что выдавила из себя, было: «Спасибо, что позвонил». И положила трубку. Тупо посмотрела в окно. Ей показалось, что идет дождь. Все правильно — октябрь на дворе, самое начало. Осень. В ее жизни в первую очередь.

Позвонила подруге на работу: «Сможешь сегодня вечером прийти ко мне на спектакль?»

— Таня! — Подруга возникла на пороге гримерной после спектакля. — Что с тобой? Что-то случилось?

— А что? — Она сделала вид, что тщательно снимает грим. — Я плохо сыграла?

— Значит, так: пока ты будешь работать звездой, принимая букеты и раздавая автографы, я поймаю машину и отвезу тебя домой.

— А без звезды никак нельзя обойтись?

— Разозлилась? Вот и хорошо.

И уже дома на кухне:

— Та-а-а-ня! — Голос прорывался словно сквозь вату. — Ты слышишь меня?

— Да, слышу. У меня скоро премьера. Придешь посмотреть на Шмыгу с револьвером?

Подруга поняла, что несколько переборщила. Личная жизнь — на то она и личная. И посторонним, пусть даже дружба длится десятилетиями, туда вход воспрещен.

— Справишься?

— С револьвером?

— Ну и с ним до кучи...

— Все будет хорошо! Будем жить!

С некоторых пор эти слова станут для нее своего рода молитвой. Она считала, что надо говорить именно так. Даже если ты сама себя обманываешь, не важно. Все будет хорошо, и точка.

Ей ничего не стоило взять больничный лист. Просто прийти в поликлинику и сказать, что «голос не звучит». И ни один врач не взял бы на себя смелость нести за нее ответственность. А вдруг сорвет голос, и что тогда? Все просто: она возьмет больничный, а Любовь Яровую на премьеру сыграет другая актриса.

— Ну что, Татьяна Ивановна? — спросила она свое отражение в зеркале. — Струсим и возьмем больничный? Будем себя жалеть и упиваться собственным горем, благо на Яровую назначена не ты одна и тебя есть кому заменить? А вот и фигурки!

В зеркале отразилась комбинация из трех пальцев. И через секунду большой палец правой руки был поднят вверх.

— Вот так-то лучше! — рассмеялась она своим жестам. — Играем, Татьяна Ивановна!

Пройдет много лет, и на своем юбилейном вечере в январе 2009 года, преодолевая боль, она будет петь и танцевать номер из спектакля «Джулия Ламберт». И в самом финале, допев: «Когда мне стукнет шестьдесят, я буду выглядеть на сорок», поднимет большой палец правой руки вверх. Зал замрет, а потом взорвется громом аплодисментов. Выходя на сцену в роли Джулии, она иногда делала именно так. Но то по роли... Сегодня же

подняла большой палец сама для себя — несмотря на чудовищную боль в ноге, она смогла сделать номер!

В финале же творческого вечера, когда все страхи, боли остались позади — вот и не верьте после этого тем, кто утверждает, что сцена лечит, она знает это по себе, — благодаря всех, кто пришел на этот вечер, кто выступал на нем, она произнесла: «А труппа! Посмотрите, какая у нас замечательная труппа. А кто-то еще говорит, что оперетта умирает. Да никогда этого не будет. Вот как я сказала так, — и она вновь подняла большой палец вверх, — и сделаю теперь вот так!» Зал грохнул от ее комбинации из трех пальцев.

Она сегодня — победительница и имеет право чуточку похулиганить на сцене. Не по роли, а от себя лично. Ох, видимо, не зря «ее любимый Кремер» называет ее хулиганкой. Сидит в ней, сидит частица черта.

Но это все будет потом. А тогда...

Она вышла на сцену в роли Любви Яровой. Вспомнилось: когда ее назначили на эту роль, сказать, что она удивилась, — значит не сказать ничего. Ну никак не видела себя страстной революционеркой. Думала, что будет играть Панову. Она ей ближе. И даже сказала об этом главному режиссеру театра Юрию Петрову — это была его первая постановка после назначения на пост.

— Юрий Александрович! Я — и революционерка?

— А что вас смущает, Татьяна Ивановна?

— Но я... — она замялась, подбирая слова. — Но я... Я никогда не смогу убить человека.

— А никого убивать и не придется. Михаил Яровой в нашей постановке сам застрелится... Вас только это смущает?

Смущало ее и многое другое. Но... Роли ведь не выбирают, на них назначают.

А в процессе репетиций поняла, насколько был прав Петров. Роль легла ей на душу. Пусть в пьесе ее героиня чуточку другая, но ведь она ее видит именно так: да, она полна героического пафоса, но при этом обаятельная, сердечная, трепетная и предельно искренняя.

И вот — сцена с Яровым.

Я об одном прошу — забудь, что было,

Забудь, что ты любил и я любила.

Забудь во имя той прекрасной песни,

Что пели мы с тобой когда-то вместе.
Забудь, как мы с тобой бродили молча,
Забудь, что я тебе шептала ночью,
Забудь мои слова и даже имя,
С которым ты по жизни шел.

Я говорю — забудь. Я говорю — забудь,
Нет у тебя от счастья пути,
Есть у меня мой путь.
Наши пути разошлись вновь,
Они разошлись в решающий час.
Твой затерялся в крапиве глухой...
Мой — там, где вечный бой.

Об одном прошу — уйди навеки,
Как иногда в песок уходят реки.
И не забудь — сожги мои все письма,
Как солнце в сентябре сжигает листья.
Пускай слова горят, как сто рассветов,
Ты пепел поутру развей по ветру,
Пускай сторят слова «родной», «любимый»,
Которыми звала тебя.

Господи, да у нее слезы по щекам. Стоп, мысленно остановила она себя, нельзя путать сцену и жизнь. Да, это поет она — Татьяна Шмыга, но от лица своей героини. А разве Яровая не женщина, разве она не имеет права на слезы? Любовь была во все времена, и какая разница, когда ты ее теряешь — в революцию или в наше время...

...Первым, кого она увидела в своей гримерной, был Кремер.

Он уйдет от нее еще один раз. Тогда она уже получит от театра квартиру на улице Горького, затеет там ремонт. За две недели, что ее любимый человек выхаживал свою бывшую жену, она чуть не сойдет с ума. Это был шок... Хотя все видела, все понимала. И что Толя сделал это не потому, что разлюбил ее, и что он переживает, мучается.

Но ничего с собой поделатать не могла. Страдала, мучилась, плакала. Возвращаясь вечером после спектакля, она видела стоящую во дворе его

машину. Подходила к ней, гладила верную коняшку по железному боку и плакала, плакала, плакала. «Тебя тоже бросили», — шептала она. Знала ведь, что не права, никто ее не бросал. Просто так сложились обстоятельства.

Пройдут годы, и она многое поймет. Сама она не из здоровых людей. А мужчины, как известно, не любят, когда их жены болеют. Ее муж оказался редким исключением из общего правила. С ним она перестала бояться болеть.

— Таня! Татьяна Ивановна! — Эта сцена у служебного входа театра повторялась после каждого спектакля, в котором они были заняты вместе. — Садись в машину, поехали домой.

— Толюнь! Я не могу, я же должна с людьми поговорить.

— Ты уже обо всем поговорила, тебя не увезти, так ты до утра простоишь! — Муж честно пытался сделать свой голос строгим.

Так было всегда, так есть и так будет — уже которое по счету поколение поклонников стоит возле служебного входа. Любовь к его единственной королеве передается из поколения в поколение. Только ведь, если ее вовремя не увезти домой, она действительно проговорит с ними до утра. И неважно, какое на улице время года — весна, осень, зима, лето... Наконец его королева усаживается в машину.

— Толюнь! Езжай только помедленнее, а то неудобно.

...Премьера «Перекрестка» состоялась 4 ноября 2005 года на сцене Театра имени М. Н. Ермоловой.

Тот спектакль она почти не помнит. Все происходило точно в тумане. Так бывает во время болезни, когда температура зашкаливает и все плывет перед глазами. Ноги ватные, хорошо, что хоть по мизансценам она иногда присаживалась в кресло. Если бы не чуткое партнерство Владимира Андреева, неизвестно, что могло бы случиться. Он-то и взвалил на свои плечи ее дебют на драматической сцене. В какие-то моменты буквально за руку водил по сцене и львиную долю ее текста произносил сам. «Это провал», — единственное, что пронеслось в голове. На поклонах ей показалось, что на какой-то момент она потеряла сознание, мужа своего с трудом узнала, что уж говорить о поклонниках. А придя в себя, вдруг обнаружила, что стоит на сцене. «Шмыга! Шмыга! Шмыга!» — скандировал зал. Чтобы не упасть, она крепко сжала руку своего партнера по спектаклю. Да так, что кольца впились в пальцы.

— Танечка! — услышала она шепот Андреева. — Все позади! С

премьерой!

Эй красотка, что ты тянешь? Почему не скажешь да?
Неужели ты не знаешь, что любовь не в силах ждать? —

запел он на ее юбилее.

И в проигрыше зал вдруг услышал: «На подтанцовках у меня сама Татьяна Шмыга!»

А ведь этого юбилейного вечера могло и не быть. Нога болела нестерпимо, она с трудом не только поднималась и спускалась по лестнице, а просто ходила. Это она — кто до недавнего времени и ходить-то не умела, потому что все время бегала.

И по лестницам в первую очередь. В театре, перепрыгивая через три ступеньки, думала про себя: «Ребята скажут — бабушка с ума сошла!» Дома умудрялась сшибать все углы и лишь звонко хохотала в ответ на вопрос мужа: «Ты когда-нибудь вступишь в собственную квартиру?»

Ноги... ее ноги, которые сводили с ума миллионы поклонников самых разных поколений, вдруг перестали ее слушаться.

Почему-то вспомнился один эпизод. Она тогда только пришла в театр. И вышла на прославленную сцену в роли Берты — одной из служанок кабачка «Седьмое небо» в оперетте «Вольный ветер». По сюжету ее героиня танцевала на столе. До сих пор помнит она то свое полуобморочное состояние. Антракт.

— Чьи это там такие хорошенькие ножки мелькали? — вдруг услышала она.

К актерам подходил Георгий Самойлович Фукс-Мартин — прекрасный дирижер и большой ценитель женской красоты.

— Где, Георгий Самойлович? — актеры, едва сдерживающие смех, сделали вид, что не поняли...

— Как — где? На столе конечно же...

— Это же наша Танечка Шмыга...

Сама же Танечка Шмыга в тот момент, забившись в какой-то угол, чуть ли не плакала. И сама себя успокаивала: «Значит, что-то во мне все-таки есть... хотя бы ноги...» Ей и в голову в тот момент не могло прийти, что на протяжении долгих лет ее жизни на этой сцене ее стройные ноги будут сводить с ума миллионы почитателей. Что чуть ли не с балконов будут

падать во время исполнения знаменитой «Карамболины», пытаюсь лучше рассмотреть искрометный канкан и неповторимую «шмыговскую» проходку ее Нинон. Да что говорить о простых зрителях, если ее родители, заглядевшись на ножки, не сразу узнали свою дочь на сцене.

В апреле 1959 года состоялась премьера оперетты эстонского композитора Бориса Кырвера «Только мечта». Риза Осиповна праздновала свою маленькую победу. Наконец-то ей удалось «раздеть» застенчивую Шмыгу. Она нарядила ее героиню — красотку Долли — в купальник серебристого цвета. Правда, упрямица Танечка «выторговала» себе еще и длинную юбку такого же цвета. В одной из мизансцен она, спускаясь по лестнице, на самой середине сбрасывает с себя юбку.

— Танечка! Такую красоту грех прятать. Не торопитесь. Дайте зрителям возможность полюбоваться на такие стройные ножки. Это же оперетта!

На прогонах в костюмах она, спускаясь по лестнице, то краснела, то бледнела. И никак у нее не получалось сбросить юбку так, как требовалось по роли.

В глубине души тешила себя надеждой: может, ее снимут с этой роли. Но Галина Шаховская и Владимир Канделаки и не думали делать этого. Частенько она слышала смех за режиссерским столиком, где они сидели.

— Шмыга! — отсмеявшись, «грозно» произносил Канделаки. — Еще раз!

Тогда они уже были мужем и женой.

И вот однажды, вновь спустившись по лестнице и опять не так сбросив юбку, она услышала окрик Канделаки:

— Стоп! Принесите мне какую-нибудь длинную тряпку.

Костюмеры бросились врассыпную.

— Шмыга! В зал!

Ни жива ни мертва она спустилась со сцены.

— Ближе, бандерлоги, ближе... — Глаза у него смеялись. — А теперь, девочка, смотрите, как примадонна должна сбрасывать юбку!

И через мгновение он сам спускался с лестницы. А на середине, остановившись, так эффектно сбросил с себя тряпку, в которую его завернули костюмеры, что все легли от хохота.

Но Канделаки не был бы Канделаки, если бы не довел свою партию до конца.

— Шмыга! — вновь услышала она. — Я конечно же могу показать еще и свои «стройные ноги»...

— Володя, — плакала она дома, — ну зачем ты так со мной? Что я тебе плохого сделала? Не могу я опускаться до такой гривуазности.

— Глупенькая! У тебя никогда этого и не получится. Ты совсем другая. Танечка! Это же оперетта, в которой, как правило, глубокие декольте, открытые руки, оголенные спины. Оперетта — это канкан, исполняя который актрисы показывают свои ноги. А вот как они их покажут, это уже дело вкуса каждой. Если у актрисы есть вкус, даже в самой пошлейшей оперетте она никогда не будет выглядеть гривуазно. Если к стройным ножкам прилагается еще и ум, то все будет в порядке. А ты у меня девочка умная. И талантливая. Не бойся. В твоём исполнении нет ни грамма пошлости.

— Я не буду это играть.

— Нет, ты будешь играть. Это я сказал.

На премьеру дочери пришли родители. Во время ее спуска по лестнице мама сказала папе: «Жанчик! Посмотри, как красиво. И до чего же хорошенькие ножки у девочки!» А потом, присмотревшись к девочке и узнав в ней свою дочь, мама тут же воскликнула: «Боже мой, это же наша Танька. Какой ужас!» — «Зишенька, — папа всегда так ласково называл свою жену, — ты бы уже определилась и выбрала бы что-нибудь одно. Либо красиво, либо ужас!»

«Только мечта» мелькнула в афише, а потом бесследно исчезла. И лишь завсегдатаи театра еще на протяжении многих лет с удовольствием вспоминали «хорошенькие ножки Шмыги».

Беда с сосудами. Беда с ногами. Она, не любившая жаловаться на плохое самочувствие, нет-нет да и признавалась самым близким на репетициях своего творческого вечера, что она не может понять, что с ней происходит. То дома упадет, то на улице. Вдруг перестает чувствовать ногу, и она помимо ее воли подворачивается. Так ведь и разбиться можно...

Потом, увидев испуганное лицо собеседника, замолкала на какое-то время, а потом смущенно улыбалась:

— Я конечно же понимаю, что падения — моя вторая профессия... Побочная...

Она первая пыталась разрядить обстановку залиvistым смехом.

— Все будет хорошо! Будем жить!

И мысленно сама себя корила за то, что пугает людей. Ну зачем волновать самых близких?

Мало ли она падала в своей жизни?! Еще в юности, пройдя два тура в музыкальное училище, за день до третьего подвернула ногу, да так, что и

шагу ступить не могла. Студенткой музыкального училища при Московской консерватории она так и не стала. Судьба, сделав очередной виток, привела ее туда, где учились будущие актеры оперетты, — в Музыкально-театральное училище имени Глазунова.

Почему-то вспомнилась история с велосипедом. Сколько же лет ей тогда было? Пятьдесят? Пятьдесят пять? В общем, девушка уже не юная. В тот год они с Кремером купили велосипеды, отвезли их на дачу и благополучно отбыли на отдых в санаторий. Это отдельная история, связанная уже с ее мужем. Все дело в том, что как только они приезжали на отдых в санаторий ли, в дом отдыха — он на третий же день что-нибудь ломал себе. Тот год не стал исключением: он повредил сустав на колене. Боль адская, из дома отдыха к врачу не наездишься, пришлось возвращаться в Москву. Через какое-то время, когда чуть ли не ежедневное общение с медицинскими работниками прекратилось, решили поехать на дачу. Ну не сидеть же в городе, да еще летом.

— Тань, может, ты поездишь на велосипеде? — спросил он однажды.

— Не буду, не приставай ко мне с этим, — отмахивалась она.

— Почему?

— Не могу.

— В детстве же ездила?

— Да. Но я падала.

— Все время падала? — Кремер не отставал.

— Нет. Когда ровная дорога и сухая, я не падала.

В общем, муж уговорил. Села, поехала. И вдруг на дороге увидела маленькую лужицу и, вместо того чтобы объехать ее, почему-то проехала по ней. И упала.

Второй раз отправилась уже по другой стороне дорожки. И опять по пути попала лужица. И вновь падение.

Так продолжалось раза три или четыре. И почему-то всегда на ее пути встречалась какая-нибудь лужа, в которую она непременно падала.

Испугать ее чем-то было невозможно, единственное, кого она боялась, были мыши. Увидев даже самую крошечную полевку, она могла закричать и забиться в угол от страха.

Так что падения с велосипеда ее вовсе не испугали, просто разозлилась она на него сильно.

— Толюня, я больше не буду кататься.

— Почему?

— Ну сколько можно в моем возрасте валяться на дороге? — Чувства юмора ей было не занимать. — Я уж лучше за руль машины сяду!

Сказано — сделано. Окончила курсы вождения. Получила права и села за руль автомобиля. И до определенного времени получала удовольствие от вождения. Ездила быстро, иногда Кремер, сидя рядом с ней, не раз говорил: «Таня, не жми ты так сильно на педаль! Сбавь скорость! Не лихачь!»

А она как не умела медленно ходить, так и езду предпочитала быструю. Иногда нервы любимого мужа не выдерживали, и он пересаживался на заднее сиденье. А еще частенько подтрунивал над ней: «У нас две машины: одна для битья, другая для езды».

Первое ее «профессиональное» падение случилось летом 1956 года на летней эстраде ЦПКО им. Горького. После премьеры «Белой акации» наряду с песней об Одессе хитом, как бы сейчас сказали, стал номер Тони и влюбленных в нее Саши и Лёши. «Ты помнишь, как хотели 4 апреля в Театр оперетты мы пойти? В театр мы не попали, билетов не достали». И ответ ее Тоськи «Ах, Лёша, ах, Саша, я признаюсь вам, что тоже изнываю от любви». Их трио пользовалось невероятной популярностью, и через какое— то время уже ни один концерт не обходился без него.

В тот день, едва она с актерами вышла на эстраду, как пошел дождь. Но зрители и не собирались никуда расходиться. Ее мальчишки спели: «Ты помнишь, как хотели», она спела свое: «Ах, Лёша! Ах, Саша!», и они втроем начали танцевать. И вдруг она, поскользнувшись на уже намокшей от дождя дощатой площадке летней эстрады, мало того что упала прямо в лужу, так еще и проехала на животе вдоль всей сцены. Больше ни на одном из концертов этот номер столь оглушительного успеха не имел.

Однажды она не просто упала, а провалилась, причем в буквальном смысле этого слова. Это случилось на гастролях в Югославии, в Титограде (теперь это столица Черногории Подгорица), где на площади соорудили помост. Публика держалась настороженно-враждебно, и это понятно — ведь отношения СССР и Югославии были разорваны на много лет, а теперь с таким большим трудом восстанавливались. Она и ее партнер Николай Каширский исполняли номер из спектакля «Марица» — и вдруг во время танца под ней сломалось несколько досок. На глазах зрителей московская артистка провалилась в яму и застряла в ней.

«Ну, думаю, калека на всю жизнь, — хохотала она, вспоминая этот эпизод. — А Коля Каширский не сразу заметил, что со мной случилось. Он продолжал танцевать. И вот повернулся, увидел меня в провале — и на секунду остолбенел. Потом сказал зрителям: «Пардон!» Вытащил меня за руку, отряхнул — и мы дотанцевали номер под гром оваций. Концерт был спасен».

Умение относиться к определенным ситуациям, даже если они не

всегда приятные, с юмором — это характер.

Уж чего-чего, а падений и на сцене, и за кулисами ей хватало.

И чаще всего это почему-то случалось на «Катрин». Однажды упала в самом начале спектакля. Первый выход Катрин. По мизансцене она по лестнице спускается на сцену и начинает арию:

Не зря мы взяли в руки саблю и ружье,
Саблю и ружье, саблю и ружье.
Должны очистить мы от нечисти жильё,
Старое жильё свое!

Спектакль идет уже много лет и, что вполне естественно, по лестнице она спускается, глядя не под ноги — она уже каждую ступеньку знает наизусть, — а на своих партнеров, стоящих на сцене, и на зрителей.

Что случилось в тот день, она так и не поняла: то ли осветитель не вовремя свет направил и ослепил ее, то ли каблук зацепился за ступеньку, а может, просто уже настроилась на арию — она всегда боялась, когда спектакль начинался с выходной арии, — и не заметила, что лестница еще не закончилась. В общем, она сделала шаг и не рассчитала. Думала, что уже сцена, а, как выяснилось, внизу была последняя ступенька. Оступившись, упала и подвернула ногу. Острая боль пронзила все тело. А ведь впереди ария, танец... Да и на сцене ей еще долго предстоит быть. Но, видимо, так уж устроен актерский организм, что в тяжелые моменты мобилизует все свои силы. Да и сами актеры — не вполне нормальные люди: думают в первую очередь не о собственном здоровье, а о том, как они будут дальше играть, ведь зрители купили билеты и пришли на них посмотреть. Свои сцены она доиграла, и к моменту ухода за кулисы ей уже показалось, что боль утихла. Очутившись в гримерной, увидела, что колено в крови. И первое, о чем подумала, — разбитое в кровь колено могли увидеть зрители, ведь на ней белые чулки. Вызванный врач сделал «заморозку» и... предложил отменить спектакль. Но она не согласилась. Хотя с трудом понимала, как она с такой болью будет танцевать фрикасе, — танец сложен по технике исполнения и со здоровой ногой, а с больной...

И вот финал первого действия.

— Мне страшно, — говорит Лефевр. — Я боюсь за тебя, Катрин!

— Побеспокойся лучше об императоре!

Развернувшись, она тихо произнесла: «Господи, пронеси!» — и походкой вразвалочку — прачка же! — пошла к лестнице. «Господи!

Только бы подняться!»

А за кулисами едва сознание не потеряла от боли. Антракт задержали, дали ей возможность чуть дольше отлежаться в гримерной.

Как она доиграла спектакль — помнит с трудом. Единственное, что осталось в памяти: как только выходила со сцены за кулисы, врач тут же начинал колдовать над ногой. И конечно же партнеры — ее замечательные партнеры — поддерживали как могли. Иногда в прямом смысле слова.

А Слава Богачев — он играл Наполеона — в одной из общих сцен, почувствовав, что она упала духом, шепнул ей: «Таня-Ваня! Ну ты даешь! Это ж надо, тринадцать лет играть спектакль и не запомнить, что ступенек двенадцать!» И увидел улыбку на ее лице. Сцена продолжалась:

— Что, я должна спокойно слушать, как сестры вашего величества оскорбляют армию? — возмущалась Шмыга — Катрин.

— Армию?

— Да-а! В моем лице!

Как-то в антракте побежала встречать своих друзей, которые должны были зайти к ней, и не заметила помост, который рабочие сцены еще не успели убрать. Ударилась она тогда очень сильно. Хорошо, что не разбилась, а ведь могло быть и такое. В тот момент она тоже в первую очередь подумала о том, что антракт скоро закончится и как же она будет играть второй акт. А вот о том, что у нее может быть повреждено лицо, сломана нога или рука, выбит зуб, — она подумала уже потом...

И еще одна мысль промелькнула в ее голове: «Пора бы тебе, Татьяна Ивановна, уже остепениться и перестать носиться как угорелая. Не девочка уже, а народная артистка СССР». А через секунду она уже и забыла об этом. Ну не может она иначе. После спектакля не входит, а буквально влетает в квартиру. Сумка летит в одну сторону, туфли — в другую, цветы — в третью. Кремер только успевает дойти по коридору до своего кабинета, а у нее уже стол накрыт к ужину, цветы расставлены по вазам. Привыкла все делать быстро. Ходить, готовить, убирать квартиру. «Опять на свое помело уселась!» — подшучивал над ней муж. И еще была у нее одна особенность: каждые два часа она наносила на ногти свежий лак — это дома, а в театре — перед началом спектакля и в каждом антракте. Все быстро и четко. Однажды молодая актриса увидела, как она в антракте, стоя возле гримерной и разговаривая с кем-то, наносит лак: в левой руке флакончик, в правой — кисточка.

— Татьяна Ивановна! — ахнула она. — Как вы так, «на весу», можете ногти красить?

В ответ лишь плечами пожала — привычка.

Она частенько удивляла молодежь. Почему-то вспомнилось, как однажды пришла в театр в короткой юбке. Мода переменчива. Было модно носить мини — с удовольствием носила, мода прошла — перестала. А когда вновь вернулась мода на короткое, почему-то решила, что уже не по возрасту. Одно дело на сцене — оперетта такой жанр, и совсем другое — в повседневной жизни.

И вдруг подруга как-то передала ей свой разговор с мужем. Тот спросил: «А почему Таня все время ноги закрывает? Они у нее некрасивые?»

Тогда, пригласив их в гости, она надела короткую юбку. Восторгу гостей не было предела.

А на следующий день пришла в театр.

— Татьяна Ивановна! — увидев ее, теперь уже ахнули молодые актеры и актрисы. — Почему вы так никогда не ходите? У вас такие красивые ноги!

Она лишь плечами пожала:

— Ну, ребята, мне как-то это в голову не приходило.

Ей повезло. Долгие годы с ней была Риза Осиповна Вейсенберг — потрясающий художник по костюмам. Каждый раз удивлялась, как малыми средствами ей удавалось достигнуть необходимого эффекта. Это сейчас богатый выбор всевозможных тканей: покупают и по три, и по четыре тысячи долларов. А раньше? Простая марля, дешевый шелк, который непременно мялся, иногда крепдешин. Недорогой материал так крахмалили, что казалось — платье сшито из органди. Из мехов был только кролик. Но этот самый обычный кролик в руках художника превращался в шикарный мех.

Женщины восторгались ее нарядами, копировали. И все без исключения были уверены в том, что она и в жизни ходит точно в таких же нарядах. И ошибались. Потому что...

Один из постулатов ее жизни: не моде надо подчиняться, а подчинить ее себе. И никогда не надевать то, в чем ей неудобно, даже если это модно. Как истинная женщина, она любит красиво одеваться, но никогда не наденет броскую вещь, которую так любят супермодницы, — стесняется. И почему-то считает, что не умеет это носить.

— Господи! — воскликнул однажды тогда еще начинающий модельер Вячеслав Зайцев. — Кому же, как не вам, все это носить?

— Славочка! — застенчиво улыбнулась она. — Я с удовольствием буду покупать у тебя концертные платья.

Но если от предложения модельера она могла отказаться, то спорить с художником по костюмам было весьма проблематично.

Риза Осиповна — женщина строгая и властная. Но с каким терпением она втолковывала начинающей актрисе, что в театре есть свои законы. А уж в оперетте тем более. Что нельзя выходить на сцену в парандже. Актриса должна уметь носить костюм, а она именно умеет. Поэтому стесняться нечего. Если есть вкус и чувство меры, значит, не страшен даже самый глубокий вырез.

Она всегда была придирчива к своим сценическим костюмам. Все правильно, ведь костюм — это неотъемлемая часть создания образа. Все играет огромную роль — как он на тебе сидит, как ты в нем себя чувствуешь, как выглядишь.

Но на примерках приходилось трудно. Выстаивала по пять-шесть часов. Все просчитывала до мелочей. Крутилась перед зеркалом, поворачиваясь в разные стороны, и смотрела, как спадает материал, не соберит ли где при том или ином движении.

Иногда молоденькие актрисы ее спрашивали: «Татьяна Ивановна, почему у вас такие красивые платья?!» Они, видимо, думали, что ей костюмы шьют не в театральной мастерской, а вне ее.

Приходилось давать «мастер-класс Татьяны Шмыги». Он очень прост. — Дочка моя, — смеясь, отвечала она. — Стоять надо. Не можешь?! Терпи. Выдерживай!

...Это произошло в Будапеште на гастролях. До спектакля оставалось ровно два дня. И за это время нужно было успеть сшить бархатное платье. Бархат был синтетическим. Она мужественно стояла по шесть — восемь часов на примерках, дышала той пылью, которая непременно бывает, когда кроишь синтетику, несмотря на аллергию, преследовавшую ее с двенадцати лет. Перед самым началом войны ее отца отправили в командировку в деревню Запутная Егорьевского района. В первые военные месяцы она наравне со взрослыми работала в местном колхозе. И вот там на молотилке от летящей от колосьев, соломы и зерен пыли она и «заработала» аллергию.

А в Будапеште к аллергии прибавился еще и страшнейший трахеит. Но несмотря ни на что, на сцену она вышла в новом платье и прекрасно сыграла спектакль.

«Это надо же, — шутили потом коллеги, — ради роли и красоты выстоять, надышаться пылью, получить «в награду» трахеит, но все равно выйти на сцену и петь. Нет, на это способна только Шмыга!»

И вдруг слегла. В самом прямом смысле этого слова. За три дня до творческого вечера. Она не то что ходить не могла, а даже просто встать на ногу. При малейшей попытке острая боль пронзала всю ногу — от пятки до бедра. Как она встанет на каблуки? Как будет танцевать? А вдруг упадет на сцене? Что делать? Отменять юбилейный вечер?

Нет. Надо во что бы то ни стало выйти на сцену. А там... пройдут все хвори. Ну что толку лежать в кровати, хандрить и только себя жалеть. Так можно и совсем раскиснуть. Она ведь совершенно не умеет болеть. Да и температуры у нее никогда не бывает, потому что ее температура — тридцать пять и три. Такая уж она холонокровная. Для всех людей тридцать шесть и шесть считается нормальной, а для нее — высокой. Сколько раз такое было: больная приезжает в театр, врач дает лекарство, и она выходит на сцену. И куда только все хвори деваются. Просто чудеса.

Ведь ее в этой жизни и держит то, что она должна выходить на сцену. Каждый раз, собираясь на спектакль, думает: «Господи, ну за что мне все это». Согласилась бы отдать что угодно, только бы не идти на спектакль. Но приходит в театр, в гримерной ставит на столик свою Чану — многолетний талисманчик, распевается, гримируется, одевается в костюм героини, выходит на сцену — и внутри словно моторчик начинает какой-то работать. После спектакля ее трудно узнать, домой возвращается совершенно иным человеком, другой женщиной. Кремер считает, что ей нужно играть каждый день.

Сцена — единственное, что у нее есть. Не случайно ведь одна из ее героинь пела: «Театр — мой дом!» Уж сколько лет прошло с тех пор, как спектакль сняли с репертуара, а она до сих пор с удовольствием исполняет финал «Джулии». Зрители плачут. Плачут вместе с ней и актеры, выходящие в этот момент на сцену.

Значит, завтра все заново. Сначала. С нуля...

— Татьяна Ивановна! Вы выглядите на все сто! — Сколько раз слышала это на репетициях своего творческого вечера, а все равно чуть не прыснула от смеха.

«Ну сейчас я вам покажу, на сколько выгляжу!» — промелькнуло в голове.

Когда мне стукнет шестьдесят,
Я буду выглядеть на сорок!
Когда мне стукнет шестьдесят?

О, это будет так не скоро!

И неожиданно даже для себя самой в момент исполнения арии Джулии Ламберт начала танцевать. Откуда только силы взялись? И лишь закончив и подняв в конце большой палец правой руки вверх, увидела в оркестровой яме побледневшее лицо «своего любимого Кремера».

Сейчас уже и не вспомнить, с чьей легкой руки друзья и знакомые стали называть их Бим и Бом. Потому что практически всегда вместе. На время их разлучали лишь спектакли — жена выходила на сцену Театра оперетты, муж дирижировал в Театре сатиры. Они с благодарностью это приняли. А между собой называли друг друга «Бимочка» и «Бомочка».

Летом 1986 года она была на гастролях с оркестром легкой музыки МГУ под руководством Кремера в Днепропетровске. В тот вечер они только вошли в служебный вход театра, как зазвонил телефон. Почему именно в тот момент она вздрогнула, до сих пор не может понять. Мало ли сколько звонков раздается в театре. Но услышав именно тот, она вздрогнула и внутренне сжалась. В голове промелькнула только одна мысль: «Так может звонить БЕДА».

— Анатолий Львович! Это вас! — администратор протянула трубку Кремеру.

— Что случилось? — Она слышала лишь то, что говорит муж. — За что? Через день я буду в Москве, — сказал он и положил трубку. Лицо его посерело.

— Толюня, что случилось? — Это уже в гримерной.

Молчание. Она понимала, что он не хочет расстраивать ее перед концертом.

— Толя, я не отстану, пока не получу ответ. Ты меня знаешь.

Молчание.

— Роза звонила?

— Танечка! Давай поговорим после концерта.

— Хорошо, — вдруг покорно согласилась она и... развернувшись на каблуках, пошла из гримерной.

— Ты куда?

— Розе звонить! Пока ты будешь собираться с мыслями — расстраивать меня перед концертом или после, я сама все узнаю. — И повернувшись к нему уже в дверях, произнесла: — Да... в Москву мы улетаем ближайшим рейсом.

— Но завтра же последний концерт.
— Значит, я заболела. И концерт отменяют «в связи с болезнью народной артистки СССР Татьяны Шмыги». Так что случилось, Толя?
— Игорь в Матросской Тишине.
— За что?
— Нетрудовые доходы.
— Та-а-к, — протянула она задумчиво. — Все понятно: лес рубят — щепки летят. Все, Толюня, иди, готовься к концерту.
— А ты?
— А что я? Я пошла распеваться.
— Танечка, — он зашел к ней в антракте в гримерную, — ты как?
— Все нормально! — докрасив ноготь, она подняла глаза и поймала его взгляд в зеркале. — Чемоданы я уже собрала, — она кивнула головой в угол комнаты. — Билеты, надеюсь, скоро принесут, а нет — так улетим. После концерта мы сразу уезжаем в аэропорт. Все, Толюня, через пять минут я буду готова.

Не зря ее Катрин поет: «Для нас вдвоем беда — не беда».

Муж уже в который раз поразился выдержке своей любимой жены: в тяжелые моменты, когда большинство женщин бились бы в истерике, его Бимочка собирается с мыслями и силами и действует. Плакать она будет потом.

Приземлившись в аэропорту Москвы, они, не заезжая домой, поехали к Розе Давыдовне. То, что они услышали, казалось полным бредом. При обыске в квартире Игоря, ее сына (в то время он был начальником производства автосервиса в Люблино), среди вещей была найдена «толстая цепочка из желтого металла» — так было записано в протоколе обыска. Вот она-то и стала главным «свидетелем обвинения» по статье 153 УК РСФСР. «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество».

— Так, мне все понятно! — Она взяла бразды правления в свои руки. — Надо было кого-то посадить, арестовали Игоря. Никто не собирается доказывать, что это ошибка. У НИХ ошибок быть не должно.

— Таня, подожди, это все слова, надо же что-то делать... — Она поняла, что Кремер тоже растерялся.

— Толюня! — ласково промурлыкала она. — Ты великолепный дирижер, — так разговаривают с маленьким ребенком, который вот-вот расплачется. — Но здесь позволь уж дирижировать мне.

— Роза Давыдовна! Вы — врач от Бога. Но завтра вы вспомните, что ваши пациенты не просто пациенты, а люди с большими связями.

— Танечка! — плакала бывшая жена ее мужа. — Но ведь Игорь же ни в чем не виноват!

— Да. Но только доказывать это придется НАМ. Поэтому вы поднимаете в ружье всех своих пациентов, я — поклонников — у кого-то обязательно найдется хороший адвокат, и не один.

— А мне кого поднимать в ружье? — Кремер попытался улыбнуться. — Своих музыкантов?

— А ты, Толюня, завтра же пойдешь в районную прокуратуру и попытаешься у прокурора выяснить, в чем конкретно виноват твой сын.

...От прокурора Кремер пришел ни с чем. Она узнала об этом за ужином.

— Я этой тупой скотине так и сказал: «Буду искать правду не у вас».

— А она?

— Откуда ты знаешь, что прокурор — баба? — изумился Кремер.

— Ничего я не знаю. Сам же только что сказал «тупая скотина». Я только это имела в виду.

— Она попросила довести ее до дома.

— Надеюсь, хотя бы до метро ты ее все-таки довед. — И она рассмеялась. Знала, когда нужно разрядить обстановку.

Поход мужа к старшему следователю по особо важным делам Московской городской прокуратуры по фамилии Телушкин имел точно такой же результат.

— Что вы хотите? — задал он вопрос Кремеру.

— Хочу, чтобы невинный человек вышел на свободу и работал на благо Отечества.

— Но ведь его вина доказана...

Через какое-то время она поняла, что Игоря просто-напросто кто-то очень хочет засадить за решетку. Иначе как объяснить тот факт, что к нему даже не пускали адвокатов, явно придумывая отговорки — то в камере карантин, то вдруг Игорь сам заболел. Найденные зубры-адвокаты тщетно бились в закрытые двери.

И тогда она записалась на прием к главному прокурору города Москвы. Не принять народную артистку Советского Союза, лауреата Государственной премии РСФСР имени Глинки он не мог.

Стремительно пройдя к нему в кабинет, она даже не присела на предложенный стул, чем заставила прокурора встать из-за своего стола.

— Много времени я у вас не отниму. — Она протянула ему письмо. — Вот здесь все написано. Когда я смогу получить ответ?

— Татьяна Ивановна, дорогая! — Он не упустил возможности поиздеваться над известной актрисой. — Ну что же вы можете сказать? Вы же этого молодого человека узнали не так давно!

— Я вам не дорогая!

Глаза сверкнули из-под очков. Ох зря он ее разозлил.

— Да, вы правы, — она поправила их своим фирменным жестом, — не так давно. А вы еще позже. Так почему же вы полагаете, что истина у вас, а не у меня?

Она умела, и достаточно жестко, ставить людей на место. Профессия, должность и положение в обществе в данном случае ее не волновали. Хамить не надо. Это единственное, что она не прощала людям.

— Так когда я смогу получить ответ?

— Вам позвонят.

— Благодарю вас. Будьте здоровы! — И развернувшись на двенадцатисантиметровых каблуках, она так же стремительно, как и вошла, вышла из его кабинета.

То, что ей никогда не позвонят из этого места и она не получит ответа на письмо, она поняла сразу. Но тем не менее довела свою партию до конца.

Шли дни, проходили месяцы, а Игорь по-прежнему находился в Матросской Тишине. Роза превратилась в тень, да и на Кремера было страшно смотреть.

И опять она вспомнила ту самую воронку. У нее нет другого выхода, кроме как глубоко вдохнуть, нырнуть... и резко в сторону.

На следующее утро она набирала номер телефона.

— Кому ты так рано звонишь? — поинтересовался муж. Она лишь рукой махнула. Лицо было сосредоточенно. Кремеру на миг показалось, что его жена стала похожа на пантеру, готовую к прыжку, — настолько напряжена она была.

— Добрый день! — услышал он звонкий колокольчик. — Вас беспокоит народная артистка СССР Татьяна Шмыга.

Растерянный муж присел на первый попавшийся стул. Господи, что она задумала? Его Танечка никогда «не включала звезду», а тут четко произнесла свое звание.

— Скажите, пожалуйста, — слышал он дальше, — когда я могу записаться к Виктору Васильевичу на прием?

Она внимательно слушала, что ей говорили на том конце провода.

— По личному вопросу. Благодарю вас, — и она положила трубку.

— Бимочка! Ты с ума сошла. Найденов же заместитель Генерального

прокурора СССР, — только и вымолвил он.

— Да. И что? А я — народная артистка СССР. Так что все по рангу, Толюня! Надо будет, я и до Горбачева дойду. Ты меня знаешь.

...Удивлению Найденова не было предела.

— Татьяна Ивановна! Простите меня, пожалуйста, и поймите правильно, но у меня к вам единственный вопрос: вы-то тут при чем? Он — Романов Игорь Сергеевич, вы — Шмыга Татьяна Ивановна.

— Мой муж — композитор и дирижер Анатолий Львович Кремер. Игорь — его приемный сын. Официально он его не усыновлял, просто воспитывал, но это не имеет никакого значения. Он — его сын, понимаете?

— Простите, с трудом. Значит, он и ваш приемный сын?

— Нет. У меня, к сожалению, детей нет. Ни родных, ни приемных. Игорь — сын Розы Давыдовны, предыдущей жены моего мужа. К моменту знакомства с Кремером она уже несколько лет была вдовой. Так понятно?

Она поймала на себе взгляд заместителя Генерального прокурора СССР. Он смотрел на нее с уважением и удивлением одновременно.

— Но за то время, что знакома с Игорем, я достаточно хорошо его узнала. И могу сказать только одно — он не виновен.

Она уже с трудом сдерживала слезы. Женщины вообще эмоциональны, а уж актрисы — в кубе. И она очень боялась, что сил не хватит, они уже заканчивались, и она расплачется прямо здесь, в кабинете.

— Татьяна Ивановна, вы не расстраивайтесь. В самые ближайшие дни приемный сын приемного мужа будет на свободе.

Она улыбнулась сквозь слезы. Силы закончились.

— Вы можете так обещать?

— На девяносто пять процентов!

— Спасибо! — Она поднялась со стула.

— Татьяна Ивановна, голубушка! — произнес Найденов, целуя ей руку. — Вы такого обаяния человек, прекрасная актриса, красивая женщина... Слезы вам не идут. Вам лучше на сцене выступать, нежели ходить по прокуратурам. Я достаточно повидал на своем веку и могу сказать только одно: если раньше я восхищался вами как актрисой и как женщиной, то сейчас говорю, что восхищаюсь просто Татьяной Шмыгой и... искренне рад за вашего мужа — ему очень повезло с женой.

— Ну что вы, это мне с ним повезло! — Слезы высохли, и она звонко рассмеялась.

Прошло четыре дня.

В квартире раздался телефонный звонок.

— Татьяна Ивановна, здравствуйте! — прозвучало на том конце

провода. — Вас беспокоят из Генеральной прокуратуры СССР.

— Да. Здравствуйте!

— Татьяна Ивановна, голубушка, здравствуйте! — услышала она голос Найденова. — Вы мне никакую новость не хотите сказать?

— Здравствуйте, Виктор Васильевич! Наоборот, хотела бы узнать, даже звонить вам собиралась.

— Новость приятная, Татьяна Ивановна! Ваш Игорь уже дома.

И только положила трубку, раздался звонок от Игоря.

— Меня вот что интересует, — через какое-то время она вернется к этой теме, — а что это за «толстая цепочка из желтого металла»?

«Толстой цепочкой» оказалась та, которую можно было найти в любой квартире — миллионы людей пользуются ею, когда хотят принять ванну.

Почему-то вспомнилась забавная история...

«Таня-Ваня», — услышала она шепот после окончания очередной сцены «Катрин». Теперь уж и не вспомнить, с чьей легкой руки ее так звали в театре, — это передавалось из поколения в поколение, и если раньше так называли ее только ровесники, то сегодня — и молодые актеры. Она не обижалась, наоборот, радовалась.

— Таня-Ваня! — шепот становился сильнее. — Мы что— то, наверное, не так сыграли.

Она удивленно посмотрела на шептавшего.

— Кремер-то разозлился, кулак показал.

— Я ему покажу! — ответила она.

В антракте набрала местный номер телефона дирижерской комнаты:

— Толюня, так ты придешь?

— А зачем? — услышала в ответ голос мужа. — Я здесь отдохну.

— Как — зачем? Ты же кулак показывал.

Спектакль, который уже много лет не сходит со сцены, имеет свойство «разбалтываться»: что-то обрастает штампами, иногда появляется отсебятина. Винить актеров в этом нельзя — они могут уже не замечать, играют по накатанной. Это вовсе не означает, что халтурят, просто со стороны себя не видят. Для этого есть режиссер, а в оперетте еще и дирижер. Малейшая неверная интонация, не характерный для героя или героини жест, поворот головы — казалось бы, мелочь, но именно из таких мелочей и складываются образы героев спектакля.

Кремер еще в классе обратил внимание на интонацию в одном из мест спектакля.

— Таня, — сказал он ей, — сделай, пожалуйста, вот так.

— Сделаю, сделаю.

— Не забудешь? Смотри в этой сцене на меня. Если я рукой покажу на себя, это только для тебя, а не для оркестра.

— Да, да.

— Танюля, даже если ты этого не сделаешь, спектакль все равно пройдет. Просто так будет лучше.

— Сделаю, сделаю.

На сцене же, увлекшись действием, она совершенно забыла и про то, что должна в определенной мизансцене посмотреть на дирижера, и про то, что обещала сделать. Поэтому и не увидела, как рука маэстро после жеста «на себя» сразу же превратилась в кулак.

Ее многие, наверное, не понимали. Казалось бы, только что вместе из одного дома приехали на одной машине — она и ее муж, он ушел к себе в дирижерскую, она в гримерную. За пять минут до начала спектакля в дирижерской комнате раздавался звонок местного телефона.

— Толюня, ну как ты?

— А ты как?

— Я первая спросила. Чувствуешь себя хорошо?

— Хорошо, хорошо. Ты как?

— Все нормально.

Она любит, когда спектаклем дирижирует ее муж, — чувствует себя защищенной Кремером. Знает, что, если что-то случится, он обязательно поможет. Они понимают друг друга с полувзгляда, полужеста. И это отнюдь не красивая метафора.

Во время репетиций он никогда не делал ей замечаний при всех. Она не обижалась, наоборот, была благодарна ему за это. Мог сделать замечание актрисе, а она при этом стояла рядом и наматывала на ус. И уже позже, в машине, говорила ему:

— Как хорошо, что ты это ей сказал. Если бы ты мне сделал замечание, это был бы ужас — ведь я-то делаю еще хуже, чем ты просишь.

Кремер часто шутит над ней и с восхищением говорит, что ее выдержке мог бы позавидовать не один мужик.

Летом 2003 года они уехали в санаторий. Недели через две ему позвонили на мобильный.

— Анатолий Львович, — услышал он в трубке испуганный голос домработницы, — вам надо срочно приезжать, квартиру соседи залили. Ее нельзя как следует запереть. Входная дверь рассохлась.

— Танюль! — Она только что вернулась с процедур. — Квартиру залили, я мало что понял из услышанного, но вроде дверь входную нельзя закрыть, фотографии, партитуры, некоторые вещи чуть ли не в воде плавали. Надо ехать.

— Никуда я не поеду, пока курс лечения не закончу. Ничего, приедем через две недели.

Их уютная квартира, которую они от и до сделали «под себя» напоминала декорацию, специально выстроенную в одном из павильонов киностудии для съемок фильма о войне. Паркет вздулся и напоминал противотанковые ежи, со стен ключьями свисали обои, везде грязные потеки и запах жуткой сырости.

Больше всего досталось коридору, кабинету Кремера и гостиной. Мебель, телевизор, пианино, рояль на протяжении четырнадцати часов «принимали горячий душ» — в квартире этажом выше шел ремонт, и рабочие то ли что-то не то сделали, то ли недосмотрели.

Сколько сил сюда было вложено, а главное — души. Ее души, ее вкуса. Она наконец-то осуществила свою давнюю мечту — жить в квартире, которая была бы похожа на старую московскую. На дом ее детства, где она так долго и счастливо прожила с родителями. Чтобы можно было поставить нормальную мебель, а не такие модные тогда «стенки», и большой стол, круглый или овальный — не так уж и важно. Главное, чтобы он стоял в одной из комнат. И за ним собирались друзья. Это — традиция ее родительского дома. Когда за ужином, а в выходные дни и за завтраком, и за обедом, собиралась бы вся семья. А в праздники — гости. Стол ведь обладает магической силой объединять людей. Чтобы на окна можно было повесить портьеры — тяжелые, бархатные, чтобы высота потолка позволила повесить большую хрустальную люстру с подвесками, чтобы была «игра света и тени».

Принято считать, что известная актриса, а уж тем более народная артистка СССР, живет чуть ли не в царских хоробах. Может быть, кто-то и жил, и она искренне радовалась за тех людей. За себя она в этом смысле порадоваться не могла. Хотя и не роптала.

Почему-то именно сейчас вспомнилось, что большую часть своей жизни она провела в крошечных квартирках, порой однокомнатных, с дощатыми полами, как та, которую ей выделил театр, когда она стала женой Канделаки. А сколько времени до этого они с ним скитались по чужим углам — снимали комнаты или жили у друзей. Никогда не забудет, как их на время приютил старик Столяров, их Бумоль. Григорий

Арнольдovich жил со своей женой в небольшой двухкомнатной квартире, но когда узнал, что Канделаки ушел из семьи и с новой женой ему негде жить, предложил переехать к нему. Она поначалу очень стеснялась, ведь они с Владимиром Аркадьевичем даже не были расписаны. И входя в квартиру, старалась как можно быстрее прошмыгнуть в отведенную им комнату.

— Вот уж поистине Шмыга, — пробурчал однажды Григорий Арнольдovich за ужином. — Шмыг туда, шмыг обратно. Танечка, ты нас, что ли, стесняешься?

Она смущенно улыбнулась и уткнулась в тарелку.

— Танечка! — услышала она за дверью комнаты. У нее был свободный день — ни репетиций, ни вечернего спектакля, и она решила сначала навести в комнате порядок, а потом куда-нибудь «сбежать», поскольку неуютно чувствовала себя в квартире главного дирижера театра. — Пойдем чайку попьем.

Она распахнула дверь. На пороге стояла жена Григория Арнольдovichа — Елена Валентиновна.

— Пойдем, пойдем, — ее глаза ласково улыбались. — Мужчины ушли в театр, мы с тобой одни. А то ведь сейчас убежишь куда-нибудь...

— Вы меня осуждаете? — Она подняла глаза, полные слез. Несколько из них уже капнули в чашку.

— Ну, во-первых, соленый чай, на мой взгляд, невкусный, хотя о вкусах не спорят, — засмеялась Елена Валентиновна. — А во-вторых, за что?

— За то, что увела чужого мужа.

— Танечка! Володя не теленок, и его на веревочке увести невозможно. Знаешь, сколько желающих было? Они с Гришей давно дружат, и уж поверь мне, чего я только не наслушалась. И про чужих детей, и про анонимки. Что касается тебя, то, насколько я знаю, Володя готов был расстаться с партбилетом, но остаться с тобой. А на сплетни не обращай внимания — они всегда были, есть и будут, тем более в театре.

— Думаете, приятно слышать: «Нашел себе смазливую мордашку и теперь она все будет играть»? А я и так уже играю! — Она опять заплакала. И зачем только начала поддерживать этот тяжелый разговор?

— Таня, Таня... Зачем ты так о себе? Ты — красивая молодая женщина.

— Да уж. Один глаз влево, другой — вправо, да еще и в очках... — Слезы мгновенно высохли, и она рассмеялась. — Мама про меня иногда говорит: «Наша Танька — не красавица, но такая обаятельная!» Она сама у

меня знаете какая красивая!

— У тебя, Танечка, есть то, о чем мечтают многие женщины: красота в сочетании с шармом, есть изюминка и манкость... Ум, чувство юмора, простота в общении, доброта, открытость. Вот поэтому даже самые писанные красавицы тебе и завидуют, и будут завидовать всю жизнь. Уж поверь мне.

— Но я же ничего специально не делаю.

— Можно сделать красоту, а то, что есть в тебе, — это от Бога. Знаешь, как тебя Гриша называет? Шаляпин в юбке.

— Почему Шаляпин? Он же — бас!

— В тебе большое количество уникальных сочетаний — талант, фактура, голос, тембр, пластика, актерское мастерство. Ты знаешь, что у тебя музыкальное тело?

От услышанного у нее округлились глаза. Наверное, Елена Валентиновна шутит. Какая пластика, какое музыкальное тело? У нее же в институте на первом курсе по классическому танцу была тройка, которую, правда, потом переправили на пятерку — иначе она не получила бы диплом с отличием.

— Шутите?

— Да нет, Таня, не шучу. Можно иметь сильный голос и при этом никем не стать. Ты знаешь, сколько девочек каждый год заканчивает балетное училище? Но ведь Галина Сергеевна Уланова у нас одна. И Маечка Плисецкая одна. А можно вообще никакой институт не закончить и просто быть Раневской. У тебя еще при всем есть работоспособность и желание постоянно учиться. Так что не обращай внимания на шипение. Будет Володя главным режиссером, не будет он главным режиссером — ты все равно будешь собирать полные залы. Зритель-то уже ходит на тебя. Не знала этого?

Из воспоминаний ее вывел вернувшийся из квартиры муж, она ведь так и осталась стоять на лестничной площадке возле раскрытой двери. На ее каблуках ходить по «противотанковым ежам» весьма проблематично. Так и ногу можно сломать.

Кремер выглядел расстроенным.

— Так! — Она уже в который раз за их совместную жизнь взяла дирижерскую палочку в свои руки. — Здесь жить нельзя!

И, развернувшись на двенадцатисантиметровых каблуках, побежала по лестнице вниз.

Выйдя во двор, он услышал, как жена по мобильному телефону уже

договаривается с кем-то, чтобы их приютили на несколько дней.

Через какое-то время театр снял им квартиру, и они вновь оказались на Тверской. Когда рабочие разобрали пол, она пришла в квартиру и, с трудом пройдя к шкафам, начала собирать оставшиеся вещи.

— Так, давненько я хотела тряпочки разобрать, да все руки никак не доходили, — услышал муж ее звонкий голос, разносившийся по всей квартире. — И ремонт уже давно пора было делать. Да, Толюня?

Ему уже в который раз предстояло признать, насколько ему повезло с женой. Все-таки она — уникальная женщина. Другая бы уже билась в истерике, причитая об испорченных платьях, шубах, стульях, шкафах и коврах...

Единственное, о чем она жалела, — это о фотографиях. Многие из них восстановлению не подлежали. А вещи... Это дело наживное.

— Толюня! — вновь зазвенел колокольчик. — Ты лучше вспомни, что здесь было, когда мы только получили эту квартиру. Вспомни, в какие времена мы начали перестраивать дачу... И ничего. И дачу построили, и эту квартиру, считай, перестроили. Кстати, надо сделать несколько шкафчиков. То специально пришлось бы грязь развозить, а теперь само собой получилось.

— Так, — уже несло из глубины квартиры, — пожалуйста, вот здесь мне нужен будет шкаф. — Его жена дирижировала рабочими. — И вот здесь. — Она мгновенно возникла в коридоре.

Как ей удавалось делать двадцать дел одновременно, он так и не мог понять за все годы их жизни.

— Командовать парадом будет Анатолий Львович, — сообщила она рабочим, памятуя о том, как он гонял «банду» строителей на даче. — Поэтому все вопросы к нему.

И хотя его любимая поза, как в анекдоте, — лежа, она прекрасно знала, что он и с дивана великолепно дирижирует, и рабочие будут «плясать» под его дирижерскую палочку.

— Если у вас вопросов не будет, — зная въедливость и дотошность своего мужа, на всякий случай предупредила она ремонтную бригаду, — значит, будут вопросы у нас. На все про все у вас три месяца. Видите ли, мой возраст уже не позволяет мне подолгу жить на съемных квартирах.

И она лукаво улыбнулась.

Раздавшийся хохот можно было сравнить лишь с упавшим на пол подносом, полным хрустальных фужеров.

Эту квартиру они получили в начале 80-х годов теперь уже прошлого

века.

Однажды ее спросят, как ей муж сделал предложение.

— А он мне его и не делал! — И она звонко рассмеялась. — Все как-то само собой получилось. Я интуитивно чувствовала, что мы будем вместе. Да и женился-то он на мне, только когда встал вопрос о квартире! — И опять хохот.

Расписались они 30 октября 1981 года.

Фиолетовые штампы, шлепнутые в их паспорта сотрудницей ЗАГСа, для них ровным счетом ничего не значили — любовь же не зависит ни от каких печатей. Она либо есть, либо ее нет. А штампы нужны чиновникам. Ведь не будучи официально расписанными, они не могли получить одну большую квартиру на двоих. Мало ли кто и с кем живет — железная логика того времени.

В квартире на улице Горького, которую ей дали от театра, они прожили пять лет. Она располагалась на так называемом высоком первом этаже. Причем была настолько маленькая, что они с трудом помещались там вдвоем, Кремер не мог дома работать, потому что некуда было поставить письменный стол.

Будучи уже несколько лет народной артисткой СССР — первой и единственной среди актрис, работающих в оперетте, она не могла улучшить свои жилищные условия. Вспомнилось трогательное поздравление с присвоением ей этого звания от другого народного артиста СССР, работающего в этом жанре, — Михаила Водяного. Он получил его в 1976 году, она — двумя годами позже. И вот когда был опубликован указ о присвоении ей этого звания, она получила телеграмму. «Танечка! Поздравляю! Нас теперь двое!» — написал ей Михаил Григорьевич.

Но звание, увы, мало что давало. А просить она не умела. За себя, во всяком случае, вот за других — это пожалуйста. За себя же всегда стеснялась.

И она отправилась просить за собственного мужа. Он — член Союза композиторов, а в те времена композиторам полагались лишние квадратные метры, которые государство выделяло под мастерские.

Записалась на прием к первому секретарю Московского горкома партии и через несколько дней уже входила в кабинет к Гришину.

— Здравствуйте, Татьяна Ивановна! — Он поднялся ей навстречу.

— Здравствуйте, Виктор Васильевич! — с улыбкой ответила беспартийная народная артистка.

Уж как ее только не пытались заманить в члены КПСС, она умудрялась находить тысячи причин, чтобы остаться беспартийной. На нее давили в

театре, угрожали, что не получит новых ролей, пытались препятствовать выезду на гастроли за рубеж. Но она не из тех, кого можно было запугать.

Не дадут новых ролей — ничего, это она уже проходила — в самом расцвете творческих сил на протяжении семи лет выходила на сцену в старом репертуаре, а для новых ролей ее «законсервировал» тогдашний главный режиссер. Они принципиально разошлись во взглядах на вопрос, который к творчеству не имел ни малейшего отношения.

— Вы не имеете никакого морального права вообще со мной разговаривать! — Когда возникала необходимость, она достаточно жестко умела ставить людей на место. Про нее в театре говорили, что «если бы можно было испепелить взглядом, Шмыга это бы сделала». Да, она умела сказать, а иногда так сверкнуть глазами из-под стекол очков, что человек все сразу понимал. При этом она не опускалась до унижения. И себя унижить не позволяла. Никогда и никому.

Размолвка длилась несколько лет, но, несмотря на внутренние разногласия, искусство было превыше всего. Он хотел поставить для нее оперетту по фильму «Весна», в котором блистала Любовь Петровна Орлова.

На худсовете его либретто раскритиковали в пух и прах. Поддержала она одна.

— Мне очень понравилась пьеса, и я бы с удовольствием сыграла.

Постановку не удалось осуществить. К тому времени разногласия главного режиссера и труппы достигли своего апогея, и он вынужден был уйти из театра.

А окончательное их примирение произошло на вечере памяти Владимира Канделаки в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Он начал рассказывать о Канделаки, а потом сказал, что лично он имя Владимира Аркадьевича связывает с ней. И так сказал о ней, что она не выдержала, встала и поцеловала его.

— Что привело вас ко мне? — Из раздумий ее вывел голос первого секретаря Московского горкома.

— Виктор Васильевич, я пришла просить квартиру своему мужу. Он — композитор, но совершенно лишен нормальной возможности работать дома. Я уже не говорю об отдельном рабочем кабинете, но у нас даже нет места, чтобы хоть где-то притулить письменный стол. А сочинять музыку «на коленке» конечно же возможно, но это весьма непродуктивно. — Она смущенно улыбнулась. — Да и я отвлекаю его от творчества своими занятиями. Я ведь тоже должна дома заниматься.

— А как фамилия вашего мужа?

— Кремер. Анатолий Львович Кремер. Он — главный дирижер Театра сатиры, руководитель оркестра легкой музыки МГУ Молодежи надо помогать! — Что-что, а чувства юмора ей было не занимать.

— И молодоженам тоже. — Гришин хитро прищурился. Конечно же он и про нее, и про Кремера все и давным-давно уже знал.

— Толюня! — Это уже дома за ужином. — Он так тебя хвалил, вспоминал твои гастроли с коллективом в Германии.

— Да? — «удивился» Кремер. — Ну что ж, у каждого антисемита есть свой любимый еврей.

От смеха она уронила голову на руки, слезы текли по щекам.

— Танюля, — не дав ей отсмеяться, вкрадчиво произнес муж, — а твоим творчеством он разве не восхищался? Все лавры достались «бедному еврею»?

На следующий же день ей позвонили из Моссовета и пригласили прийти.

— Татьяна Ивановна, — сказал начальник жилищного отдела, — есть квартира, но мой вам совет — не берите ее, дом весь на стяжках. Потерпите еще чуть-чуть.

— Ну не могу я больше так жить! — В ее голосе было столько отчаяния.

Через десять дней ей дали смотровой ордер. Они с мужем пришли посмотреть на свое будущее «гнездышко». Увидели длинный коридор от входной двери до ванной. С правой стороны — три небольшие двери.

— Какой ужас! — сказали они в один голос... И через какое-то время уже делали ремонт в этой квартире.

В итоге получился прекрасный холл, большая и уютная гостиная, куда она наконец-то смогла поставить большой овальный стол.

— Тань, — услышит она однажды, — может, завтракать — то все-таки будем на кухне? Нас всего двое. И зачем бегать туда-обратно с тарелками, чашками, когда на кухне все под рукой?

— Нет уж, — достаточно жестко прервала она его. — Хватит. Я в своей жизни насиделась на кухнях. Дома завтракаем, обедаем и ужинаем в гостиной. Во всяком случае я буду есть только там, а ты как хочешь.

— Что я, дурак, что ли? — «обиделся» Кремер. — Я тоже люблю сидеть за красиво накрытым столом.

С тех пор так и повелось: завтраки, обеды, ужины всегда проходили в

гостиной. Даже если они были дома только вдвоем.

Ее многие не понимали. Зачем она после репетиции бежит домой, чтобы через некоторое время вновь вернуться в театр на спектакль?

— Кремера кормить! — смеясь, отвечала она.

— Он что, сам не сможет себе еду разогреть? Да вы его избаловали, Татьяна Ивановна!

— Ну, во-первых, он мне таким избалованным в наследство достался. А во-вторых, ему приятно, когда я накрываю на стол и подаю ему еду. А мне приятно, что приятно ему.

Она не лукавила и не кокетничала. Она прекрасно знала, что муж любит еду, приготовленную ею, и никакой даже самый изысканный ресторан не променяет на «трактир на улице Станиславского». Кто-то из друзей так однажды назвал их квартиру. Она любила готовить. И умела это делать. Потом, когда улицу Станиславского вновь переименовали в Леонтьевский переулок, их квартира стала называться «трактир на Леонтьевском».

Сколько раз такое было — возвращаются домой из гостей ли, с банкета ли... Открывая ключом входную дверь, она прекрасно знала, что сейчас услышит от мужа.

— Танюль, давай поедим что-нибудь.

— Мы же только что из-за стола.

— А у тебя вкуснее.

Она и сама любила поесть. И обязательно покормить тех, кто приходит в дом. Это правило соблюдалось ею неукоснительно, и спорить с ней в данном вопросе было бесполезно.

— Толюнь, — стук в дверь кабинета мужа, — можно тебя на минуточку?

И уже в гостиной:

— Люди пришли в дом — и сразу за работу. Давай я вас покормлю.

— Но мы же работаем.

— Ничего, поработаете на час попозже.

Когда-то она варила и харчо, и солянки, пекла шоколадные торты, пироги. А потом, когда сил стало меньше, на каждый день готовила что попроще. Чтобы не тратить так много времени. Полчаса на первое блюдо, полчаса на второе. А салаты умудрялась делать за пять минут. Это ее конек — супы и салаты. Так, во всяком случае, говорит муж. Когда гости — совсем другое дело. Тут уж приходилось, как шутила ее многолетняя

помощница по хозяйству, «восстанавливать потерянную квалификацию». Манечка изумительно пекла — пирожки, торты, пирожные. И когда она отказывалась от них — все-таки надо держать себя в форме, — Манечка неизменно восклицала: «С вами я теряю квалификацию!»

...Она стояла в гримерной и прислушивалась к тому, что происходит на сцене. Скоро ее финальный выход. Острая боль вновь пронзила пятку, а потом и всю ногу.

— Что, Татьяна Ивановна? — увидев ее отражение в зеркале, заволновалась костюмер.

— Нет-нет, все в порядке.

На ней юбка Нинон.

Веселится и ликует весь ночной Монмартр,
Всюду море ослепительных огней! —

слышится по трансляции.

Зрителям показывают телевизионную запись ее «Карамболины». Бог мой, сколько же лет назад это было! Ровно сорок!

Премьера состоялась 26 июня 1969 года, и, когда главный режиссер назначил ее на эту роль, «Фиалка Монмартра» шла на сцене театра уже несколько месяцев.

Новая работа, с одной стороны, была очень интересной: ведь до этого ей еще не приходилось играть женщину-вамп. А с другой — вокальная партия трудная. Но смущало ее еще и другое.

Эта постановка отличалась от той, яроновской, в которой она сама играла Виолетту. Уж слишком была отягощена «критическим реализмом». А Нинон в ней выглядела карьеристкой, черствой эгоисткой, ради карьеры способной на все. Да и шлейф опереточных штампов тянулся за этой ролью.

Ей такую Нинон играть не хотелось.

«Пьеса одна, а музыка другая», — досадовала она.

Ей хотелось выявить в Нинон драматическое начало, сыграть трагедию эгоизма. Тогда кульминацией станет последняя встреча с Раулем: за его любовь Нинон, разочаровавшаяся в театре, хватается как утопающий за соломинку.

А для этого предстояла долгая работа. Когда-то она думала о своих ролях на улице — гуляла и фантазировала. После репетиций, спектаклей

часами бродила по Бульварному кольцу, подолгу стояла возле старых зданий на Солянке или Сретенке, от одного вида которых ей хотелось хотя бы на миг вернуться в неторопливый быт. Сколько образов придумала она в прекрасных улочках и переулках любимого города. Работа продолжалась дома. В ночной тишине, когда Москва засыпала, вдруг начинала звучать музыка — в воображении образ прочно связан со своей музыкальной характеристикой, и вот героиня уже отделяется от нее, живет самостоятельной жизнью, а сама она украдкой наблюдает за ней. Но это происходит только тогда, когда о своей героине уже все знаешь: к чему она стремится, чего добивается в каждой сцене, за что любит...

И она придумала свою собственную редакцию роли Нинон, взяв в помощники... Имре Кальмана — не зря же она каждую работу над новой ролью начинала именно с музыки. Канкан Кальмана лишен скабрёзности. А ее «Карамболина» в постановке прекрасного танцовщика Олега Суркова стала отнюдь не капризом дорогостоящей куртизанки. Ее канкан — эротичен и целомудрен. Играя пышной юбкой, она точно знает, как, «показав все, не показать ничего», и при этом сохраняет атмосферу оперетты. Ту самую, о которой говорил еще Станиславский, — пронизанную «необходимой пикантностью, вроде того газа, без которого шампанское становится кислой водицей».

— Подвязку? Татьяна Ивановна! — Из прошлого ее вернул голос костюмера.

— В восемьдесят лет?!

И хохот.

Она в костюме Нинон — в том самом, что и сорок лет назад. Специально к юбилейному вечеру ей начали шить новую юбку. И уже проходили примерки. А потом она решила — была не была, выйдет в той, в которой играла столько лет.

Когда надела — стоящие рядом ахнули от восхищения. Наряд сел как влитой — миллиметр в миллиметр.

— Что ты мне опять тут что-то зацепила? — костюмер, услышав ее традиционное «возмущение», выдохнула. Слава богу, значит, все в порядке. У каждой актрисы есть свои приметы перед выходом на сцену. По поводу нее в театре все знали, что она никогда не дает в долг перед спектаклем, непременно наносит на ногти свежий лак, из гримерной выходит самая последняя и перед выходом обязательно «поворчит» — ей непременно должно что-то не понравиться: либо костюм, либо парик, либо реквизит.

Ну вот такая она — ей кажется, что если сразу все в порядке, то спектакль пройдет плохо, вот она и выдумывала себе что-нибудь. Костюмеры, гримеры, постижеры, реквизиторы это знали и как могли подыгрывали народной артистке Советского Союза.

— Дай-ка я сама! — Она привычным движением закрепила на голове шляпку Нинон и засмеялась, глядя на свое отражение в зеркале. Вот уж прав Кремер, ну точно «фик-фок на один бок».

На сцене — канкан из новой «Фиалки Монмартра», той, что сейчас идет в театре.

Она в правой кулисе. Пять секунд. Четыре, три, две. Все.

«По-о-ошла!» — произнесла она сама себе, перекрестилась. И...

Карамболина, Карамболетта,
Ты пылкой юности краса, —

Хор голосов, и каких!.. А еще говорят, что оперетта умирает...

Правая нога вверх — юбка взметнулась до заоблачных высей. Левая нога — юбка разлетелась в разные стороны.

Та же безупречная техника, тот же эмоциональный накал, та же страсть и озорная, бьющая через край радость. Ее искрометная «Карамболина» сродни брызгам шампанского.

Карамболина, Карамболетта!

Зал встал.

Разворот. Сплетенные кисти рук под подбородком... Вот она — ее знаменитая проходка!

Ее пытались многие копировать. Пытались подражать...

— Татьяна Ивановна, — спрашивали балетные, — ну как это у вас получается?!

Она лишь плечами пожимала, загадочно улыбалась. А через секунду ее знаменитые, неповторимые раскосые глаза мгновенно зажигались веселым огоньком и она могла прямо в коридоре театра показать, как это делается.

Но у других именно так не получалось.

Однажды ей передадут, что Вера Кальман — жена Имре, женщина, которой он и посвятил свою «Фиалку Монмартра», увидев ее на сцене,

скажет про нее, что она — лучшая исполнительница Нинон — Мадлен из тех, кого сама Вера видела на сцене. А видела она за свою долгую жизнь очень многих.

В плавном изгибе ее Нинон замерла на авансцене.

— Народная артистка Советского Союза Татьяна Шмыга!

Поклоны. Цветы. Объятия. Поцелуи. И со всех сторон: «Шмыга! Шмыга! Шмыга!»

Слезы навернулись на глаза. Она сделала это! Несмотря на недомогание, на боль в ноге...

Слезы загнала обратно. Вспомнился ее разговор с Яроном.

В детстве фамилия Шмыга казалась ей очень смешной, в школе она ее немного стеснялась. Выйдя замуж, хотела поменять. Ей помешал Григорий Маркович Ярон. «Ни в коем случае, девочка! — сказал он. — У тебя такая театральная фамилия! Разве будет звучать какая-то Борецкая? А Шмыгу как гаркнут, сразу все станет ясно. Шмыга — одна!» И при этом добавил, что фамилия-то театральная, но ее задача — сделать из этой фамилии ИМЯ. И еще об одном «забыл» упомянуть Григорий Маркович. А может быть, просто не хотел разочаровывать молодую девушку. Она поняла это спустя годы — уже патриарха советской оперетты давно не было в живых. Не сказал он ей тогда того, что мужей может быть много, а она — одна.

Она могла бы стать Борецкой, Канделаки, Кремер, Мицкевич, но так и осталась Шмыгой.

Она хорошо помнила, как они с мамой часто спрашивали папу: «Что ж это за фамилия у тебя такая? Почему мы должны носить ее?» А он отвечал: «Это прозвище. У нас в роду были Козловские, Мицкевичи...» Мама всегда подшучивала над ним: «Ой, к знаменитостям примазаться хочешь?»

Ее папа Иван Артемьевич родился в Западной Белоруссии. Одно время Белоруссия принадлежала то Польше, то России, но по паспорту папа считался русским. Его родной отец рано умер, и мама, ее бабушка, вновь вышла замуж.

— Папуль! Ты насчет прозвища не придумал? — Таня тогда уже училась в институте.

Иван Артемьевич лишь плечами пожал.

И рассказал историю, услышанную от своего отчима. Тот ему говорил, что в местечке, где он родился (а это тоже было в Западной Белоруссии), не раз в своем детстве он слышал про себя: «Вот шмыгает-то туда-сюда без

остановки! Ну точно Шмыга!»

Это случилось на гастролях в Питере, впрочем, тогда он еще назывался Ленинградом. Она, отыграв «Катрин», вышла из служебного входа театра. Разговаривая с поклонниками и подписывая программки, краем глаза отметила стоящую недалеко от толпы хрупкую девчушку. Что-то странное показалось ей в ее облике. Закончив обязательный ритуал общения с поклонниками, она направилась к машине.

— Простите, вы — Шмыга? — услышала она. Подошедшая к ней девушка говорила с явным акцентом.

— Да. Я — Шмыга.

— Простите, но мы с вами дальние родственники. — И она протянула ей букет.

«Господи, только не это. Еще одна сумасшедшая», — промелькнуло в голове. На протяжении своей творческой жизни она не раз уже сталкивалась с подобными экзальтированными поклонниками — почему-то все они считали себя ее родственниками. Она уже было сделала шаг к машине, но услышала:

— Простите, вы меня неправильно поняли. Вернее, я неправильно представилась. Мы с вами действительно родственники по линии вашего папы. Я живу в Польше, в Ленинграде учусь в университете. Ваш папа просил прислать метрику. Правда, это было очень давно. Но дело не в этом. Вот. Я ее привезла. — Девушка вытащила из сумки небольшой конверт и отдала ей.

Она пригласила ее к себе в гостиницу, ей очень хотелось с ней поговорить, расспросить поподробнее о своих польских родственниках, ведь папы уже несколько лет как не было на этой грешной земле.

— Простите, но я не смогу. Мне надо в аэропорт. Я сегодня улетаю. К сожалению. Вы мне так понравились на сцене и еще больше в жизни. Вы какая-то другая и... совсем не похожи на актрису.

— Почему? — удивилась она.

— Мне кажется, они недоступные, а вы — такая простая. Простите, я, наверное, неправильное слово подобрала... Спасибо вам и прощайте.

— До свидания!

В номере гостиницы она открыла конверт, достала из него маленькую бумажку — она оказалась церковной метрикой — и прочитала: «Мицкевич, Ян, сын Артема и Ефросиньи, 1899 год, поляк». Вот так она и оказалась Мицкевич Татьяной Яновной.

...Она очень устала. Только вида не подает. Да и что толку жаловаться, что ты отвратительно себя чувствуешь? Во-первых, и так многие знают и видят, а во-вторых, от того, что ты пожалуешься, легче ведь все равно не станет. Да и жаловалась ли она когда-нибудь? Вот партнеров иногда приходилось предупреждать. Особенно в последние годы.

Дмитрий Шумейко... Прекрасный, бархатный баритон. Она обратила на него внимание на занятиях в классе Людмилы Семешко. Актеру очень важно, в какие руки он попадет. Концертмейстеры — особые люди. С ними и распеваешься перед спектаклем, и готовишь новые вокальные партии, и повторяешь те, которые играешь много лет. Концертмейстерское искусство требует высокого музыкального мастерства, художественной культуры и особого призвания. Настоящий концертмейстер еще и психолог прекрасный. Чувствует настроение актера, а правильнее сказать, его состояние, как только он входит в класс. Хороший концертмейстер никогда не позволит актеру поддаться панике. Знает, когда можно сразу начать распеваться, а когда и просто поболтать для начала. И только когда актер успокоится, можно начинать. Что греха таить, иногда они выполняют работу психотерапевта. Сколько раз она сама звонила Людмиле: «У меня голос не звучит». — «Не звучит? Сейчас зазвучит». — Тон абсолютно спокойный. Иногда распевались по телефону. И такое было в ее жизни.

В тот вечер она играла «Катрин». В день спектакля она и так клубок нервов, а тут еще что-то с голосом. Набрала номер концертмейстера по мобильному телефону.

— Люда, здравствуй, ты уже в театре?

— Здравствуйте, Татьяна Ивановна. Нет, на даче. Я же сегодня выходная.

— У меня «Катрин». И что же мне теперь делать? — Она уже готова была заплакать в трубку. — Сейчас попробую Марине позвонить, может, она в Москве. Я совсем забыла, что ты выходная.

— Не надо никому звонить. Сейчас распоемся. И Катрин пройдем...

— Как?

— Как-как... По телефону.

— Но я же тебя не вижу.

— Татьяна Ивановна, зато я вас прекрасно слышу. И поводов для слез не нахожу. Ну что, поехали...

Через сорок минут, успокоенная тем, что с голосом все в порядке и он великолепно звучит, она вышла из дома...

Ей всегда везло на концертмейстеров. Очень важно, когда

концертмейстер становится другом и единомышленником. В последнее время она работала с Людой. Понимали друг друга с полуслова, а иной раз и с полувзгляда. «Не звучит, Татьяна Ивановна?» — улыбаясь спрашивала Люда. — «По-моему, да». — «Сейчас зазвучит!» Она почему-то ей верила. Начинала распеваться, сначала с опаской, и вдруг, сама не понимая когда, обнаруживала себя поющей в свое удовольствие. Люда прекрасно знала — она успокаивается на романсах. Шуберт, Шуман, ее любимый Чайковский.

Она любила приходить в класс заранее. Усаживалась на диване, слушала молодых актеров. Поначалу они стеснялись: «Ой, Татьяна Ивановна! Мы сейчас выйдем. Занимайтесь». — «Занимайтесь. Занимайтесь. Я вас послушаю».

И вот Людмила-то первой и обратила ее внимание на Дмитрия Шумейко. «Татьяна Ивановна, вы только послушайте, что за голос!» Послушала — и за все годы работы с ним ни разу не пожалела о том, что он стал ее партнером.

Ее иногда обвиняли в том, что на сцене — в любом спектакле — она одна звезда, а все остальные актеры — ее свита, даже если она и играла служанок, а они — ее господ. Так разве в этом ее вина? Некоторые партнеры обижались — безусловно, любой актер хочет, чтобы зритель смотрел в его сторону, а уж оперетта в этом деле преуспела. Иногда доходило до смешного — известные актеры, солидные мужики, а расстраивались порой словно дети, если на спектакле поклонниц одного из них больше, чем другого. И иногда, кто под благовидным предлогом, а кто и без него, отказывались от роли.

...Что тогда случилось, разбираться у нее времени не было. Через день должен быть «Большой канкан», в котором она исполняла романс Жермон из фильма «Гусарская баллада» и выходила на сцену в знаменитом дуэте из «Сильвы» «Помнишь ли ты?». Ее партнер, сославшись на то, что плохо себя чувствует, вдруг отказался петь. Она догадывалась, что послужило отказом, но виду не подала. И уговаривать не стала. Лишь плечами пожала, мол, хозяин — барин. Развернулась, и через мгновение по коридору раздавался такой привычный для Театра оперетты легкий стук ее каблучков.

Спускаясь по лестнице и, как всегда, перепрыгивая через две ступеньки, она увидела Дмитрия Шумейко, поднимавшегося ей навстречу.

— Здравствуйте, Татьяна Ивановна!

— Добрый день!

Уже спустившись на несколько ступенек ниже, она вдруг резко обернулась:

— Дима! Ты знаешь «Помнишь ли ты?»?
— Конечно, Татьяна Ивановна!
— Поешь?
— Ну, да, — задумчиво произнес молодой актер.
— Споешь со мной в «Большом канкане» послезавтра?
— С вами? — Кажалось, он не поверил услышанному.
— Так да или нет?
— Нет. То есть да. Но что в театре-то скажут? Иерархия все-таки...
— Что скажут? — Она расхохоталась. — «Ах, тебя еще и Шмыга выбрала!» — вот что скажут. Не пожалеешь потом?
— Поскольку мы с вами уже играем «Катрин» и сейчас предложение я услышал от вас лично, значит, в подхалимаже вы меня не уличите. Поэтому скажу, хотя вы и не любите громких фраз. Это самое лучшее, что могло со мной произойти в Театре оперетты. И поверьте, выступление с вами дороже любых званий.

...Она сама предложила его на роль Лефевра в спектакле «Катрин». И по театру тут же пронесся шепоток: «У Шмыги появился новый фаворит!» Репетиции были легкими, он хорошо знал спектакль — во-первых, много раз смотрел, а во-вторых, и играл в нем. Пусть небольшую роль, но тем не менее. Для актера, который вводится в уже состоявшийся спектакль, это важно. Хохот не смолкал во время репетиций. Особенно в сцене, где Лефевр шлепает свою любимую Катрин по мягкому месту, а она, оборачиваясь, разводит руками в стороны и с чувством произносит: «Ге-е-ерцог!» Никак не получался у молодого актера этот самый шлепок. Она понимала его — скорее всего, стеснялся, все-таки она — Татьяна Шмыга. На помощь пришел Анатолий Львович и показал, как именно надо шлепать любимую жену. Вот так, под чутким руководством мужа, жена и репетировала эту сцену с молодым партнером. Репетировали дольше других, потому что первой от смеха раскалывалась она. И уже не могла остановиться. За ней хохотали и остальные.

Она в нем была уверена, а это очень важно — знать, что партнер не будет соревноваться с тобой в популярности, в количестве поклонников, сидящих в зрительном зале, не будет тянуть на себя одеяло. Она знала, что он подстрахует ее в любом случае. Вовремя подаст руку, чуть дольше задержит в объятиях...

«Дима, — слышал он на самых первых спектаклях перед выходом на сцену, — у меня голова кружится. Подстрахуешь, если что...» Однажды в момент их общей сцены он услышал шепот: «Держи меня крепче,

пожалуйста! Если не вступлю вовремя — споешь?»

Чем дольше они играли вместе «Катрин», тем больше он понимал ее. И ей уже ничего не надо было говорить. Он чувствовал, когда ей нужно восстановить дыхание после танца или арии, и вот здесь-то как раз и тянул на себя одеяло, чтобы отвлечь внимание зрителей. И как только понимал, что она готова продолжать игру, пальму первенства передавал ей. Однажды он в самом прямом смысле слова поймал ее, поднял на руки — уже тогда болели ноги, и она могла бы упасть на сцене — и обыграл мизансцену, да так, что даже сидящие в зале многолетние поклонники, чуть ли не наизусть знающие спектакль, ничего не заметили. А уж те, кто пришел впервые, — тем более. На таких спектаклях он подстраховывал ее до самого конца. И, выходя на поклоны, обязательно протягивал руку — мало ли что. Изредка она пользовалась его рукой, опиралась на нее. Но чаще слышал: «Фигушки тебе, я сама». И за кулисами после поклонов — хохот...

А однажды он сам забыл текст. Во втором акте, когда Лефевр выходит от Наполеона. Она сидела на авансцене и, не услышав привычного текста, обернулась. Лицо испуганное, а то, что он пытался произнести, было весьма далеко от либретто. Настал ее черед выручать партнера.

После спектакля она услышит за кулисами: «Бить будете, Татьяна Ивановна?» — «За что?» — Одна из бровей удивленно приподнялась. Затем раздался заразительный хохот. Теперь пришел черед удивляться Шумейко. Оказывается, он не первый из Лефевров, кто забывает текст, и именно в этой сцене.

В тот день Фуше играл Александр Маркелов, а Лефевра — Валерий Барынин.

Они с Маркеловым уже отыграли сцену Катрин и Фуше. Следующий выход Лефевра. Он выходит и, вместо того чтобы пройти к ним на авансцену, останавливается возле задника. Пауза затягивается. И тут Маркелов — Фуше вдруг слышит шепот: «Саша!» Понимая, что что-то случилось, как может обыгрывает паузу и двигается в глубину сцены.

— Саша!!! — раздается вновь.

Маркелов изумленно смотрит на Барынина.

Надо было такому случиться, что именно на этом спектакле решили опробовать так называемые лягушки. Акустика в театре и так хорошая, а тут еще и усилители. Малейший шорох — и все становится слышно от первого ряда партера до самого последнего на балконе второго яруса.

— Саш, — шепот продолжается. — Что мы играем?

От растерянности Маркелов сразу и не сообразил, что Валерий имеет в виду, какую сцену, и ответил так же шепотом:

— «Катрин».

Пауза.

Она понимает, что за ее спиной что-то происходит, музыканты в оркестровой яме еще чуть-чуть — и начнут хохотать в голос.

И вдруг слышит:

— А что я должен говорить?

— А я откуда знаю. Это же не моя роль.

И она якобы по мизансцене начинает искать Фуше. Пока крутила головой в разные стороны, краем глаза заметила, где находятся ее партнеры. Встала, обернулась, и поняв, что оба они в растерянности, пошла к ним, протягивая руки, и чуть ли не вытолкнула их на ту точку, где все они должны стоять в следующей сцене.

— Ну что? — она слегка пнула своего Лефевра. — Что сказал император?

— Что сказал император? — партнер ничего не может понять.

— Ну да. Что ТЕБЕ сказал император?

— А... — наконец-то включился Барынин. — Император сказал, что не будет ни военного суда, ни суда вообще.

И дальше все пошло так, как и было написано авторами. Ее счастье, что она не слышала первоначальных реплик, иначе расколосась бы первой — такая уж она смешливая — и пришлось бы давать занавес. А так каждый из них, отыграв свою сцену, уходил вглубь и хохотал, что называется «без звука» — лишь самые внимательные зрители могли обратить внимание на содрогающиеся плечи актеров. Хорошо, что они не видели музыкантов — у них от смеха тряслись не только плечи, но и руки, как они вообще смогли играть, она так и не поняла. На поклонах все хохотали в открытую: и зрители, и актеры. Они долго не могли уйти за кулисы — овация длилась несколько минут и публика никак не хотела их отпускать.

...На репетицию дуэта Сильвы и Эдвина у них был всего один день.

— Благодарю вас, графиня, за честь, которую вы оказали мне своим присутствием...

Как только он это произнес, она интуитивно поняла, что все у них получится.

— Дима, — сказала она на следующий день перед выходом, — я очень тебя прошу — пой чуть тише, а то меня «забьешь».

— Вас? Как можно, Татьяна Ивановна...

Он прекрасно понимал, что она волнуется. Как знал и то, что, несмотря ни на что, по-прежнему считает свой голос не таким уж сильным. Понимал он и другое — есть в зале несколько человек, которые специально

пришли посмотреть на провал Шмыги — Шумейко. Что ж, не дождутся!

В один из дней декабря 2010 года, уже будучи в палате Боткинской больницы, она услышит его голос в телефонной трубке. Он позвонит, чтобы поздравить ее с днем рождения и наступающим Новым, 2011 годом.

— Мы еще встретимся, Татьяна Ивановна!

— Да, Дима, да!

А что еще она могла ему ответить...

Если бы были на свете волшебники, единственное, что она попросила бы, это сделать так, чтобы в ее жизни не было ни этого чудовищного диагноза, ни последних операций — уж сколько их она перенесла за свою жизнь...

Однажды в детстве, тяжело заболев, она получила осложнение на сердце. Лежала на кровати и даже пошевеливаться не могла. Не было сил. Неизвестно, как бы дальше сложилась ее судьба и смогла бы она вообще встать на ноги, если бы не их семейный доктор, которая на протяжении трех месяцев лечила ее кагором и шоколадом. У них с братом и так слабые сердечки были, этим они пошли в маму, а тут еще такое осложнение. Только выкарабкалась из этой болячки, снова заболела — на сей раз дифтеритом. И опять ее спасла Надежда Яковлевна Сендульская — их ангел-хранитель, семейный доктор. Благодаря ей маленькую девочку не отправили в больницу — оттуда она бы точно не вышла. Ее отвезли к маминной крестной в Черкизово — тогда это был пригород Москвы, и Надежда Яковлевна регулярно приезжала к ней. Однажды пришла глубокой ночью, и вовремя — она уже начинала задыхаться, а врач, которого вызвала маминна крестная, все не приезжал. Так интуиция семейного доктора вновь спасла маленькой девочке жизнь.

Неудачная операция по удалению аппендицита и, как следствие, — перитонит. Два месяца в больнице, первые две недели из которых врачи ничего не могли сказать ее родителям — она балансировала между жизнью и смертью.

На пике ее популярности в театре по Москве пронесся слух: «Шмыга слепнет!» У нее начались проблемы с глазами — резко упало зрение и, готовя новую роль, она вплоть до генеральной репетиции была на сцене в очках. На ощупь же, как про нее говорили, на сцену она, конечно, не выходила, но некоторые очертания были размыты. Спасало ее только то, что она прекрасно знала сцену и великолепно на ней ориентировалась. В течение нескольких лет она перенесла не одну операцию на глазах.

Кудесникам врачам на время удалось вернуть ей зрение до единицы.

Было достаточно операций. Даже, может, и многовато для одного человека. Хотя одну из них она сама себе устроила. Решила убрать морщинки, и мимические — в первую очередь. Она же постоянно хохочет, а их от этого только больше становится.

Врач, который оперировал не одну актрису советского театра и кинематографа, к тому времени переехал в Свердловск. Она его разыскала и отправилась на операцию. Она ему верила, потому что знала — одну из актрис, которая к нему пришла уже не в первый раз, он отказался оперировать, мотивировав свой отказ тем, что «больше уже нельзя, потому что может быть хуже».

Он и ее вначале попытался отговорить — мол, зачем вам это надо, нет у вас таких уж морщин, от которых настало время избавляться, а те, которые есть, придают лицу свой шарм и пикантность. Но женщина есть женщина — если уж что задумала, отговорить ее от этого практически невозможно. На всякий случай врач предупредил:

— Татьяна Ивановна! Уберу только морщинки, больше ничего делать не буду и не просите. И к другим не советую обращаться. У вас лицо молодой, а не вашего возраста, уж простите меня за прямоту, женщины. Так что не будем гневить Всевышнего. Обещаете?

Обещания своего она не нарушила. Действительно, зачем что-то исправлять, если нет на то необходимости.

Операций, болезней и диагнозов ей и так хватало.

За последний год они сыпались из уст врачей как из рога изобилия, и все трудновыговариваемые. Обследуют в одной больнице — отпустят домой, потом снова больница — уже другая. Одна операция, другая... Наркоз, которого она боялась больше всего. Вместе с ним внутри разливалось нечто вязкое, мутное, липкое, постепенно затягивающее ее в ту самую воронку, из которой она уже не могла выбраться сама. Глубоко вдыхала, выдыхала, а вот резко в сторону уже не получалось. Она лежала на операционном столе и, точно так же как и находящиеся рядом врачи, переговаривающиеся шепотом, ждала, когда же наконец сознание подчинится наркозу. И в этот момент ей хотелось лишь одного: чтобы эти адские боли, измучившие ее организм, закончились.

Ей становилось то лучше, то хуже. Она сама понимала, что с ней что-то не то. А вот что именно? Ясно одно: беда с сосудами. И с кровью. Хотя врачи говорят, что как раз с последним люди живут. Это молодые уходят быстро. «А в вашем возрасте...» — донеслось до нее однажды... Ох,

шутники эти врачи. Сами-то хоть знают, от чего лечат?

Вспомнилось, как однажды очень рассердилась на них за то, что прервали такой волшебный сон: она не бежала — нет, она парила над полем, ее ноги, которые сводили с ума миллионы зрителей, едва касались изумрудной травы. Она в детстве так же бегала по огромному коридору коммунальной квартиры — на пальчиках.

— Татка! — несло с разных сторон. Голоса были звонкими, чистыми, они заполняли собой все пространство над землей. Эти голоса она узнала бы из тысячи других — мама, папа, любимый братик.

Папа в последние годы жизни узнавал уже только ее. Она испугалась за маму: ей нельзя быстро ходить — ведь у нее больное сердце. Испугалась и почти было споткнулась — сколько раз так было и на сцене, и в жизни.

И вдруг увидела мамину руку, протянутую к ней. Что— то не дает ей сделать шаг навстречу маме.

— Зачем вы меня вернули? — четко и сердито спросила она тех, кто суетился около ее кровати.

— Ох, Татьяна Ивановна! Ну и напугали же вы нас.

Это случилось после самой последней операции.

Среди лиц врачей и медицинских сестер она увидела одно, ставшее ей за последние месяцы родным. Лена. Ее добрый ангел. Она появилась в ее жизни совсем недавно — уже здесь, в палате Боткинской больницы, и сегодня она точно знает — ее ей послал Всевышний. Поначалу она с трудом поверила в то, что Лена ее совсем не знает, а потом обрадовалась этому факту — значит, будет относиться не как к известной актрисе, а просто как к женщине, которой в настоящее время очень нужна помощь человека, находящегося с ней круглосуточно.

В один из дней, когда Лена на секундочку выйдет из палаты и они с мужем останутся одни, она тихо произнесет:

— Толя, если со мной что случится, пожалуйста, не обижай Лену!

Сказала и успокоилась. Мало ли что может произойти в ее непрестом положении. После столь чудовищной операции. Да еще и в ее возрасте. И что тогда будет с Анатолием Львовичем?

Возраст... Она его никогда и не скрывала. На протяжении последних лет пятнадцати ее часто спрашивали, в чем секрет ее молодости, и она неизменно отвечала:

«Вы, наверное, ждете, что я вам расскажу о какой-то специальной гимнастике, о массажах... Ничего этого нет. Когда-то я регулярно делала гимнастику, одно время увлекалась йогой — я не очень гибкая и поэтому

пыталась делать какие-то упражнения. Единственное мое серьезное увлечение — ходьба. В юности я исходила всю Москву, причем одна. Хожу я вообще очень быстро. А сейчас какая-то ленивая стала. Гимнастикой регулярно уже не занимаюсь, ни в какие бассейны не хожу. Правда, я так много бегаю по квартире.

Просто я не думаю о том, сколько мне лет и как мне себя вести. Как ведется, так и веду».

Еще говорят, что любая болезнь — расплата за что-то. За грехи наши тяжкие. Может быть, жила не очень правильно, а вот насчет грехов... Грех для нее в первую очередь — это предательство. А она никогда и никого не предавала. Ее предавали, да. Шептались за спиной. Срывали свою злость на ней. Может быть, за то, что была выше интриг, что никогда не позволяла прийти на репетицию не в тонусе, за то, что оставалась в балетном классе и истязала себя до тех самых пор, пока не доводила пластику и движения до совершенства. За то, что у нее всегда была своя планка. Пусть завышенная. Но ведь по отношению к себе же... Сомневалась до последней репетиции, как будто только в театр пришла. А потом выходила на сцену и показывала, как надо играть. Так ей говорили, не она сама это придумала.

Тогда за что?

За красоту, молодость, талант, за то, что на протяжении стольких лет, выходя на сцену театра, дарила людям радость? За то, что мужики разных возрастов толпами ходили за ней, признавались в любви? Но ведь она никогда не давала им надежду, потому что... всегда была замужем. Может быть, они хотели бы оказаться на месте ее мужей, но ведь это ее выбор.

За то, что никогда не делала гадости другим, за то, что умудрилась сохранить хорошие отношения с бывшими мужьями. Иногда в ее квартире раздавался телефонный звонок, и, поднимая трубку, она непременно слышала: «Маленькая». Так ее называет только Рудька Борецкий. Хотя теперь он уже давно не Рудька, а Рудольф Андреевич Борецкий — профессор кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ, доктор филологических наук. Студенты от него без ума. Канделаки сначала воспринял ее побег в штыки, но со временем все страсти улеглись... Когда он заболел, она ездила вместе с Толей к нему в больницу. Владимир Аркадьевич был против этого, видимо, не хотел, чтобы она видела его в таком состоянии. А она все равно приезжала...

Ее обвиняли в том, что она разлучница. Ну а как еще назвать женщину, которая уводит мужчину из семьи? Так было во все времена. Наверное, это и есть ее самый большой грех, и не будет она говорить, что ни в чем не

виновата. Хотя в чем ее вина? В том, что полюбила? Так сердцу — то ведь не прикажешь. И расплачивалась за свою любовь страданиями. Если бы она строила козни, писала анонимки, ставила ультиматумы. Не делала она этого, решения принимали они сами.

Разве не обвиняли ее в том, что женой Канделаки она стала исключительно по расчету: богатый, знаменитый, да еще и главный режиссер театра, в котором она работает.

Да, он был знаменитый. И знала его не только вся театральная Москва. А вот насчет того, что богатый... Одно время у него было немерено денег. Но они у него долго не задерживались. Что поделаешь — грузинский темперамент и размах! А потом... Какие у них могли появиться особенные деньги, откуда? Это же было такое время, когда он с концертами не ездил, зарплата в основном отдавалась в первую семью, где подрастала дочь. И «доброжелатели» об этом прекрасно знали. Как знали и о том, что свою совместную жизнь они начинали, живя у друзей. Потом какое-то время снимали жилье. Потом ей, а вовсе не Канделаки, дали крошечную квартирку, где они прожили пять лет. Если бы у него были деньги, стал бы он разменивать ту, в которой жила его прежняя семья? Конечно же нет, проще было бы купить. Но в то время не то что квартиру — им даже мебель не на что было купить. Но зачем об этом было знать недоброжелателям? Бог с ними! Все-таки хороших людей вокруг намного больше.

А деньги... Деньги она может заработать и сама. Сказано — сделано. Она создала небольшую «концертную бригаду» — она сама, Александр Горелик, Анатолий Пиневиц, Эмиль Орловецкий и братья Сазоновы — Геннадий и Валерий — прекрасные танцовщики, непревзойденные мастера степа. И с этой бригадой она на протяжении многих лет ездила на концерты по городам Советского Союза. Выезжали они и за рубеж.

Вспомнился забавный эпизод. Они репетировали отрывок из мюзикла «Хелло, Долли!» — она, Александр Горелик и братья Сазоновы. По мизансцене ее Долли танцует степ вместе с гангстерами, которых и исполняли Сазоновы. Степ и для подготовленного танцовщика сложен, что тогда говорить о ней. Хотя многие удивлялись, когда видели ее в балетном классе, а кто-то, наверное, и не понимал — зачем делать станок наравне с балетными — ведь для актрисы ее уровня достаточно просто небольшой разминки.

А она делала. Раз-два... Раз-два... Плие... батман... арабеск... Вперед, в сторону, назад. В глазах загораются огоньки. Щеки покраснелись. Вдох — выдох. Носок завивается к потолку, голова почти касается пола.

Засверкали бисеринки пота. Вдох — выдох...

— Татьяна Ивановна! — услышит она однажды от братьев. — Мы все понимаем. Давайте поступим так: вы только обозначайте, что вы будто бы танцуете, а все остальное сделаем мы. Никто из зрителей и не заметит.

— Нет, — услышали в ответ Геннадий и Валерий, — не буду обозначать, буду танцевать, как вы. Все нужно делать по-настоящему. Научите меня?

И на какое-то время народная артистка тогда еще РСФСР превратилась в послушную ученицу.

Братья только диву давались, глядя на то, как она буквально на лету схватывает все премудрости степа.

— Ну вы даете, Татьяна Ивановна! — услышала она восхищенное.

— Да ладно вам, — улыбнулась смущенно.

Было время, когда к их компании присоединялся и Владимир Аркадьевич, тогда он уже не руководил Театром оперетты, а просто был актером Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Они выступали вместе. А после концерта Канделаки словно «приказывал»: «Все зашли ко мне!» И все собирались в гостинице в их номере. Так принято на гастролях. И она на глазах у «изумленной публики» превращалась в просто жену и хозяйку, с которой можно было поговорить на любую тему.

Гастроли сближают людей. Перелеты, переезды, жилье в одной гостинице, совместный отдых в свободное время...

Она не любила обращать на себя внимание. Кремер частенько называл ее «женщина без выкрутасов», она лишь хохотала в ответ. Летом, если они выезжали на гастроли на юг ли, на Украину ли, она ходила по улицам в сарафанчике на ляпочках, в сандалиях на босу ногу, на голове — косынка... Ее действительно практически никто не узнавал, а она была и рада этому.

Хотя однажды ее неузнаваемость привела к тому, что пришлось задержать начало спектакля. Дело было в конце 50-х.

В те времена нравы были более чем строгие. В 1953 году отменили запрет на декольте, и появились коллекции платьев с вырезом. И тем не менее открытые плечи, большие декольте, чересчур открытая спина не приветствовались в повседневной жизни. Да она и не любила «оголяться». Ее и на сцене-то «раздеть» было весьма проблематично. И художники по костюмам с ней постоянно мучились, отстаивая каждый миллиметр выреза на платье у ее героини. Что уж говорить про повседневную жизнь. В то

лето театр уехал на гастроли в один из южных городов. В чемодан она положила новое летнее платье — оно ей настолько нравилось, что она, вопреки своим правилам, уступила уговорам портнихи и смирилась с тем, что спина будет чуть более открытой, чем всегда.

— Танечка, — уговаривала портниха, — это же для летнего отдыха. Вот поедешь отдыхать, как наденешь на пляж, так все и ахнут от восхищения.

Портниха оказалась права. А ей самой платье настолько нравилось, что однажды она надела его вечером и решила пешком прогуляться до театра. Шла по улицам и вдыхала аромат южного города.

И вдруг услышала:

— Пройдемте, гражданочка!

Рядом с ней оказались два милиционера.

— Вы мне?

— Вам.

Пришлось пройти в отделение милиции. А там выслушать целую лекцию о нравах, о том, что можно носить приличной девушке, а что нельзя. Она слушала и поглядывала на часы — время неумолимо приближалось к началу вечернего спектакля. А ведь ей еще надо приготовиться.

— Отпустите меня, пожалуйста. У меня скоро спектакль начнется.

— Ах вы еще в таком виде и в театр собрались... Ну знаете ли...

Лекция началась по второму кругу.

— Я — актриса, — пыталась она объяснить ситуацию. — На сцену выйду совсем в другом костюме.

— Актриса? Ну-ну... И как же ваша фамилия?

— Меня зовут Татьяна Шмыга.

— Девушка, сегодня явно не ваш день, — прервал ее один из милиционеров. — Как раз вчера я был на спектакле и видел на сцене Татьяну Шмыгу. Вы на нее нисколько не похожи.

— Но я правда Шмыга! — Она чуть не плакала. — Сейчас удостоверение покажу. — И она полезла в сумочку, но с ужасом обнаружила, что документы оставила в гостинице.

— Позвоните, пожалуйста, в театр. Спросите Владимира Аркадьевича Канделаки. Он вам подтвердит, что я — это я. Меня там уже потеряли. Только не говорите, что вы из милиции, а то через три секунды весь театр будет знать...

Один из милиционеров пододвинул к ней телефон.

— Позвоните сами.

— Здравствуйте! — произнесла она в трубку. — Это Таня Шмыга. Можно попросить Владимира Аркадьевича? Нет— нет, все в порядке...

— Девочка! Ты где? Что случилось? Почему тебя нет в театре?

— Владимир Аркадьевич, я в милиции, это недалеко от театра. Подтвердите, пожалуйста, что я — это я.

Через несколько минут Канделаки бушевал в небольшой комнате в отделении милиции.

— Вы кого забрали? Как вы могли про нее хоть что-то подумать? Чем вам ее платье-то не угодило? Мы уже скоро месяц гастролируем здесь, по всему городу афиши расклеены, а вы Шмыгу за то, что вырез на спине больше на два сантиметра, чем положено, в отделение забрали. Вы хоть понимаете, что вы делаете?! Вы бы лучше девок непотребных ловили, а не ведущую актрису театра и мою жену... Совсем с ума посходили со своей нравственностью. В ресторане вечером поужинать невозможно, от б... отбоя нет. А вы...

Канделаки иногда мог быть очень грубым.

— Они меня не узнали, Владимир Аркадьевич, — тихо произнесла она. — А удостоверение я в гостинице оставила. Сама виновата.

— Вы не узнали Шмыгу? — От услышанного Канделаки даже ругаться перестал.

— Ну да, — обреченно сказал один из них. — Я вчера видел вашу жену на сцене. И она была совсем не похожа на эту девушку.

Вечером, как всегда после спектакля, в их номере собралась компания. Тема обсуждения была одна — как Татьяну Шмыгу в милицию забрали. Хохотали до упаду. Она — громче всех...

— Танька! — смеялся Канделаки. — Ну если ты не похожа на Шмыгу, хоть документы с собой тогда всегда носи.

На гастролях вообще много всего случилось. И смешного, и грустного...

Однажды у нее буквально перед самым выходом на сцену сломался передний зуб.

Лето 1977 года. Она уже около месяца гастролирует по Украине с оркестром легкой музыки МГУ под руководством Анатолия Кремера. Оркестр, созданный в конце 50-х годов, имел невероятный успех не только в Москве, но и за ее пределами. Иногда на концерты зрители прорывались всеми правдами и неправдами, потому что невозможно было купить билеты.

И вот они в Мелитополе. По всему городу расклеены афиши, все билеты проданы. Концерты были построены так: в первом отделении оркестр и его солисты выступали со своей программой, а во втором на сцену выходила она — либо одна, либо со своими партнерами.

В тот день был третий концерт — первые два прошли на ура. Она сидела у себя в гримерной и слышала, как принимают оркестр. Скоро антракт. Как ее сегодня встретит публика?

— Танюля! — В дверях гримерной стоял Анатолий Львович. — Ты как?

— Нормально. — Она как всегда по традиции докрашивала ногти.

— Скажешь, когда будешь готова.

Она кивнула.

Первый звонок. Второй. Что ж, пора на выход. Она сделала шаг к двери и вдруг поняла, что с ней что-то произошло. Что именно? Подошла к зеркалу. Вроде все в порядке. Костюм, грим... Что-то не то. За щекой что-то перекачивается, словно леденец. Но ведь она не ела конфет. То, что оказалось у нее на ладони, повергло ее в шок. Улыбнулась в зеркало. Третий звонок. Это конец. В гримерную заглянула костюмерша:

— Татьяна Ивановна, начинаем!

Она в ответ молча показала ей свою ладонь.

И вдруг слышит за дверью гримерной рассерженный голос Кремера:

— В чем дело?

— А-а-а-натолий Львович, — заикаясь, начала костюмерша, — у Татьяны Ивановны серьезные неприятности.

— Что случилось?

— Зуб сломался!

— Ну так почините!

— Это невозможно. Нужен врач.

— Твою мать! Неужели в этой дыре нет стоматолога?

— Уже ищем. Анатолий Львович, не волнуйтесь.

Когда она вовремя не подошла к выходу на сцену, он подумал, что случилось что-то страшное — упала, сломала руку, ногу, да все, что угодно, могло случиться. От испуга за любимую женщину он сразу и не понял, о чем именно ему сказала костюмерша. А когда понял, рывком открыл дверь ее гримерной.

— Танюля, да плевать на этот зуб. Главное, что ты сама цела, я уж бог знает что успел подумать.

Глаза жены были полны слез.

— Я не смогу выйти на сцену. Как я буду петь?

Она права, мелькнуло в голове. Помимо эстетической стороны есть еще и техническая — во время пения звук идет через зубы.

— Ты только не волнуйся, ну найдут же врача, он сейчас придет и тебе поможет. Придумает что-нибудь. Он же врач все-таки.

А в зале уже слышны свист и крики: «Халтура!»

— Так, ты сиди жди врача, а я пошел выкручиваться.

Второе действие концерта пришлось перекраивать на ходу. «Персидский марш» Штрауса — беспроегранный вариант. Дирижер незаметно уходит со сцены — музыканты играют сами.

— Ну что? Где зубодер? — В гримерную к ней он уже не стал заходить, чтобы лишний раз не нервировать.

— Анатолий Львович, врач пришел, но он не стоматолог.

— А кто? — Кремер уже начал рычать.

— Гинеколог.

— Кто?!!

Он открыл дверь гримерной. Его жена заливалась смехом.

— Толюня! Это могло случиться только со мной. Представляешь, Шмыге чинить зуб пришел гинеколог! Все. Иди на сцену. Я сейчас сама что-нибудь придумаю.

Но сказать проще, чем сделать. Ей надо было хоть как — то успокоить мужа.

Она прислушалась к тому, что происходило на сцене. И услышала вальс Арама Хачатуряна из «Маскарада». Так, минут пять у нее есть.

— Думай, Татьяна Ивановна, думай, — твердила как заклинание. — Лак для ногтей? Нет. Сандарачный клей? Точно.

Как она сразу не сообразила, ресницы же им приклеивают. Только бы удержался. Ресницы ресницами, а зуб — это несколько иное. Была не была.

Прилепив наклеенный на маленький кусочек ваты осколочек к зубу, она посмотрела на себя в зеркало — вроде держится. Попробовала голос — нормально. Произнесла две-три фразы — все в порядке. И бегом на сцену.

Ее встретили на ура. «Видимо, уже знают историю про зуб и гинеколога», — промелькнуло в голове.

Первый номер. Во время поклонов языком пощупала зуб — пока держится. А на втором номере она вдруг почувствовала, что приклеенный кусочек начал отваливаться. Допела с трудом. Маэстро все понял. Достаточно было одного его взгляда. Также он понял, что какое-то время ему опять придется «выкручиваться», а «починив» зуб, она вновь вернется на сцену.

Так оно и случилось. Исаак Дунаевский. Марш из кинофильма

«Цирк». На середине исполнения он боковым зрением увидел свою любимую жену в кулисе. Музыканты продолжали играть, Кремер ушел за кулисы, взял ее под руку и вывел на сцену. Зал взорвался аплодисментами.

После концерта публика долго не отпускала. А когда наконец они, усталые, но довольные тем, что все-таки, несмотря ни на что, она выступила, вышли из театра, поняли: до гостиницы, которая буквально в двух шагах, они дойдут не скоро. Такое количество автографов она раздавала только после первого прогона спектакля «Эспаньола» в Москве. «Шмыга! Шмыга!» — раздавалось со всех сторон. Казалось, что ее фамилия разносится по всему уже ночному Мелитополью. Она лишь растягивала губы в улыбке, рассмеяться она не могла. Завтра с утра ей предстоял поход — на сей раз к стоматологу.

С милицией связана еще одна история. И тоже из разряда курьезов. Это было в начале 90-х. Кремер был на гастролях, и в один из дней она отправилась на дачу в Валентиновку с подругой.

Приехали, набрали клубники и вернулись в город — времени для длительного отдыха не было. В машине обсуждали, как сейчас приедут и займутся своей красотой: сделают маску из клубники. Они вышли из машины, она закрыла ее, и, болтая, поднялись в квартиру. Только успели нанести вкусно пахнущую кашку из клубники на лицо, как раздался звонок в дверь.

— О! Кремер вернулся с гастролей. — Хохоча, она побежала открывать входную дверь. — И, как всегда, ключи дома забыл.

Открыла, не посмотрев в глазок. И ахнула... На пороге стояли два милиционера.

Через полчаса они уже сидели за накрытым столом.

«Наведение красоты» пришлось отложить. Заболтавшись, она совсем забыла о том, что квартира стоит на охране, и не позвонила на пульт.

Дача... Ее любимая дача. С ней связано столько воспоминаний. Здесь жили родители. И она была уверена в том, что именно свежий воздух и продлил ее маме жизнь. Зинаида Григорьевна любила сюда приезжать.

— Татьяна Ивановна, вам из Москвы несколько раз звонили. Просили вот это передать. — Администратор гостиницы протягивал ей листок бумаги.

Она вздрогнула. Последние десять лет она практически не жила на свете — болела мама. Один за другим перенесла три инфаркта. Порой она

разрывалась между больницей, театром, своим домом и домом, где жили родители. С годами ведь они не молодеют. Маме — 67 лет, папе — 76, Владимиру Аркадьевичу — 67. Да и самой ей в этом году исполнится 47.

Она развернула листок тут же, у стойки администратора. «Танечка! Срочно позвони домой. Канделаки». Ключ от номера упал на пол.

— Таня-Ваня! — к ней приближался ее любимый Генри Хиггинс — Александр Горелик. — Ты сегодня была в ударе. Я глаз от твоей Нинон не мог оторвать.

Он поднял ключ с пола и увидел ее глаза, полные слез.

— Что с тобой? Что-то случилось?

— Да.

Она развернулась на каблуках и побежала к себе в номер. Заказала разговор с Москвой и, пока ее соединяли, не могла сдвинуться с места. Сидела и смотрела в одну точку.

Междугородный звонок.

— Володя! — даже не поздоровавшись, чуть не закричала она. А потом еле слышно спросила: — Что? Мама?

— Да, Танечка!

— Инфаркт? Не молчи же, Володя...

— Девочка, возвращайся в Москву.

До конца гастролей оставалось десять дней.

И уже в номере директора театра:

— Георгий Павлович, я вернусь через три дня.

— Может, вам имеет смысл остаться в Москве?

— Нет! Мое имя стоит в афишах, зрители купили билеты, и я не имею права их разочаровывать.

Маму она похоронила на Введенском кладбище.

Вечером следующего дня со сцены уже раздавалось ее неповторимое:

Веселится и ликует весь ночной Монмартр,
Всюду море ослепительных огней.

Так уж устроены актеры: как бы тяжело им ни было, они выходят на освещенную сцену после похорон своих родных и близких, а иногда и в день их смерти, и если им по замыслу спектакля в тот вечер предстоит заразить зрителей энергией и жизнелюбием, они, будучи сами надломлены горем, выйдут на сцену, и будут на той сцене царить сплошная энергия и

сплошное жизнелюбие.

Зал стонал от «Карамболины», а за кулисами партнеры видели ее заплаканные глаза, осунувшееся и, несмотря на грим, очень бледное лицо, испарину, покрывавшую лоб, дрожащие руки и тихий шепот: «Не могу, не могу, больше не могу!» И снова на сцену. И снова:

Улыбкой нежной, чуть-чуть небрежной
Ты сердце каждого пленишь.

И ее неповторимое «О-ля!» со звонким колокольчиком наверху.

И снова канкан, и снова ее знаменитая проходка по авансцене, и снова неповторимый жест под подбородком — ее героиня будто сошла с полотна Тулуз-Лотрека. В тот вечер она бисировала три раза. Зрители, словно почувствовав что-то, никак не хотели отпускать со сцены любимую актрису.

А вечером следующего дня была «Моя прекрасная леди».

— Танечка! Ты как? — Это Саша Горелик открыл дверь ее гримерной.

— Вот и моя бабушка, говорят, померла от инфлюэнцы, — был ему ответ. — А я так думаю, что бабушку просто укололи! «Капустная кочерыжка» готова! — Она поправила свои нелепые перчатки и походкой гориллы — правая рука и нога одновременно — вышла из гримерной.

Обязательный батман перед выходом. «Господи, пронеси!»

И вот уже зал умирает от хохота, глядя на появившуюся Шмыгу. Нахальная, вульгарная и смешная девчонка с лондонского дна в драной клетчатой юбке, вязаных чулках, громоздких башмаках и невообразимой шляпе в виде цветочного горшка. Ее толстенькая и неуклюжая героиня хрюкала, гундосила, тянула ударные гласные, произнося их в нос, и, заглывая окончания слов, со вкусом произносила на весь зрительный зал: «Подумаешь, какое г... но!»

Хохот, аплодисменты, казалось, еще чуть-чуть — и за ними не будет слышно текста. Но... Хитрая и лукавая улыбка появляется на ее губах. Зал замирает. А вместе с ним и Саша Горелик на минуту теряет дар речи. А когда наконец обретает, то... видит высунутый язык своей партнерши.

Все. Еще секунда — и можно будет давать занавес. Смех на сцене очень заразителен, а смешливость может возникнуть даже по самому незначительному поводу. Стоит одному прыснуть или пискнуть, неудержимый смех охватит всех, находящихся на сцене. За кулисами партнеры скрючиваются от смеха, музыканты в оркестре того и гляди лягут

на пол.

Генри Хиггинс, чуть нарушив мизансцену, подошел к Элизе и тихо шепнул на ухо:

— Танька! Ты гениальна, но, умоляю, прекрати. Сейчас спектакль сорвем...

И опять слышит потрясающее хрюканье.

— Шмыженька! Я тебя убью после спектакля!

И вновь видит высунутый язык.

Он все прекрасно понимал — ее многолетний партнер. Видел, как тяжело ей не плакать, знал, что ей необходимо подурочиться больше положенного по роли — только здесь, на сцене, она хоть на время может заглушить ту невыносимую боль от потери самого дорогого человека, которая рвет ее сердце на части. Поэтому и подыгрывал ей своим шепотом, чтобы она понимала — все хорошо. Она умница. И самая замечательная партнерша на всем белом свете.

Однажды она узнает совершенно невероятную историю. И поначалу не поверит в нее. Американская актриса Одри Хепберн — самая знаменитая Элиза Дулитл — в один из дней поймает волну советского радио и услышит постановку Театра оперетты «Моя прекрасная леди». Она будет настолько очарована, что не выдержит и напишет письмо в Москву, на радио. «Я знала, что в России есть много красивых женщин, — с восторгом писала знаменитая актриса. — Но теперь я знаю имя вашей прекрасной леди — Татьяна Шмыга».

Слезы навернулись на глаза. Здесь, в больнице, они были особенно близко. И плакала она часто. Ее родители... Сколько лет уже прошло с тех пор, как они ушли. Она все никак не может с этим смириться. Такое ощущение, что они где-то рядом. Она их чувствует. Хотя в детстве и не была к ним особенно привязана — была уличным ребенком. Эдаким сорванцом — бегала наперегонки с мальчишками, лазила по деревьям и легко перемахивала через заборы. Стеснительность и застенчивость придут к ней гораздо позже, и до сих пор она так и не разучилась стесняться.

А тогда...

Прибегала из школы, портфель под стол — и на улицу, гулять. Нагулявшись, устраивалась за тем же столом и делала уроки. Училась всегда легко, проблем с этим не было. Потом уборка. Мама всегда говорила: «Научись сначала делать все сама, барыней еще успеешь побыть». Она и делала, строго выполняя указания мамы.

— Танька! — шутила Зинаида Григорьевна. — Берешь веник и из

углов все на середину комнаты выметаешь. Только так.

Чистота в доме и порядок — это от мамы. Так она сама и носилась по дому с веником — из углов все на середину. Нанесет новый лак на ногти, сделает уборку и... вновь перекрашивает.

— Бимочка, — спросит однажды муж, — а нельзя наоборот: сначала уборка, а потом лак на ногти?

— Нет, — смеясь ответила она. — Лак всегда должен быть свежим.

Особая привязанность к родителям пришла с годами, и, когда их не стало, она в полной мере ощутила, что они для нее значили. Какое-то болезненное ощущение родства.

Ее родители к искусству прямого отношения не имели, но были очень образованными и воспитанными людьми. Папа — инженер, много лет проработал заместителем директора крупного завода. А мама была просто мамой, красавицей и умницей. Театр они обожали. Каждый поход туда напоминал ритуал. Мама торжественно делала прическу и маникюр, папа неторопливо брился и застегивал хрустящую белую сорочку.

А еще они любили петь. В доме было два патефона. Больше такого она не видела ни в одном доме. Голубой и красный. Один из них звучал каждый вечер. Слушали Лещенко и Утесова. Танцевали. Настоящие бальные танцы. Мазурку, венгерку. Когда были молодыми, даже призы за танцы брали. Может быть, эта их мечта об изящной жизни и возвышенных чувствах и стала для нее путеводной звездой? Почему-то из детства самым сильным воспоминанием остались они, танцующие, и розы с росой поутру на даче, куда ее возили «витаминизироваться».

Она вспомнила себя окунающей лицо в мокрые от росы бутоны белых роз и заплакала.

Нет. Ей нужны силы. Нужно уходить от воспоминаний. От грустных, во всяком случае. «Игры с памятью бесконечно опасны» — так говорила ее героиня в спектакле «Перекресток».

Все-таки она молодец, что поддалась на долгие уговоры Владимира Андреева и вышла на сцену в этой совершенно новой для нее роли — драматической.

И вновь лестница, по которой она спускается на сцену. Элегантная, молодая, красивая. Белые строгие брюки, белый батник, яркий оранжевый пиджак и столь же яркий шарф на шее. Весь ее багаж — в небольшой сумке. Она любит путешествовать и умеет это делать.

На всякий случай прикрывшись маской известной в Польше писательницы детективных романов, она начинает ни к чему не

обязывающий разговор с мужчиной, сидящим в укромном уголке многоголосого и многолюдного аэропорта. И вдруг... Неожиданно оба погружаются в воспоминания. Все началось со слова «перекресток», которое мужчина назвал магическим в своей жизни. Она узнала его сразу, а вот он ее...

И вот здесь, в небольшом зальчике международного аэропорта, она слышит всю историю своей жизни и своей любви к студенту московского института. Он рассказывает ей о ней же... О том, как три ночи подряд не спал, разгружая вагоны, чтобы купить своей любимой девушке модные туфельки, а потом, придя к ней, уснул прямо в кресле. И про самую первую их ночь вдвоем в ее общежитии — он проспал Новый год, и в гости они так и не пошли. И это была самая лучшая ночь в его жизни. Он вспоминал о прекрасной неделе, которую они провели на лыжной базе, где им выделили крохотную лачужку, «нечто среднее между конурой и сторожкой». И как им было хорошо вместе той московской студенкой зимой. И как он сбежал от нее, потому что запретили браки с иностранцами. И как потом нашел ее в Польше, куда приехал в командировку. И как пришел к ней в Москве, где она в то время гастролировала, на концерт.

Она очень хочет, чтобы он узнал ее, и боится этого — ведь сколько лет уже прошло! И провоцирует его своими подчас желчными вопросами или комментариями.

«Она призналась, что любит меня, и я с этим живу всю жизнь», — слышит ее героиня. Так долго она ждала этого признания. В душевном порыве делает шаг к нему и вдруг понимает, что все прошло и время вспять повернуть невозможно. Ну почему, почему, почему? Почему нельзя сделать это здесь и сейчас — ведь все изменилось, и в первую очередь время. Браки с иностранцами уже давно разрешены, уже нет «железного занавеса», — живи в любой стране, было бы желание. Ведь теперь уже ничего не мешает: он овдовел, в городе, где он живет, у него есть сын со своей семьей — а им он не так уж и нужен. Она несколько раз была замужем, а вот детей так и не родила. Есть только племянница, которая при любой возможности старается отправить свою тетушку отдыхать. Старики молодежь только раздражают. Своими советами и наставлениями.

Повествование о мужьях насквозь пропитано сарказмом и иронией.

— В конце концов я стала раздумывать, чем бы мне его извести — ядом, газом или подсвечником? — рассказывала ее героиня о своем уже котором по счету муже.

Что ж, говорят, что ирония и есть та самая маска для незащитных.

Хотя ее героиня и утверждала обратное: «Ирония — великое дело, с ней можно проскочить через драму!»

Жизнь показывает, что проскочить невозможно. Ее героиня уже сама готова вот-вот открыться, а там будь что будет — в конце концов, сколько им осталось еще той самой жизни на этой грешной земле.

Сердце замирает, когда он говорит: «А я вас узнал!» Вот сейчас она ему все и скажет. И вдруг слышит: «Вы — Иоанна Хмелевская!»

Все. Полное опустошение, руки опускаются и безжизненно повисают, словно плети. Она пытается их поднять к лицу, чтобы заслонить слезы в глазах.

«Ну, самозванка, ты довольна? Господи, спасибо тебе за твое милосердие. Добр ты, Господи! Все-таки он меня не узнал», — шепчет она.

А сама все понимает: он узнал ее, просто в очередной раз испугался. Слишком хлопотно в этом возрасте круто менять свою жизнь. А может быть, все-таки не узнал?

Зрительный зал плакал вместе с ее героиней, слушая ее мелодию любви, мелодию несостоявшегося счастья. Простого «бабьего» счастья, о котором мечтает каждая женщина. Вся ее жизнь и была этим самым залом ожидания — и вот сегодня она уже была близка к тому, чтобы вновь обрести то, что ждала так много лет. И... вновь потеряла. Теперь уже навсегда.

...Ее героини. Такие разные и такие любимые. Скольких она сыграла за свою жизнь... Большую и счастливую.

Почему-то вспомнился «Конкурс красоты». Ее Галя Смирнова выходила на затемненную сцену под знакомую всем с детства музыку Чарли Чаплина из фильма «Новые времена». Луч прожектора высвечивал ее фигурку, и зал замирал — на сцене был Чарли Чаплин. Маленький человечек в огромных башмаках и нелепо сползающих вниз мятых брюках, которые он постоянно подтягивает, знаменитой походочкой протанцовывал по сцене и так же внезапно, как и появился, исчезал. Именно после исполнения «Чаплинианы» один из критиков про нее напишет: «Даже когда она молчит, зрители знают, о чем думает ее героиня».

В последний раз она станцевала «Чаплиниану» в 2004 году, выйдя на сцену театра на своем юбилейном вечере. Ей было 75 лет!

О многом вспоминается с улыбкой.

Дача... Ее любимая дача в Валентиновке. Она купила ее в 1964 году. Так сложились обстоятельства, что ее пришлось продать. Уж сколько лет

там живут другие люди. И ничего там от нее не осталось. Одни воспоминания, да и то ее личные. Больно. Невыносимо больно. Но что теперь жалеть об этом, на тот момент у нее просто не было выбора.

Вот уж поистине: «Помнишь ли ты, как мы на даче кутили?»

Есть надежда, что не только у нее остались светлые воспоминания о знаменитых посиделках в Валентиновке. Особенно на Новый год.

Она ведь родилась за три часа до наступления Нового, 1929 года. Мама уговаривала папу при регистрации поставить дату 1 января, зная, что для девочки это важно. А папа сказал: «Ой, ну девчонка же. Ей в армию не идти!» И в свидетельстве о рождении появилась запись: «31 декабря 1928 года». Так папа прибавил ей целый год за три часа жизни.

Так что 31 декабря на протяжении всей ее жизни было сразу два праздника.

С утра дым стоял коромыслом. Она готовила, накрывала на стол, бегая между кухней и столовой. Кремер, затаившись на втором этаже, старался лишний раз не попадать ей под руку.

Несмотря на изящество, у нее была очень сильная рука. И когда они с мужем шутя боролись, побеждала конечно же она.

— Ребята, вы с ней поаккуратнее, — «жаловался» Кремер своим друзьям. — Раз вмажет — от стенки не отскребешь.

Шутил конечно же...

— Ваш выход, маэстро! — слышал он звонкое с первого этажа. Это означало, что стол накрыт и теперь его очередь спускаться и подниматься по лестнице, обеспечивая на столе бутылки со спиртными напитками. Шампанское, водка, коньяк, а для нее — кагор. Он покупал для нее самый лучший, но, принося домой, неизменно подшучивал:

— И зачем я это делаю? Ты же в нем все равно ничего не понимаешь...

Накрытый стол напоминал произведение искусства — и всегда с селедочкой и картошечкой под водочку.

Сама она садилась во главе стола и, потирая руки, объявляла: «Ой, сейчас выпьем, закусим!» Вдохновленные гости выпивали по рюмке, сама она едва осиливала капель пятнадцать кагора — и, трагически роняя лицо на ладони, произносила: «Боже, ну зачем же я столько пила?!» Это повторялось из раза в раз, как необходимый ритуал. После чего Кремер начинал так же традиционно пародировать ее забавную манеру.

В детстве 31 декабря взрослые поздравляли новорожденную, а потом праздновали Новый год. В этот день в ее доме всегда была елка. Эта

традиция родом из ее детства, когда папа за два часа до наступления Нового года приносил настоящую елку. Запах хвои, леса и мандаринов — это тоже из детства, ведь елочных игрушек в то время было очень мало.

Став взрослой, она сохранила традицию родительского дома. Многочисленные гости — а их иногда приезжало человек двадцать, а то и больше — в десять часов усаживались за стол. Она выслушивала поздравления, хохотала в ответ на все хвалебные оды, произносимые в ее адрес, а потом они все вместе провожали старый год. И вновь гости умудрялись пить исключительно за новорожденную. Без пяти двенадцать пробки шампанского взлетали к потолку, и, встретив Новый год, они начинали праздновать. И пили, и ели, и пели, и танцевали, и дурачились, и с горок катались, словно маленькие дети. И поскальзывались, и падали.

Иногда муж просил ее специально что-то рассказать за столом, она отмахивалась: «Отстань, ничего не помню!» У нее правда — в одно ухо влетало, из другого вылетало. Он же, наоборот, всегда любил вещать — порой рассказывал истории про нее, свидетелем которых даже не был. Выступал за двоих!

Хохот не смолкал. Смеялись над рассказами, анекдотами, подшучивали друг над другом.

— Ой, анекдот вспомнила, — говорила она и сразу же начинала смеяться.

— Тань, ты расскажи сначала. Мы ждем, — пытался успокоить ее муж.

Она начинала и не могла продолжить из-за смеха.

— Татьяна Ивановна, ты прожуй хоть сначала! — Кремер уже сам стонал от хохота.

Застолья по поводу и без, смех, шутки... Друзья, партнеры по спектаклям слетались на дачу и в городскую квартиру, словно мотыльки на свет.

Премьеры, вводы...

— О! — услышал сидевший за роялем в ее квартире Дмитрий Шумейко (в тот вечер он впервые сыграл Лефевра в «Катрин»). — Вы еще и играете?! — И увидел озорных чертенят в глазах Кремера.

Так было всегда. И дома. И на даче. Она стремилась туда в каждую свободную минуту. Иногда приезжала просто побродить по лесу, подышать свежим воздухом.

Почему-то вспомнилось, через какие тернии пробивались к зрителям музыкальные спектакли, написанные для нее Кремером.

...Ее выход был подан в лучших традициях актерского театра. Премьерша и бенефициантка, она двигалась из глубины сцены:

Мы шуты и придворные всех эпох и времен,
Театральная сцена — наша плаха и трон!
Каждый вечер все заново, зал замрет, и в тиши
Раздвигается занавес — начинается жизнь!

Серебристая мантия, роскошные туалеты, загадочная улыбка, сияние чуть раскосых глаз. На сцене — великая актриса Англии Джулия Ламберт.

А через некоторое время:

— Ну что, старая корова, как начало? Как я сегодня выгляжу?

Это — Джулия Ламберт в жизни.

— Тридцать лет тому назад вы были лучше и тоньше! — в тон ей отвечает невозмутимая служанка Эви. С годами она научилась соответствовать своей хозяйке и на все ее колкости давать достойный отпор.

— Чепуха!!! Тридцать лет тому назад я ничего не умела.

Перед зрителями проходила вся жизнь Джулии с ее бедами и радостями, любовью и разочарованием: с самого первого появления молодой и неопытной девчонки на провинциальных подмостках и до последнего прощального выхода на лондонскую сцену. «Я благодарю всех!» — произносила она в финале. Секундная пауза тонула в громе аплодисментов: они звучали одновременно и на сцене, и в зрительном зале.

«Театр — мой дом», — пела Джулия в финале. Зрители понимали, что Джулию Ламберт и Татьяну Шмыгу объединяет одно: обе они не мыслят своей жизни без театра.

Сегодня в это трудно поверить, но ведь одной из ее самых любимых ролей могло и не быть.

И дело даже не в том, что роман Сомерсета Моэма «Театр» практически невозможно перенести на театральную сцену, хотя и этот факт немаловажен. И не в том, что в то время по телевидению был показан двухсерийный фильм с несравненной Вией Артмане в роли Джулии и у всех зрителей героиня романа ассоциировалась с этой великолепной актрисой.

Дело было совсем в ином: она не могла себя представить в роли Джулии Ламберт. Ну не могла, и все тут.

Джулия Ламберт — собирательный образ, ведь за много лет своей

творческой жизни Моэм узнал многих выдающихся актрис театра и кино. В фильмах, снятых по его романам, играли Бэтт Дэвис, Коринна Гриффит, Грета Гарбо, Глория Свенсон, Глэдис Купер. Что-то он взял от образов Сары Сиддонс и Сары Бернар, не зря же последние упоминаются в романе.

Итак, Джулия Ламберт — великая актриса Англии, Сара Бернар своего времени. Ей сорок шесть лет, она красива, богата, знаменита, занята любимым делом, играет в собственном театре.

Всю свою жизнь она посвятила сцене. Публика любила ее, многие дарили ей подарки и цветы, чтобы не потерять обожателей, она каждому из них писала несколько строк благодарности в ответ. У нее были воздыхатели, с которыми она общалась лично, они признавались ей в любви и восхищались ее игрой. Джулия постоянно была на людях и никогда не оставалась одна. Вечеринки, светские мероприятия, все те места, где она была в центре внимания. К сожалению, и вне сцены она тоже жила игрой. Внутренняя необходимость в признании и любви окружающих подталкивала ее подстраивать под себя всех, с кем она общается. Муж, сын, прислуга, светское общество — все танцевали под ее дудку.

Вспоминая о прошлом, Джулия грустит: жизнь обманула ее, лишила того самого семейного счастья, о котором мечтают чуть ли не все женщины планеты. Ее любовь к мужу умерла, так и не получив ответа со стороны Майкла. Но у нее осталось ее искусство — каждый вечер она выходит на сцену, из мира притворства в мир реальности. В конце романа Джулия приходит к мысли, что настоящий театр — это и есть жизнь. Люди играют бесконечный спектакль и сами являются материалом, из которого актеры лепят потом характеры.

С одной стороны, Моэм восхищается той виртуозностью, с которой Джулия жонглирует чужими судьбами, непринужденно и с удовольствием ломая жизнь другим людям по собственной прихоти, с другой же — читатель замечает в словах автора издевку, что говорит не в пользу актерства за пределами сцены. Привычка ли это пропускать многое мимо ушей и не замечать очевидного, закостенение ли во взглядах, но слова сына, сказанные в порыве откровенности: «Ты не существуешь. Когда ты заходишь в пустую комнату, мне иногда хочется внезапно распахнуть дверь туда, но я ни разу не решился на это — боюсь, что никого там не найду!» — так и не тронули ее прохладное сердце, хотя в них была немалая доля той горькой истины, что способна свести в минус все достижения прожитой жизни.

Все это и смущало ее. Ведь они с Джулией такие разные. Но больше всего ее смущал другой момент, и именно он и мешал приступить к работе.

В центре романа — история карьеры великой актрисы Джулии Ламберт. А вокруг — тонкая, едко-ироничная история блистательной, умной актрисы, отмечающей «кризис середины жизни» романом с красивым молодым «хищником». Да и намек на то, что Джулия любит молоденьких мальчиков, сквозит на протяжении всего романа. Не зря же Моэм написал про отношение героини к мужу: «Джулия осознала, что он потерял аромат юности и стал просто мужчиной».

Она — Татьяна Шмыга — совсем другая. Да, она красива, знаменита, обожает свою работу. И у нее тоже есть толпы обожателей, которые, как любит говорить ее муж, «хвостами ходят за ней». Но в отличие от Джулии, которая живет только на сцене, а в повседневной жизни лишь притворяется (не зря же сын ее спрашивает: «Из какой это роли, мамочка?»), она — Татьяна Шмыга — не королева чардаша и не эффектная Нинон.

В ее облике и манерах ничто не выдает артистку, которой знакомы слава и успех. Закончился спектакль, закрылся занавес, отгремели овации, она сняла в своей грим-уборной театральный костюм и грим, надела очки, вышла через служебный вход на улицу — и уже через некоторое время занялась обычными повседневными делами. А блеск и шик своих героинь оставила в стенах театра. Она не путает сцену и повседневную жизнь.

Иногда доходит до смешного. Люди не из театрального мира, пришедшие в театр со служебного входа по своим делам, желая увидеть ее «в жизни», говорят: «Покажите мне вашу прославленную Шмыгу» — и с этим возгласом порой проходят мимо нее. Она только радуется этому обстоятельству. Как и тому, что на улицах ее узнают очень редко.

— Зайдешь в магазин, так не дай бог, чтобы узнали, — не раз хохотала она. — А то какая-нибудь экзальтированная дамочка воскликнет: «Ой, Татьяна Ивановна, да вы бы без очереди...» Я тут же подхватываюсь — и пулей из этого магазина.

Не любит она и светскую жизнь. Предпочитает уединение в собственном доме. Ее очень редко можно встретить на различного рода банкетах и презентациях. Она собирает гостей у себя дома. Сюда очень любят приходить друзья — а они у нее замечательные, настоящие. Люди, с которыми она прошла через десятилетия. Причем в основном они не актеры — врачи, учителя, физики.

Так что же объединяет с Джулией? Многое. И это многое называется — Театр!

Она сделала свою Джулию. Безумно талантливую, тонкую, колкую,

ироничную, трогательную, смешную, где-то нелепую, но неистово служащую лишь одному — Его Величеству Театру, пусть даже в ущерб собственной жизни. Ведь в наше время актеры служат театру не менее истово, чем в прошлые века.

Ее Джулия не была грубой, а уж тем более вульгарной, как это написано у Моэма. Свое знаменитое «черт побери!» она произносила не только с настоящим опереточным шиком, но и с необычайной тонкостью и особым женским шармом.

С таким же настоящим опереточным шиком, необычайной тонкостью и особым женским шармом она играла свой роман с молоденьким клерком. Ведь Джулия — женщина умная и все прекрасно понимает: и что происходит, и чем закончится ее столь страстное увлечение, которое со стороны выглядит несколько нелепо.

С каким лукавством и шармом истинной женщины она исполняла одну из своих любимых арий:

Когда мне стукнет шестьдесят,
Мне все на свете будет можно!
Я пива свежего напьюсь
За все не выпитое мною,
Потом большой прием устрою
И никому не улыбнусь!
Пускай мне это не простят!
А мне плевать! Плевать на ссоры.

Но ведь шестьдесят будет еще так не скоро... И именно поэтому ей еще рано прощаться с театром. Да и не простится она с ним никогда — сколько бы лет ей ни было. Потому что театр для нее — это:

«Мир, где радость и боль. И дается нам роль в нем навсегда!»

Так было и так будет всегда! Для нее, во всяком случае.

«Ну так что ж, Джулия! — беря ее за руку, восклицает в финале Джимми — тот самый антрепренер, который и сделал из нее великую актрису Англии. — Значит, завтра все заново?»

Все сначала, с нуля,

— его мысль продолжает Майкл, —

Поднимается занавес, бахромою пыля,
И на суд и расправу ожидающих лиц
По закону и праву мы идем из кулис.

Стоящие на сцене актеры подхватывают финальные слова:

Благословен во веки веков,
Дарящий нам жизнь и любовь,
Благословен щедрый во всем
Театр — наш дом, благословен!

Финал этого спектакля стал гимном театру. Единственному месту, где и есть настоящая жизнь.

Ведь еще старик Шекспир сказал, что «весь мир — театр, в нем женщины, мужчины — все актеры». И кто, как не ее Джулия, прекрасно об этом знает. Это не она притворяется в повседневной жизни, а те, кто возле нее. Это они — простые смертные — играют кто в политиков, кто в любителей старины, кто в удачливых предпринимателей. Сколько лет прошло с тех пор, как Моэм написал свой самый знаменитый роман. И что изменилось? Ровным счетом ничего — как люди играли в обычной жизни, притворялись друг перед другом, устраивали театр, так и теперь играют, притворяются и устраивают театр. И лишь актеры, закончив спектакль, снимают свои костюмы, смывают грим — и, выходя из стен театра, превращаются в обыкновенных людей, которые завтра вновь выйдут на сцену и станут оболстительницами, стервами, героями-любовниками, комиками, трагиками...

И зрители в зале понимали это. И плакали вместе с ней — сама не желая того, финал она играла «на разрыв аорты». Так уж у нее получалось. А иначе она не могла.

Многие восприняли новую постановку чуть ли не в штыки. Что только не пришлось ей услышать и прочитать в прессе. И что мюзикл весьма далек от романа Моэма, и что в нем появилось множество сомнительных острот, которые еще чуть-чуть — и приблизятся к пошлости. И что актеры на ее фоне выглядят бледновато. Но жизнь уже давно научила ее не обращать внимания на подобные уколы. Хотя иногда так и хотелось сказать: «А вы попробуйте сами». Но она не отвечала, просто выходила на сцену и играла свою любимую Джулию Ламберт. Играла для тех, кто

пришел в зрительный зал. А он на протяжении шести лет, что шел спектакль, всегда был полон.

За шесть лет декорации обветшали, играть в них с каждым разом становилось все опаснее, чтобы сделать новые, нужны были деньги, которых в театре не нашлось. В тот день, когда объявили о том, что спектакль снимается с репертуара, ей на миг показалось, что у нее остановилось сердце. И вот в тот вечер ее Джулия Ламберт просталась с театром по-настоящему. Многие зрители подумали, что сама Татьяна Шмыга прощается с театром, — настолько пронзительна была она в финале. Слезы помимо ее воли лились из глаз. И она никак не могла их остановить. В гримерной, где она, опустошенная, долго сидела после спектакля, ей впервые пришла в голову мысль: «А что со мной будет, если с репертуара снимут «Катрин», а за ней и «Джейн», премьеру которой сыграла не так давно. Ведь для меня это равносильно смерти».

Из ступора ее вывел пришедший в гримерную муж. Он, как всегда бывало в таких случаях, сидел в машине и ждал ее выхода из служебного входа театра. Она не выходила очень долго, и он, начав волноваться за жену, поднялся к ней в гримерную.

— Толя, — плакала она, — ты пойми, из меня как будто вынули часть моей души.

Танечка! Я все понимаю. Поговорим об этом дома. Пойдем. Возле служебного входа стоит толпа, все ждут тебя. Боюсь, как бы они не разнесли театр, — последнее он произнес со смехом.

Она чуть улыбнулась в ответ.

Дома, сидя за столом, муж долго втолковывал ей, что мир не рухнул от того, что сняли спектакль, потому что ее Джулия осталась при ней. Она сначала никак не могла понять, что он имеет в виду, настолько огорчилась происшедшим. Ведь эта роль так много для нее значила.

Через некоторое время, немного успокоившись, она поняла, о чем говорил ей муж. Сняли спектакль, но ведь саму Джулию у нее никто не отнимет. Она останется с ней в ее концертах, на ее творческих вечерах и встречах со зрителями.

Все-таки молодец ее любимый Кремер. Всегда умеет найти нужные слова, подобрать верные интонации, чтобы успокоить и хоть как-то отвлечь.

Что бы она без него делала?!

...А как ее Катрин пробивалась к зрителям! Забавная лукавая девчонка, прачка парижских кварталов, хулиганка и авантюристка, волею

судьбы ставшая герцогиней Данцигской. Она изо всех сил борется с Наполеоном и его двором, яростно отстаивая право на любовь. И выходит победительницей — ведь настоящая любовь, как известно, может творить чудеса.

Она не думала не гадала, что однажды и ей самой придется бороться с наполеонами от культуры и их дворами, отстаивая свое право на любовь. В данном конкретном случае — на любовь к театру.

«Катрин» пролежала на столе в одной из организаций полгода. В те времена так уж было принято, что, прежде чем театр мог принять пьесу к постановке и поставить в план, она должна была пройти множество инстанций, где ее читали, обсуждали, выискивали различные крамолы, а если не находили, все равно могли запретить к постановке. Порой без всяких на то причин. На то они и чиновники от культуры.

В один из дней ее терпение лопнуло и она решила сама пойти и во всем разобраться. Вновь пришлось вспомнить, что она — народная артистка СССР, лауреат Государственной премии РСФСР имени Глинки.

Четкого ответа на свой вопрос она так и не получила.

— Татьяна Ивановна! Видите ли в чем дело: в двух театрах Москвы уже идут спектакли о Наполеоне. Третий-то зрителям зачем?

— Один спектакль я знаю. «Наполеон I» с Михаилом Ульяновым и Ольгой Яковлевой в главных ролях. Прекрасная постановка Анатолия Васильевича Эфроса. А второй какой? Напомните, пожалуйста...

Чиновник замялся.

Она поняла, что второй постановки о Наполеоне, видимо, нет.

— Хорошо, если я не знаю, это вовсе ничего не значит. Но скажите мне, пожалуйста, а каким образом «Наполеон I» связан с «Катрин». Ведь в нашем мюзикле главной героиней является прачка Катрин. В этом вся интрига. А пьеса Брукнера — об истории любви Наполеона и Жозефины.

Через какое-то время так называемую цензуру «Катрин» в высоких инстанциях все-таки прошла. Ее разрешили к постановке.

— Видимо, наконец-то пьесу прочитали, — пошутила она.

Впереди был худсовет в театре. И на нем совершенно неожиданно для всех присутствующих прозвучало заявление тогдашнего главного режиссера театра Юрия Петрова.

— Все это конечно же хорошо, если бы это не было для Татьяны Ивановны повторением пройденного материала. Та же Элиза Дулитл.

Что же, подобное для нее не стало неожиданностью. С того памятного худсовета, на котором он единственный встал на защиту «Эспаньолы» и

именно благодаря ему этот спектакль увидели зрители, прошло несколько лет. И за это время много чего произошло. Недовольство труппы главным режиссером постепенно накапливалось. Музыкальный театр — специфический, а режиссеру порой в голову не приходило, почему актеры не могут репетировать по пять-шесть часов, почему музыканты порой уходят с репетиций. Объяснялось все это очень просто — вечером они должны были играть спектакль. А как его играть, если во время репетиций они настолько уставали, что с трудом восстанавливались к вечеру. Порой он допускал непреднамеренные бестактности — упаси бог, он вовсе не хотел обидеть актеров, но тем не менее обижал. Актеры ведь безумно ранимые люди, а он порой забывал об этом.

Дважды он таким образом невольно обидел и ее. Дело прошлое, что теперь вспоминать об этом. Не зря же говорят: все, что ни делается, — к лучшему. Может, и хорошо, что она не сыграла в «Пенелопе» и в «Королеве чардаша». Хотя в первой постановке репетировала с удовольствием. А вот что касается второй... После первого же разговора с режиссером она поняла, что никогда в жизни не будет играть «простую тетку, хоть и жену князя». О чем тут же и сказала Петрову.

Как она устала от всего этого. Почему не может жить, как все другие нормальные люди. Потому и не может, что все другие — те, которые нормальные, потому и нормальные, что живут, как надо. А она живет так, как считает нужным. В самом хорошем смысле этого слова.

Не исключено, что двумя своими отказами она и вызвала его недовольство.

К счастью, члены художественного совета, воспользовавшись тем, что главный режиссер ненадолго отлучился, моментально проголосовали за постановку «Катрин». И ему ничего не оставалось делать, как принять сей факт как данность.

А ведь могло этого и не случиться. Сыграл свою роль тот самый случай, в который она всегда так верила.

В тот день она с самого утра слышала доносившийся из кабинета мужа хохот.

— Император с утра был сердит...

Рифма к этой строчке придумывалась долго и со вкусом. Причем порой такая, что она даже и не рискнула бы произносить все это вслух.

Все понятно, «мальчики» — ее любимый Кремер и его друг — замечательный поэт Александр Дмоховский — отрывались по полной программе.

Начав совместную работу, Кремер предложил другу, а можно сказать, фактически поставил ультиматум, чтобы он на время работы переехал жить к ним, и даже ради такого случая пожертвовал своим кабинетом, уступив его другу.

В общем, остроты поэта и композитора сыпались как из рога изобилия, а взрывы хохота были слышны даже через закрытую дверь, впрочем, как прорывались и некоторые рифмы.

И вдруг сквозь смех услышала:

— «Импердатор» с утра был сердит.

На миг она застыла в коридоре.

— Кремер! — Еле сдерживаясь от хохота и стараясь сохранить серьезное лицо, она постучала в дверь кабинета. — Вы сколько выпили?

Дверь открылась.

— Танечка, ты только послушай.

И они начали по новой:

— Император с утра был сердит, потому что он...

Все... Занавес.

— Через полчаса будем обедать, — отсмеявшись, только и сумела вымолвить она.

Спектакль сдавали художественному совету 28 декабря 1984 года. Пришедший от Союза композиторов Ян Френкель после просмотра сказал: «Я считаю, что это праздник, полный шампанского!» И никто ничего обсуждать не стал. Через два дня, 30 декабря, они сыграли «Катрин» первый раз на публике. Зрители приняли на ура.

Для нее лично вся работа над Катрин стала праздником, полным шампанского. Настолько она была интересной и... легкой. Собралась прекрасная команда единомышленников. Режиссер Евгений Радомысленский, художник Сергей Бархин, дирижер Эльмар Абусалимов. А какие актеры: Вячеслав Богачев (его потом признали лучшим исполнителем роли Наполеона), Эмиль Орловецкий, Валерий Барынин... Репетировали дружно и слаженно. В одну из таких репетиций и родился тот самый ее знаменитый жест рукой в воздухе — двойной винтовой взмах вверх. И с тех пор, вспыхивая, Катрин всегда делала этот выразительный взмах рукой.

Мало кто знает, что так любившийся и актерам, и зрителям французский танец фрикасе был написан Кремером... от безысходности. В пьесе есть ремарка — герои танцуют танец фрикасе. А вот что это за танец,

не знал никто. Понятно только одно — его танцевал простой народ.

Композитор перелопатил горы музыкальной литературы в надежде найти хоть что-нибудь, имеющее отношение к этому старинному французскому народному танцу. Поиски успехом не увенчались. И тогда, решив сделать французам подарок — так он шутил впоследствии, — сам написал музыку.

Во время «великосветского» приема в доме Катрин назревает скандал. Сестры Наполеона постоянно задирают ее, намекая на необразованность и неумение держаться в свете. Катрин, предупрежденная Фуше, старается не реагировать.

— Нельзя же быть герцогиней с языком торговки и женой маршала Франции с замашками маркитантки.

В ажиотаже они обвиняют ее в том, что она во время военных походов спала на бивуаке с простыми солдатами под одним одеялом. Эту провокацию она не смогла выдержать.

— Да, мы укрывались с ними одной шинелью, — обида захлестнула Катрин. И не столько за себя, сколько за своего Лефевра и за всех солдат.

Были снега, ветер и мгла,
И пепел от края до края.
Шла наша юность, и армия шла,
Самых отважных теряла.
Самых надежных теряя.

Я шла за ней всегда
Честно на подвиг любой.
Да, я горда, вечно горда
Этой судьбой.

Можете мне в глаза посмотреть,
Увидите вы все, что было.
Многим от ран не дала умереть,
Многих в земле схоронила.
Многих в душе сохранила.

И все ж я шла всегда
С ними на подвиг любой.
Да, я горда, я горда

Этой судьбой!

Дружба верна, и мысли чисты.
Мы все заслужили по праву —
Наши надежды и наши мечты,
Нашу солдатскую славу.
Нашу негромкую славу.

И все ж я шла всегда
С ними на подвиг любой.
Да, я горда, горда
Этой судьбой!

Слезы застилают ее глаза, но она, гордо вскинув голову, дает отпор этим куклам.

— Если бы я только подала глоток героям, которые завоевали для вас целое государство, я сделала бы гораздо больше, чем вы, которые потрудились поднять свои короны из нашей солдатской крови.

— Как вы смели, мадам! — сестры оскорбились. — Берегитесь, мадам! Не простим мы этого вам!

Зная, что последует за подобным скандалом, после ухода гостей Лефевр, чтобы отвлечь жену от грустных мыслей, произносит:

— Ну что, Катрин, фрикасе?

Этот танец уже немолодых людей — своеобразный вызов Наполеону и его двору, всем напомаженным и разодетым куклам, которые только и умеют, что лицемерить.

У спектакля оказалась долгая жизнь. На протяжении двадцати с лишним лет менялись исполнители ролей, и лишь она одна оставалась неизменной Катрин. Иногда она даже жалела о том, что больше никто из актрис не играет Катрин, — ей так хотелось посмотреть эту постановку из зрительного зала. Как, впрочем, и «Джулию», и «Джейн».

Героиню Сомерсета Моэма Джейн в одноименной постановке она сыграла вопреки... Вопреки многим сложившимся обстоятельствам. Иногда у нее опускались руки.

Роль не получалась. Актеры по-разному воспринимают свои неудачи.

Одни, учуяв ее, сразу же бросают наработанное и принимаются за другой замысел, другие ищут повсюду виноватых, третьи — изворачиваются так, чтобы найти сильные стороны в своей слабой работе, с тем чтобы выдать все это за великое новшество.

Она же никогда не бросала начатое на полпути, потому что привыкла все доводить до конца. Так было с ее Мари — из мюзикла «Вестсайдская история», которую поставил на сцене Георгий Ансимов. Ввод был срочным, на стадии уже последних репетиций, изначально Мари готовила другая актриса. В театре есть план, и нарушать его нельзя. У нее было очень мало времени, для того чтобы прочувствовать эту роль, тем более что она так отличалась от ее прежних героинь, простых девчонок.

Сжатые сроки, жесткие режиссерские рамки, ограничивающие рисунок роли, были отнюдь не ее помощниками. Но она никого не обвиняла. Просто из вечера в вечер, выходя на сцену в роли пуэрториканки Мари, пыталась осознать, почему у нее ничего не получается. Никак она не могла понять эту девушку, не ее это роль, и все. Любаша — ее, Элиза Дулитл — ее, с Мари ничего не получалось.

Не получилась у нее и Мария Семеновна Косарева в оперетте «Касатка». Да что там не получилась, это был откровенный провал. И опять ввод. На сей раз уже после премьеры. Она сразу поняла, что роль «светской львицы», обольстительницы, певицы из кафешантана, прозванной «Касатка», не ее. Чисто по-женски она не легла ей на душу. Но... роли не выбирают, на них назначают.

Она довела работу до конца. И вышла на сцену. И сыграла. А вот переломить себя ей так и не удалось. Она не имеет права быть злой на сцене. И пусть говорят, что у нее завышенные требования. Может быть, слишком высока поставленная планка. Но опускаться ниже — себя потерять.

После того, первого и единственного, выхода на сцену в роли Маши — Касатки, она дала себе слово, что теперь будет играть только те роли, которые хочет. Она заслужила это право — выбирать. Пусть их будет меньше, но ни за одну из них ей не будет стыдно и не придется краснеть на поклонах.

И когда в очередной раз, уже который по счету, у нее опустились руки, она поняла, что все-таки должна довести работу до конца. А там будь что будет. Во всяком случае, сама себе она смело может сказать: «Я сделала все, что могла». Она не стала искать виноватых вокруг — так сложились обстоятельства. А обстоятельства с каждым днем складывались все хуже и хуже.

Все было против с самого начала. Очередная история про превращение Золушки в принцессу. Только этой Золушке из Ливерпуля за пятьдесят. И поначалу очень уж она похожа на комическую старуху. А преображает ее не кто иной, как молодой муж, который годится ей в сыновья. Практически та же история, что и с Джулией. Хотя все-таки с Джейн — немного иначе. Пусть молодой муж, но тем не менее когда женщина младше мужчины — это естественно, а вот старше... Есть в этом нечто, что противоречит ее натуре. А если так, то как она может это играть? И что ей вообще играть в этой роли? Джейн у Моэма — какая-то великовозрастная дурочка. А если уж быть совсем точной — инфантильная идиотка. А она не хочет быть такой! С чего вдруг добропорядочная вдова влюбляется в молодого юнца и становится его женой? Почему вдруг женщина, которая на протяжении многих лет шьет платья у одной и той же портнихи, решает кардинально изменить свой гардероб? Ответ напрашивается один — этот молодой человек расшевелил ее как женщину. А это уже пошло — слишком смахивает на увлечения женщин молодыми мальчиками, чтобы продлить молодость. Женщин понять можно, а вот молодых мужчин? Что их привлекает в подобных союзах? Конечно же деньги. А ее героиня — богатая вдова. И именно об этом и говорит жена ее брата Мэрион. Но ведь Гилберт — состоятельный. Тогда что? Любовь?

А если он полюбил не великовозрастную дурочку и зануду, коей ее считают лондонские родственники, а задорную, озорную, а где-то и хулиганку Джейн. А что, если как раз и сыграть это волшебное превращение — из комической старухи в героиню.

Только разобралась со своей героиней, как ее ждал новый удар.

Той ночью ей приснился странный сон: маленький Володя бежал навстречу и протягивал свою любимую игрушку — яркого попугая. Сон был красивым, добрым и светлым. Но, проснувшись, она не могла понять, откуда на сердце такая тоска. Вспомнилась картинка из детства — сон повторил ее в точности. Вот она приходит домой из больницы, где долго пролежала после перитонита, вот она открывает дверь комнаты... И первое, что видит: к ней топает маленький братик и протягивает своего любимого попугая: «Ня!» Он тогда был еще в том возрасте, когда не мог сказать, как он ее любит и как скучал без нее.

«Я просто устала, — пыталась она прогнать от себя грустные мысли. — Мне надо отдохнуть. Вот сыграю Джейн, уеду на несколько дней на дачу».

— Нет, — прошептала она в телефонную трубку. — Нет!

Выходя из храма, где отпевали брата, она услышит: «Ну и надменная же эта Шмыга!»

Бог судья человеку, произнесшему подобное.

«Вот и дожидая ты, Татьяна Ивановна! От тебя даже у гроба ждут канкан». В промелькнувшей мысли не было ни грусти, ни сожаления. Лишь констатация. В душе — пустота. Она выжжена. Хрупкая березовая веточка, повисшая на тоненькой шкурке, чуть тронь — и она оторвется. И сердце рвется на тысячи мелких осколков. От боли и невозможности хоть что-то исправить — не уберегла брата. Ведь сколько бы лет ему ни было, все равно он младше на целых десять. Она — старшая сестра.

Если бы у нее был другой характер, она бы обязательно высказала тому человеку, у которого даже в храме с языка капал яд, все, что она про него думает. Не в этот день, конечно, но сказала бы непременно. Но у нее иной характер и она никогда не опустится до выяснения отношений.

После похорон брата она долго не могла начать работать. «Господи, ну зачем я во все это ввязалась?» У нее не было ни сил, ни желания работать над столь странным спектаклем. Встряхнул ее муж.

— Танюля, я же все вижу и понимаю. Давай прекратим! — сказал он ей однажды.

— Нет.

Изо дня в день, порой отчаявшись, все равно приходила на репетиции и работала над ролью Джейн. И плыла, плыла порой из последних сил в ту сторону, где, по ее убеждению, была истина и смысл этой работы. Сколько дней в театре и бессонных ночей дома провела она в отчаянии, в одиночку пробираясь к своему замыслу.

Незадолго до премьеры сменилась вся постановочная группа — режиссер уехал, балетмейстер ушел, дирижер серьезно заболел, а Кремеру пришлось не только встать самому за пульт, но и стать художественным руководителем всей постановки. Он мог бы повернуться и уйти, но тогда не было бы спектакля. А спектакль надо выпускать — он уже заявлен в планах театра, иначе будет скандал.

Если бы она верила в потусторонние силы, то могла бы подумать, что их всех кто-то сглазил. Ну не может же такого быть. Просто заколдованный спектакль какой-то...

Когда пришли новый режиссер, балетмейстер и художник, то актеры, занятые в постановке, уже не хотели ничего. Настолько они устали от

всего. Толком не было репетиций ни с режиссером, ни с оркестром, ни с балетмейстером. Единственное, что делали актеры за это время, — разучивали с концертмейстерами свои партии.

Что на нее тогда нашло, она до сих пор понять не может. Она никогда не вмешивалась в работу своего мужа. И даже когда он, написав, просил послушать и оценить, она всегда отшучивалась:

— Это не моя профессия. Вот когда начну учить партию, тогда, может быть, и скажу, как она мне.

А в тот раз она нарушила свое неписаное правило. Разучивая партию Джейн, ей в какой-то момент показалось, что одну из арий своей героини просто не вытянет или сорвет на ней голос — слишком высока тесситура, в которой она написана.

— Давайте попробуем на тон ниже, — предложила концертмейстер.

Она почему-то согласилась. И вот в один из дней дверь класса открылась, и на пороге появился ее муж.

— А мы тут работаем, Анатолий Львович, — несколько испуганно говорит концертмейстер.

Он заглянул ей через плечо и увидел в нотах, стоящих на пюпитре, поправки.

— Что за филькина грамота? — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, поинтересовался композитор.

— Татьяне Ивановне в этом месте будет неудобно петь, — оправдывается концертмейстер.

Она сама молчит. В театре работать с вокалистами — прерогатива дирижера, тем более что дирижер еще и автор музыки. Потом все-таки не выдержала и сказала:

— Здесь слишком высокая тесситура.

— Девочки! А вам не приходило в голову, что человек, который пишет музыку, владеет своей профессией и понимает, что именно он делает.

Он прав — кто, как не он, знает возможности ее голоса.

— Даю вам две недели, разучите, пожалуйста, партию такой, какой она написана. А еще я вас могу обрадовать — я главный дирижер и художественный руководитель всей постановки.

— Мы все знаем, — дружно ответили они с концертмейстером. В отличие от мужа она всегда читала вывешенные на доске приказы.

Через две недели она спела партию так, как это и было написано композитором.

— Ну как? — хором спросили они с концертмейстером.

— Все нормально, все звучит. Теперь убедилась в моей правоте?

- Толя, зачем ты так? — спросит она его уже дома.
— Затем, что каждый должен знать свое место, — был ей ответ.

Что же, проигрывать в искусстве тоже надо уметь. И если уж ей суждено будет проиграть, то она сделает это с честью.

Спектакль закончился. Поклоны, занавес и... тишина в зрительном зале. Десять секунд показались ей вечностью. Время в жизни и время на сцене — разные вещи. «Это провал!» — единственное, что пронеслось у нее в голове. И вдруг — шквал оваций.

Стоящий за дирижерским пультом Кремер от неожиданности даже повернулся к зрительному залу.

Они победили! А вот какой ценой далась победа, зрителю знать необязательно.

Это была, пожалуй, одна из самых трудных работ в жизни. Но... Зрители приняли ее Джейн, а это дороже всего.

А все остальное...

Уже потом она услышит, что автору либретто не удалось сделать из новеллы Моэма полноценную пьесу, и что в спектакле нет драматургии, и что музыка эта всего лишь повторение «Джулии» и «Катрин», и что в театре этот спектакль иначе как «Угадай мелодию» и не называют.

Она прекрасно знала, откуда ветер дует. История старая, и ворошить ее она не собирается.

— Вон отсюда! — Глаза сверкнули под стеклами очков. Подобного она не позволяла себе никогда в жизни. Но настал предел. — И чтобы больше я вас никогда в жизни здесь не видела!

Человек, с чьей подачи и пошли гулять по театру подобные сплетни, растерянно стоял в дверях ее квартиры. Кремеру на миг показалось, что еще чуть-чуть — и его жена спустит с лестницы этого незваного гостя.

— Чтобы судить о творчестве композитора, — за своего мужа она готова была перегрызть горло, — для начала надо хотя бы разбираться в музыке. Будьте здоровы! — И она, развернувшись на каблуках, ушла вглубь квартиры.

— Таня, Танечка! — Он обнял жену, ее била дрожь. — Бимочка, успокойся. Ну зачем ты так? Зачем тратишь свои нервы. Ты же все прекрасно знаешь.

— И именно поэтому я указала на дверь. Это гадко и мерзко, тем более что к спектаклю это не имеет никакого отношения.

— Танюль, да я и сам считаю, что самая лучшая из моих работ —

«Джулия». Хотя и «Катрин» мне нравится, не скажу, что недоволен. А вот «Джейн»...

— Да? — Слезы моментально высохли. — А мне нравится. А тебе не нравится, потому что твое дело писать музыку, а не заниматься организационными вопросами. Тебе напомнить, как мы выпускали «Джейн»?

...Уже через несколько спектаклей она поняла, насколько была неправа в самом начале своей работы над Джейн. Ну какая же ее героиня комическая старуха? И как ей только подобное могло в голову прийти.

Ведь она появляется на сцене, выпрыгнув словно чертенок из табакерки:

«Вы с нетерпением ждали мой приезд сюда!» — не спрашивает, а утверждает она.

И уже через пять минут зритель забывает, что вначале был шокирован внешним видом героини — старомодное плюшевое платье с фонариками на плечах, старомодная прическа с косичками, закрученными вокруг ушей. Непосредственность, стремительность, чистота и наивность Джейн моментально подкупают буквально всех.

Когда вокруг родные и друзья,
Грустить нельзя, забудьте все печали!
Летят часы, недели и года,
И я как будто снова молода,
Как будто снова все опять сначала! —

словно маленькая девочка, радуется она тому, что вновь видит своих родственников, потому что «дружба — это лучшая награда».

И тут же увлекает в вихрь танца свояченицу Мэрион — именно так кружатся расшалившиеся школьницы на перемене, почтенно танцует с ее братом Эллиотом, раскланивается с адмиралом и обнимается со своим братом.

В отличие от них всех, кто живет под девизом «Мы рабы своего положения», Джейн не боится показаться смешной и нелепой. И сама не желая того, она взрывает весь этот правильный, но однообразный и чопорный мир. Чем и вызывает сначала удивление, а потом и заинтересованность собственной персоной у сэра Реджинальда. Ведь буквально перед ее появлением ему пытались втолковать, что Джейн — это

их общий крест.

Новое замужество преобразило Джейн внешне. А в душе она так и осталась непосредственной девчонкой.

«Он меня долго учил носить эти туалеты», — ничуть не смущаясь, произносит Джейн. Один ноль в ее пользу. Кто еще из женщин может признаться в подобном? Ведь «они рабы своего положения».

Молодой муж не только научил ее носить новые туалеты, но и открыл для нее мир любви, судя по всему, доселе ей неизвестный. Оказывается, возраст влюбленности не помеха. И любви — совершенно новому для нее чувству, — которую она испытывает к Реджинальду.

Мне жизнь дала такое счастье —
Тебя узнать и полюбить!
О Боже, благослови любовь!
Благослови любовь!

И вновь Джейн превращается в маленькую девочку, которая испытала безответную любовь и не знает, как ей с этим справиться.

Спектакль получился без дежурных хохм и сомнительных реплик. И когда актеры через некоторое время начали подбрасывать в текст что-то в этом духе, она им сказала:

— Ребята, давайте оставим хотя бы один спектакль без этого. Хорош он или плох, но у него есть свой стиль, своя интонация.

Сама она с каждым спектаклем все больше и больше окуналась в музыкальный материал, купалась в нем, «лакомилась» им. «Это роль, о которой может мечтать каждая актриса», — скажет она однажды в одном из своих интервью.

Ей повезло. Все ее мечты исполняет «любимый Кремер». А «Молитва», на которой она так боялась сорвать голос, стала одним из любимых музыкальных номеров.

Сцена — как рентген. Просвечивает человека насквозь, и редко кому удается обмануть зрителя. Сама она считает, что человек, избравший эту профессию, должен впитать в себя как можно больше. Иногда наступали моменты, когда она чувствовала — отдавать ей больше нечего. Тогда она откладывала все дела в сторону и пыталась почитать, посмотреть живопись. Надо насыщать себя чем-то, чтобы иметь возможность потом сказать это людям.

...Ей нужно выспаться. Во сне усталость исчезнет, она проснется чуточку бодрее, если это слово можно применить к тяжело больному человеку. А там — как знать, может быть, все-таки соберется с силами и выйдет из больничных стен. Ведь в конце декабря 2010 года врачи отпускали ее домой. И даже уговаривали сменить обстановку, встретить дома и Новый год, и день рождения. Убеждали в том, что палата останется за ней, что, если понадобится, врачи приедут домой. Ей очень хотелось домой, но перед Новым годом она побоялась. Мало ли что...

«Я жить хочу!» — пронеслось в голове.

Увидев перед собой испуганное лицо мужа, она вдруг поняла, что приподнялась на кровати и последнюю фразу произнесла вслух. А ведь в последние дни уже не было ни сил, ни голоса.

Даже с Рудькой, который позвонил на Татьянин день, поговорить не смогла. Толя сказал об этом. Он взял трубку мобильного телефона. Тогда она лишь улыбнулась уголками рта и моргнула глазами — только так она могла дать понять, что услышала. И сквозь дурманящее от лекарств забытье услышала «спасибо», переданное ее первому мужу.

Нет, все-таки она — уникальная женщина.

Силы закончились. Голос опять исчез. Глазами дала понять мужу, что все в порядке, если, опять же, это слово применимо к ее состоянию.

Кремер все понял. Немудрено — тридцать пять лет вместе. Шутка ли...

Именно с ним она не только почувствовала себя защищенной, но и перестала бояться болеть. И это тоже подарок судьбы. Как знать, может быть, в этом сыграл свою роль и тот его уход в предыдущую семью, когда вновь заболела Роза и он за ней ухаживал? А после того как он к ней вернулся, она вдруг четко осознала, что он ее никогда не бросит. А уж тем более в период болезни. Вот осознала, и все. Женщине всегда важно знать, что рядом есть человек, который за тебя болеет, переживает, страдает. Особенно в таком возрасте. Она платит ему абсолютно тем же. Ей физически становится плохо, когда он болеет...

Сколько раз так было. Их приглашали в гости. И вдруг накануне у него поднималась температура.

— Тань, ну сходи одна, — уговаривал муж.

— Как это я пойду без тебя? А ты дома будешь лежать с температурой? Не пойду!

— Не пойдешь — и ладно.

Шутя она называла себя «домашней курицей». Однажды сказала:

«Знаешь, я все-таки хочу какой-то свободы». Кремер не возражал. А с другой стороны, все равно бежала домой.

Ведь они до сих пор не разочаровались друг в друге. Со временем любовь, конечно, трансформируется во что— то, но она знает, что без этого человека не может жить, а он не может без нее. Скорее всего, он и есть та самая пресловутая половинка, которую она искала до сорока с лишним лет.

Случайно или нет судьба столкнула их? Она считает, что все случаи в жизни predetermined судьбой. От этой коррекции и зависит, удачно сложится жизнь или нет. Но она всегда очень верила именно в Его Величество Случай. Ведь бывает так: живешь-живешь и вдруг — раз! Думаешь, откуда? А это случай.

Они встретились уже в таком возрасте, когда переделывать друг друга бесполезно, либо принимаешь таким, какой есть, либо... Конечно же что-то ее не устраивает в нем, что-то — его в ней, но у каждого свои недостатки и успех их совместного долголетия, наверное, и заключается в том, что они не пытаются переделать друг друга. Сколько раз ей говорили: «Он у тебя барин! Даже посуду за собой помыть не может». Да не может она видеть мужчину, который моет посуду. И по дому он ничего не делает, говорит: «У меня другая профессия». Ей гораздо проще и быстрее самой заменить перегоревшую лампочку или починить утюг, чем пытаться убедить его в естественном разделении домашних дел. Но зато он специально для нее написал четыре музыкальных спектакля, чем продлил ее актерскую жизнь. И это — поступок. Ведь часто мужья ограничиваются тем, что говорят женам красивые слова. Но сущность человека определяют его поступки.

Она не узурпатор, а он не овечка. Так что у них все сбалансировано. Они помогают друг другу на протяжении тридцати с лишним лет. Она очень любит своего мужа и считает, что им обоим повезло: он заботится о ней, она — о нем и оба они беспокоятся друг за друга. Они не понимают, и дай бог, никогда не поймут, что значит расхожая фраза «одинокость вдвоем». А ведь сколько людей именно так и живут: нет, они не скандалят, не выясняют, кто прав, кто виноват, но могут днями не разговаривать. И это молчание называется — пропасть.

У нее с мужем та самая близость, при которой можно молчать часами, но все равно чувствовать, что рядом родной человек.

И ей иногда кажется странным вопрос: «Вы часто ссоритесь?»

А зачем? Ссориться с Кремером — занятие абсолютно бессмысленное. С ним и спорить-то невозможно. Хотя спорят и по сей день. И не только по творческим вопросам. Правда, есть у него одна привычка: выслушав ее, он обязательно сначала возразит. А уж потом начинает спорить.

К сожалению, с годами она стала нетерпимой, взрывной. Раньше была сдержанной и, как говорила одна театральная героиня, держала себя в струне. А сейчас... Депрессии какие— то посещают, да и характер стал портиться. Естественно, что ей это неприятно. Она страдает от этого, но ничего поделать с собой не может. В театре еще как-то сдерживается, а дома расслабляется. Муж удивляется: «Что с тобой? Нас же двое, и нам никуда друг от друга не деться. Что будет, если мы начнем ругаться?» Но, к сожалению, все равно время от времени прорывает. Важно другое — в главном они единственное целое. Как поет ее любимая Катрин:

Мы неразлучны, как счастье и беда!
Сердце нам дано на двоих одно,
Мы с тобою вместе навсегда! Навсегда!

Ей очень повезло с мужем. Сколько раз она признавалась ему в любви со сцены.

Наконец судьба мне надежду дала,
Как я долго ждала любовь!
Все в этой жизни пройдет,
Но любовь не умрет. Только любовь! —

пела она от лица Джулии Ламберт.
А это уже Катрин:

Ты знай, что навсегда с тобой
Радость и печаль делю.
Мы связаны одной судьбой.
Я люблю!

Ее Джейн:

Летят года... Летят года...
О, как они летят!
Но вдруг любовь приходит к нам,
И нет пути назад...

Проводив взглядом Кремера, она посмотрела на больничное окно. За ним были сумерки. Ее любимое время суток. Опять вспомнилась юность, когда она с удовольствием приходила к Охотному Ряду. Тогда здесь только-только посадили первые липы. В сумерках зажигались фонари, все вокруг становилось каким-то волшебным и загадочным. И у нее моментально менялось настроение. А какой запах стоял в пору цветения лип! Сколько лет прошло с тех пор, многое изменилось... Вспомнила — и словно вновь почувствовала этот запах. И увидела себя в окружении лип и зажигающихся фонарей...

Спать. Непременно надо поспать. Ей нужны силы. Она обязательно выйдет на сцену. Правы друзья. И если раньше она относилась скептически к их призывам, то сейчас поняла, насколько они правы. Сара Бернар нашла в себе силы после всего случившегося выходить на сцену. А ведь ей на тот момент было уже немало лет. И она найдет! И вновь выйдет на сцену. Ведь сцена, как любовь, как жизнь, — всегда права!

Джулия Ламберт... Одна из любимых ролей.

Сколько раз она пела:

Нет! Нет! Нет! Для меня этот мир
Полон света и тайн, как в былые года.
Мир, где радость и боль.
И дается нам роль в нем навсегда!
Да! Да! Да! Пусть проходят года!
Нет! Нет! Не кончается жизнь,
Не кончается жизнь никогда!

И зал замирал. И зрители плакали. И у нее у самой наворачивались слезы.

Главное, чтобы вновь появился голос. Он появится, обязательно появится. Сколько раз уже такое было: приходила перед спектаклем, даже говорить не могла, а потом потихонечку начинала распеваться и...

...В тот вечер она играла Катрин. Голоса не было. «Ничего, — успокаивала она сама себя, — сейчас распоюсь». Пришла Марина Петровна. Начинают распеваться — голоса нет, одни сипы. Еще одно упражнение — результат тот же. Села гримироваться. Вновь упражнение — результат тот же... И вдруг она почувствовала, что Марина — ее

многолетний педагог — нервничает больше, чем она сама. Но делает вид, что ничего не случилось. Она понимает, что произошло ужасное — декорация стоит, второй исполнительницы в этом спектакле нет и, что делать, никто не знает.

— Марин, что делать?

— Все в порядке, давай так: упражнение — гримируешься, упражнение — гримируешься... — На самом деле педагог не знала, распоятся они или нет.

Они распевались полтора (!) часа. Три минуты упражнение — и Марина отпускала ее на грим. Тон на лицо положила — опять к инструменту, еще несколько минут, один глаз накрутила — вновь стоит возле пианино. Накрасила второй глаз — опять распеваются. Костюмер принесла костюм Катрин на первый выход. Опять к инструменту. Времени уже практически нет, но и голоса тоже. Лицо готово, вновь пробует распеться. И вновь Марина Петровна отпускает ее. Она в костюме героини. И снова упражнение.

— Трудно, да? — озабоченно спрашивает педагог.

— Не могу я! — Отчаяние в голосе.

— Все, все! Спокойно!

Напряженное лицо педагога становится мягче.

— Давай теперь так попробуем!

Она делает все, что говорит Марина. Она ей верит, потому что знает: Никольская — волшебница и с ней всегда происходят чудеса.

Нанесла на ногти свежий лак — об этом ритуале знали все в театре от директора до вахтера на служебном входе — и вновь распеваться.

— Что ты мне сюда зацепила? — услышала Марина Петровна привычное «недовольство» своей подопечной. На сей раз, глядя на себя в зеркало, она «распекала» постижера.

Стук в гримерную. Помощник режиссера:

— Татьяна Ивановна! Как вы? Готовы? Можно начинать?

Она неопределенно покачала головой. Помреж все поняла. Вышла из гримерной.

Прошло еще какое-то время, и в динамике раздался голос помощника режиссера: «Всем актерам, занятым в начале первого акта, просьба пройти на сцену. Начинаем!»

— Останешься на спектакль? — Она посмотрела на Марину Петровну.

— Да. Не волнуйся. С Богом!

Молитва... Молитва перед спектаклем.

На сцене началось действие. Она за кулисами. Обязательный батман перед выходом. Лицо сосредоточенно. Она берет из рук реквизитора корзинку.

— Ваш выход, Татьяна Ивановна!

— Господи! Пронеси!

И через мгновение со сцены уже раздавалось:

Не зря мы взяли в руки саблю и ружье,
Саблю и ружье, саблю и ружье.
Должны очистить мы от нечисти жильё,
Старое жильё свое!

Чистый и звонкий голос полетел в зрительный зал: партер, амфитеатр, бельэтаж, балконы первого и второго яруса, ложи бенуара, бельэтажа.

Она облегченно вздохнула и закрыла глаза.

Больничные часы показывали 16:45.

Она ушла 3 февраля 2011 года.

Ушла, оставив за собой едва уловимый запах любимых духов «Мадам Роша». Ушла, оставив нам на память очаровательную улыбку, прищур чуть раскосых глаз, уникальный полетный голос, звонкий смех, гибкую фигуру, летящую походку, легкий стук каблучков, шарм, едва уловимый акцент, искусство быть Женщиной, неповторимую «Карамболину», потрясающее «хрюканье» Элизы Дулитл, неподражаемого Чарли Чаплина, роскошную Диану, озорную Катрин, трогательную Джейн, великую Джулию Ламберт...

Ушла, оставшись на этой грешной земле уникальной актрисой — единственной королевой в своем королевстве, имя которому — Оперетта!

Роли Татьяны Шмыги

Государственный Академический театр «Московская оперетта»

- *Берта* — «Вольный ветер», И. Дунаевский, 29 октября 1953 г.
- *Саня* — «Первая любовь», Ю. Милютин, 2 марта 1954 г.
- *Клара* — «Парижская жизнь», Ж. Оффенбах, 30 апреля 1954 г.
- *Виолетта* — «Фиалка Монмартра», И. Кальман, 14 августа 1954 г.
- *Тоня Чумакова* — «Белая акация», И. Дунаевский, 1955 г.
- *Валентина* — «Веселая вдова», Ф. Легар, 1956 г.
- *Чана* — «Поцелуй Чаниты», Ю. Милютин, 1956 г.
- *Дэзи* — «Бал в Савойе», П. Абрахам, 1957 г.
- *Таня* — «Весна поет», Д. Кабалевский, 1957 г.
- *Маша* — «Фонари-фонарики», Ю. Милютин, 1958 г.
- *Лили* — «Баронесса Лили», И. Хуска, 1958 г.
- *Лидочка* — «Москва — Черемушки», Д. Шостакович, 1958 г.
- *Долли* — «Только мечта», Б. Кырвер, 1959 г.
- *Оля* — «Простая девушка», К. Хачатурян, 1959 г.
- *Глория Розетти* — «Цирк зажигает огни», Ю. Милютин, 1960 г.
- *Анжель* — «Граф Люксембург», Ф. Легар, 1960 г.
- *Любаша Толмачева* — «Севастопольский вальс», К. Листов, 1961 г.
- *Адель* — «Летучая мышь», И. Штраус, 1962 г.
- *Делия* — «Куба, любовь моя», Р. Гаджиев, 1963 г.
- *Маша Русакова* — «Пять минут на размышления», К. Листов, 1964 г.
- *Элиза Дулитл* — «Моя прекрасная леди», Ф. Лоу, 1964 г.
- *Мария* — «Вестсайдская история», Л. Бернстайн, 1965 г.
- *Мэри Ив* — «Девушка с голубыми глазами», В. Мурадели, 1966 г.
- *Галя* — «Настоящий мужчина», М. Зив, 1966 г.
- *Галя Смирнова* — «Конкурс красоты», А. Долуханян, 1967 г.
- *Дарья Ланская* — «Белая ночь», Т. Хренников, 1967 г.
- «Оперетта, любовь моя!» — концерт-обозрение, 1969 г.
- *Нинон* — «Фиалка Монмартра», И. Кальман, 19 января 1970 г.
- *Вера* — «Нет меня счастливей», А. Эшпай, 1970 г.
- *Марфа* — «Девичий переполох», Ю. Милютин, 1971 г.
- *Ведущая* — «Триумфальная арка», А. Флярковский, 1975 г.
- *Зоя-Зюка* — «Пусть играет гитара», О. Фельцман, 1976 г.

- *Любовь Яровая* — «Товарищ Любовь», В. Ильин, 1977 г.
- *Диана* — «Эспаньола, или Лопе де Вега подсказал», А. Кремер, 1977 г.
- *Роксана* — «Неистовый гасконец», К. Караев, 1978 г.
- *Сашенька* — «Господа артисты», М. Зив, 1981 г.
- «Мы начинаем в 22» — концерт-обозрение, 1983 г.
- *Катрин* — «Катрин», А. Кремер, 1985 г.
- *Герцогиня Герольштейнская* — «Великая герцогиня Герольштейнская», Ж. Оффенбах, 1987 г.
- *Джулия Ламберт* — «Джулия Ламберт», А. Кремер, 1991 г.
- *Джейн* — «Джейн», А. Кремер, 1999 г.
- «Большой Канкан», музыка отечественных и зарубежных композиторов, 2001 г.

Московский драматический театр имени М. Н. Ермоловой

- *Она* — «Перекресток», Л. Зорин, 2005 г.

Награды и звания Татьяны Шмыги

- Почетное звание «Заслуженная артистка РСФСР» (08.03.1960)
- Почетное звание «Народная артистка РСФСР» (1969)
- Почетное звание «Народная артистка СССР» (24.01.1978), единственная в СССР актриса оперетты, удостоенная этого звания
- Лауреат Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки (1974) — за исполнение ролей Веры, Марфы и Нинон в опереттах «Нет меня счастливей» А. Эшпая, «Девичий переполох» Ю. Милютина и «Фиалка Монмартра» И. Кальмана
- Лауреат премии Президента Российской Федерации в области литературы и искусства (2001)
- Лауреат премии «Овация» в номинации «Музыкальный театр» (2008)
- Лауреат премии «Золотая маска» в номинации
- «За вклад в развитие театрального искусства» (2011)
- Орден «Знак Почета» (1967)
- Орден Трудового Красного Знамени (1986)
- Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (1998)
- Орден «За заслуги перед Отечеством» III степени (2008)
- Медаль «Ветеран труда» (1983)
- Медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» (1995)
- Медаль «В память 850-летия Москвы» (1997)
- Благодарность Президента Российской Федерации (2004)
- Благодарность «За выдающиеся творческие достижения в сфере музыкального театра» Национального фестиваля «Музыкальное сердце театра» (2006)